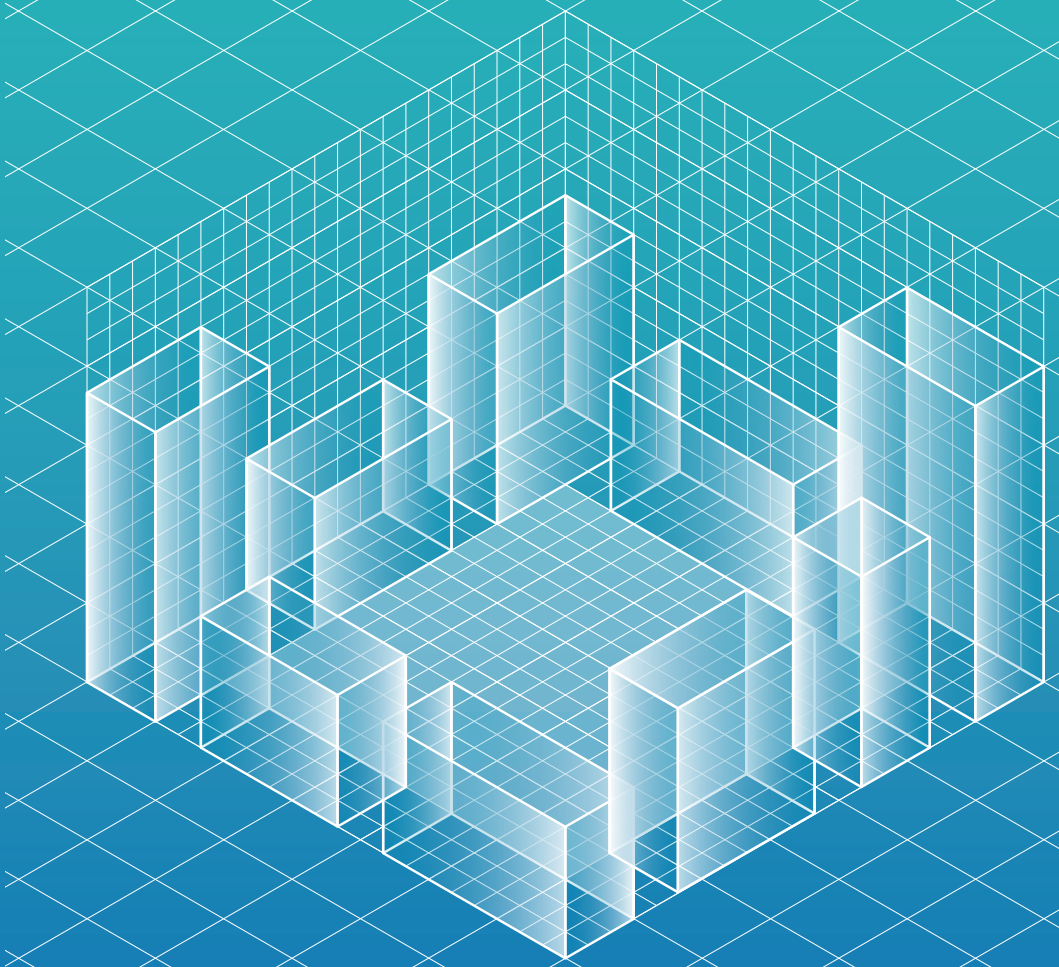
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ

РАНХиГС

Издательский дом ДЕЛО

МЕТОД ГЛАЗЫЧЕВА

сборник статей



ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Метод Глазычева

Сборник статей

| Издательский дом ДЕЛО |
Москва | 2026

УДК 316.334
ББК 85.118
М54

Рецензенты:
Боков Андрей Владимирович, доктор архитектуры, президент Московского отделения Международной академии архитектуры, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, академик Российской академии художеств;
Максимов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, генеральный директор Союза российских городов, председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по территориальному развитию, городской среде и инфраструктуре

Метод Глазычева: сборник статей / коллектив авторов : А.А. Александров, И.Н. Алов, Е.И. Верещагина [и др.] ; составители : Д.П. Соснин, Е.И. Верещагина [и др.] . — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2026. — 184 с. — (Текст : непосредственный). — ISBN 978-5-85006-787-8
М54

Сборник статей подготовлен по итогам секции «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня» XIII Всероссийской научно-практической конференции «Глазычевские чтения» (2025), приуроченной к 85-летию со дня рождения выдающегося российского урбаниста В.Л. Глазычева. В статьях практиков и исследователей — современников, коллег и учеников Глазычева — представлен многогранный опыт осмысления, адаптации и применения его ключевых идей и методологических подходов в современной российской урбанистике, градостроительстве, территориальном управлении и проектной деятельности.

Книга отражает живой диалог о наследии Глазычева, его актуальности и новых фронтирах в контексте вызовов современного пространственного развития.

ISBN 978-5-85006-787-8

УДК 316.334
ББК 85.118

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2026

Содержание

Введение 5

Метод Глазычева: опыт дискурс-анализа на примере публикации «Советская архитектура: ритмы перестройки»
Д.П. Соснин 8

Метод Глазычева: как использовать его на практике
Е.И. Верещагина 27

Метод Глазычева: между наукой и искусством
П.В. Иванов 37

Метод Глазычева: попытка проблематизации
А.И. Шарыгин 47

Метод Глазычева: главная идея и «человеческое измерение»
В.Г. Марача 60

Консенсус Мурунова (консенсус через согласование интересов и запроса на новый опыт)
С.А. Мурунов 77

Мифодизайн как инструмент проектирования будущего территорий: развитие идей В. Л. Глазычева в современной урбанистической практике
А.Г. Ивлев 91

Сравнительный обзор современного подхода к мастер-планированию в России и идей стратегического планирования В. Л. Глазычева
Е.И. Шарма, А.Ю. Жильцова 103

Мысль без границ: где следующий фронтир для метода Глазычева
А.С. Гусева 118

Дослободизация Карачаровского треугольника в условиях активного редевелопмента: конфликты памяти, идентичности и образов будущего
И.Н. Алов, К.В. Ламской, А.А. Александров, В.И. Кияница, Д.С. Матвеев, Д.М. Михеев, Г.Е. Попов 132

Имитация участия и стандартизация среды:
почему малые города теряют голос.
Переосмысление идей В. Л. Глазычева
Е.С. Дьяченко 152

Метод Глазычева: город как спонтанный порядок
А.А. Яновский 167

Авторы и составители 183

Введение

2025 год ознаменован 85-летием со дня рождения Вячеслава Леонидовича Глазычева (26.02.1940–05.06.2012) — выдающегося российского ученого, мыслителя и общественного деятеля, чье многогранное наследие продолжает определять интеллектуальный ландшафт отечественной урбанистики, градостроительства и философии пространственного развития. Архитектор по образованию, кандидат философских и доктор искусствоведческих наук, профессор, член Международной академии архитектуры, Глазычев стал уникальной фигурой, соединившей глубокий анализ пространственной организации и морфологии города с пониманием социальных процессов, технологий управления, культурно-символического и человеческого измерения городской среды. Он последовательно отстаивал междисциплинарность, рассматривая город не как объект для сугубо технократических воздействий, а как сложную систему, обладающую внутренней логикой развития, а местное сообщество — субъектностью (актуальной или потенциальной).

Его ключевые труды, такие как «Урбанистика», «Город без границ», «Городская среда. Технология развития», заложили методологические основы новой профессиональной парадигмы. Особое место в наследии занимает масштабный исследовательский проект — серия экспедиций «Глубинная Россия» (2000–2001 гг.), по результатам которой была издана одноименная книга. В этой работе Глазычев и его команда, изучая текущее положение и перспективы развития малых городов Приволжского федерального округа, продемонстрировали подход, основанный на глубоком погружении в локальный контекст, выявлении его внутренних ресурсов и возможностей, отказе от навязывания внешних шаблонных рецептов.

Глазычев был блестящим популяризатором и переводчиком: благодаря ему на русский язык переведено множество книг и статей, посвященных городам, в том числе «Трактат об архитектуре» Филарете (Антонио Аверлино), «Образ города» и «Совершенная форма в градостроительстве» Кевина Линча, «Динамика архитектурных форм» Рудольфа Арнхейма, «Город в Америке: жители и власти» Роберты Грац, «Закат Америки. Впереди Средневековье» Джейн Джекобс.

Его активная позиция в публичной сфере, работа в Общественной палате Российской Федерации и неутомимая просветительская деятельность сделали его фигурой, напрямую связывающей академическое знание, профессиональное сообщество и запросы общества на качественную среду проживания.

Продолжателем интеллектуального наследия Вячеслава Леонидовича Глазычева стала созданная им в 2009 году кафедра территориального развития имени В. Л. Глазычева в Институте общественных наук РАНХиГС. С 2013 года кафедра проводит ежегодную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Глазычевские чтения» — ключевую площадку для дискуссий о трендах, проблемах и будущем российских городов, ставшую данью памяти и инструментом развития его идей.

В 2025 году Чтения прошли в Сергиевом Посаде — городе с уникальным историко-культурным и духовным наследием, где вопросы баланса между сохранением идентичности, развитием туризма и качеством повседневной жизни стоят особенно остро. Тема конференции — «Как мастер-планирование меняет жизнь городов» — отразила поиск решений, способных гармонизировать эти сложные процессы. Партнерами выступили ДОМ. РФ, Союз российских городов, Комиссия по территориальному развитию, городской среде и инфраструктуре Общественной палаты Российской Федерации и Фонд по сохранению, воссозданию исторического облика и развитию Сергиева Посада.

Особое место в программе Чтений заняла секция «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня». Ее цель — не академический разбор, а живая рефлексия

практиков и исследователей разных поколений о том, какие инструменты, принципы и оптики, сформулированные Глазычевым, остаются рабочими сегодня, как они трансформируются в конкретных проектах и профессиональной деятельности.

В настоящий сборник вошли статьи, подготовленные по итогам работы этой секции. Каждая из представленных работ — свидетельство того, что идеи Вячеслава Леонидовича Глазычева не остались в прошлом. Они активно переосмысляются, критикуются, адаптируются и развиваются, продолжая влиять на умы и практики тех, кто сегодня проектирует будущее российских городов и территорий. Надеемся, что данный сборник станет полезным вкладом в этот непрерывный диалог.

Отдельную благодарность за организацию секции и работу с авторами статей хочется выразить основателю медиа «Кто твой город» Елене Игоревне Верещагиной и основателю бюро исследований «Гражданская инженерия», автору телеграм-канала «Урбанизм как смысл жизни» — Петру Вадимовичу Иванову.

Метод Глазычева: опыт дискурс-анализа на примере публикации «Советская архитектура: ритмы перестройки»

Дмитрий Петрович Соснин
кандидат политических наук, заведующий кафедрой территориального развития имени В.Л. Глазычева ИОН РАНХиГС
Россия
г. Москва
e-mail: sosnin-dp@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен дискурс-анализ публикации В.Л. Глазычева «Советская архитектура: ритмы перестройки» (1988), позволяющий выявить методологические основы и ключевые идеи его подхода, предвосхитившие развитие современной российской урбанистической практики. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к интеллектуальному наследию В.Л. Глазычева. Исследование сфокусировано на способах работы В.Л. Глазычева в пространстве публичной политики и общественных изменений в масштабе страны в противовес традиционному рассмотрению его «метода» в контексте развития малых городов и локальных сообществ. Статья адресована исследователям в области урбанистики, архитектуры, градостроительства, а также специалистам, интересующимся историей развития концептуальных подходов к формированию городской среды.

Ключевые слова: Вячеслав Глазычев, урбанистика, перестройка, роль архитектора, дискурс-анализ, городская среда, публичная политика.

Glazychev's Method: Experience of Discourse Analysis Based on the Publication «Soviet Architecture: Rhythms of Perestroika»

Dmitry Sosnin
PhD in Political Sciences, Head of the Department of Territorial Development named after V.L. Glazychev Institute of Social Sciences, RANEPA
Russia
Moscow
e-mail: sosnin-dp@ranepa.ru

Abstract. The article presents a discourse analysis of V.L. Glazychev's publication «Soviet Architecture: Rhythms of Perestroika» (1988), which allows identifying the methodological foundations and key ideas of his approach that anticipated the development of modern Russian urban practice. The relevance of the research is determined by the growing interest in the intellectual legacy of V.L. Glazychev. The study focuses on V.L. Glazychev's methods of working in the space of public policy and social changes at the national scale, as opposed to the traditional consideration of his «method» in the context of the development of small towns and local communities. The article is addressed to researchers in the field of urban studies, architecture, urban planning, as well as specialists interested in the history of the development of conceptual approaches to the formation of the urban environment.

Keywords: Vyacheslav Glazychev, urban studies, perestroika, the role of the architect, discourse analysis, urban environment, public policy.

Перефразируя старую поговорку, справедливо заметить: архитектура — слишком серьезное дело, чтобы доверить ее одним архитекторам, а тем более строителям. Ее средства — общественные средства, ее продукт — общественный продукт и сама она — общественное дело.

Глазычев В. Л. Советская архитектура: ритмы перестройки. — М.: Знание, 1988

В феврале 2025 года исполнилось 85 лет со дня рождения Вячеслава Леонидовича Глазычева (1940–2012) — фигуры, во многом сформировавшей ландшафт российской урбанистической практики. Юбилей — повод не только для мемориализации[1], но и для реактуализации его интеллектуального наследия. Среди вышедших в юбилейный год публикаций, посвященных В. Л. Глазычеву, отдельно хочется отметить статью Петра Иванова «Метод Глазычева: этюд к постбиографии» [7] на сайте «Среда для жизни», а также материал «Настройка его оптики была эксклюзивна»: о методе и наследии Глазычева рассказывают его современники [1] на портале «Кто твой город». На мой взгляд, эти публикации являются ключевыми для развернувшейся в профессиональном сообществе дискуссии о методе Глазычева и его «жизни» после смерти мэтра, кульминацией которой стала одноименная секция [9; 10] в рамках Глазычевских чтений (модератор — Елена Верещагина). Предварительные итоги этой дискуссии показывают, что Вячеслав Глазычев — ключевая и востребованная, но методологически недостаточно отрефлексированная фигура российской интеллектуальной истории, что создает пространство возможностей для дальнейших исследований, аналитических разработок, экспертных обсуждений.

Период активной профессиональной и общественной деятельности В. Л. Глазычева продолжался с 1960-х до начала 2010-х годов. За это время его интересы, предметы деятель-

[1] В 2025 году был установлен памятник на могиле В. Л. Глазычева на Введенском кладбище, методом краудфандинга собраны средства и запущен процесс изготовления таблички с барельефом на доме, где длительное время проживал Вячеслав Леонидович (г. Москва, проспект Вернадского, д. 113).

ности, представления, способы и инструменты работы претерпели существенную эволюцию. Однако в ядро современного российского урбанистического дискурса вошли в основном идеи и подходы «позднего» Глазычева 2000-х и частично 90-х годов. В своеобразный канон книг и выступлений Вячеслава Леонидовича, на которые принято ссылаться, входят «Урбанистика» (2008) [5], «Глубинная Россия: 2002–2003» (2003) [2], «Город без границ» (2011) [3], «Городская среда: технология развития» (1995) [6], лекция «Четыре интеллектуальные позиции» [8].

Настоящая статья сознательно обращается не к этому канону, а к тексту, относящемуся к середине профессионального пути В. Л. Глазычева — брошюре «Советская архитектура: ритмы перестройки», изданной в 1988 году в серии «Новое в жизни, науке, технике. Строительство и научно-технический прогресс» [4]. Выбор этой брошюры не случаен. Она фиксирует ключевой момент в интеллектуальной истории советского градостроительства — момент осознания системного кризиса и поиска альтернатив. Именно в период перестройки на волне демократизации и гласности происходит кристаллизация ключевых идей В. Л. Глазычева, связанных с ролью общественного участия и диалога заинтересованных сторон в городском развитии, ставших позднее основанием проекта эмансипации урбанистики от архитектуры и градостроительства. Брошюра носит программный характер и в ней в концентрированном виде излагаются тезисы, предвосхищающие ключевые элементы российского урбанистического дискурса 2000-х и 2010-х годов.

Участники публичных дискуссий, соприкасавшиеся с методологическим движением Г. П. Щедровицкого, как правило, начинают выступление с фразы: «Я говорю из позиции [наименование позиции]». Поскольку В. Л. Глазычев, безусловно, испытал влияние системо- мыследеятельностного подхода, позволим и мы начать анализ с прояснения его позиционирования в брошюре «Советская архитектура: ритмы перестройки».

На развороте с выходными данными указаны следующие сведения об авторе: «Глазычев Вячеслав Леонидович — архи-

тектор, кандидат философских наук, автор 250 работ (из них 10 монографий) по теории и истории архитектуры, дизайна, теории проектирования. На ноябрьском (1987 г.) пленуме правления Союза архитекторов СССР избран его секретарем, ответственным за развитие рабочих контактов этого творческого союза с государственными и общественными институтами страны» [4, с. 2]. Кроме того, на обложке размещена фотография Вячеслава Глазычева вместе с советскими и зарубежными архитекторами на бьеннале Интерарх-87 в Софии.

Давайте разберемся, как Вячеслав Глазычев конструирует свое позиционирование. Вначале присутствует указание на профессиональную принадлежность — «архитектор» — как основу идентичности. «Кандидат философских наук» — маркер того, что автор является не только практиком, но и теоретиком, способным анализировать сферу профессиональной деятельности в более широком социально-гуманитарном контексте. Указание на большое количество публикаций демонстрирует научную продуктивность. Наличие монографий подчеркивает глубину и фундаментальность его вклада. Монография — жанр серьезного научного труда. Это сигнал читателю: перед ним не публицист-дилетант, а признанный ученый, чьи выводы основаны на долгой исследовательской работе. Широта тематики публикаций (теория и история архитектуры, дизайна, теории проектирования) подтверждает мультидисциплинарность. «На ноябрьском (1987 г.) пленуме правления Союза архитекторов СССР избран его секретарем…» — это критически важный элемент позиционирования. Союз архитекторов СССР — официальный, признанный государством творческий союз. Избрание секретарем — признание профессиональным сообществом. Показательна и сфера ответственности Вячеслава Глазычева в руководстве Союза архитекторов — «развитие рабочих контактов этого творческого союза с государственными и общественными институтами страны». Он представлен не как кабинетный ученый или узкий профессионал, а как человек, обладающий определенным административным статусом, доступом к органам власти, планируемым решениям о реформировании системы архитектуры и строительства в масштабах

страны. И наконец, фото с бьеннале в Софии демонстрирует международное признание, показывает Вячеслава Глазычева равноправным партнером в международном архитектурном диалоге, что, безусловно, еще больше повышает его статус.

Таким образом, позиционирование В. Л. Глазычева не является нейтральной биографической справкой — это дискурсивный инструмент, заранее формирующий у читателя определенное восприятие автора и текста, легитимирующий его право высказываться по теме архитектуры, строительства, городской среды и придающий необходимую авторитетность этому высказыванию.

Зададимся теперь вопросом — кому адресован текст «Советская архитектура: ритмы перестройки»? Ответ кроется в выборе Вячеславом Глазычевым канала коммуникации: брошюра вышла в серии «Строительство и научно-технический прогресс» цикла серий «Новое в жизни, науке, технике» издательства «Знание». Изначально серия называлась «Строительство и архитектура» (с 1967 по 1987 г.) [11]. В 1988 году был проведен ребрендинг и она получила новое название — «Строительство и научно-технический прогресс» (выходила до 1990 г.). Жанр серии — научно-популярная литература. Номера выходили ежемесячно. Тираж номера с текстом Глазычева — 18 856 экземпляров. Модель распространения — подписная, в свободную продажу брошюры серии не поступали.

Эти данные позволяют предположить, что основное ядро аудитории составляло заинтересованное в тематике издания профессиональное сообщество архитекторов, сотрудников проектных институтов, инженеров-строителей, управленцев. Именно к ним и обращался Глазычев, причем не как к пассивным читателям, а как к потенциальным соратникам в борьбе за предлагаемые им преобразования системы архитектурно- строительного дела. Его текст носит отчетливо перфомативный характер, направленный на провоцирование действий по изменению существующего положения, на занятие читателем активной субъектной позиции. При этом Глазычев активно апеллирует к официальным решениям XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной конференции КПСС, VIII съезда Союза архитекторов СССР и риторике перестройки

(демократизация управления, гласность) как к легитимной основе для предлагаемых им радикальных изменений. Он представляет свои идеи не как революцию, а как логическое продолжение и углубление официального курса.

Посмотрим на композицию брошюры, состоящую из пяти частей[21]: введение, программа «Жилище-2000»; проблемы развития городской среды; место архитектуры в культуре; архитектурно-строительное дело; кому создавать архитектуру. Уже по ней мы можем реконструировать логику изложения: введение в контекст, анализ верхнеуровневого целеполагания, проблематизация, смена оптики рассмотрения с технократической на социально-гуманитарную, анализ системы деятельности по производству среды проживания, взгляд в будущее — новая конфигурация субъектов деятельности.

В настоящей статье мы не будем придерживаться последовательности изложения, заданной в исходном тексте, а пойдем «другим путем»: рассмотрим, как Вячеслав Леонидович конструирует систему деятельности «архитектурно-строительное дело» и конфигурацию позиций еее субъектов в сравнительной перспективе существующего положения (на момент написания брошюры) и предлагаемого автором образа будущего.

На Глазычевских чтениях 2025 года Александр Шарыгин поставил, казалось бы, неожиданный вопрос — методом чего (какой деятельности) является «метод Глазычева»? [10] Опираясь на текст «Советская архитектура: ритмы перестройки», мы можем с уверенностью сказать, что в это время В.Л. Глазычев идентифицировал себя как субъекта изменений сферы деятельности «архитектурно-строительное дело». Интересно, что это не архитектура отдельно от строительства, а комплексная деятельность, включающая и то и другое. Причем архитектура у Глазычева не случайно стоит на первом месте — это маркер еее ведущей роли по отношению к строительству в его иерархии ценностей и картине мира. Кстати, термин

[1] Можно провести параллель структуры брошюры и с классической пятиактной моделью повествования в драматургии: экспозиция, развитие действия, кульминация, спад действия и развязка.

«урбанистика» или иные слова, производные от корня «урбан», в тексте брошюры не встречаются ни разу. Можно сказать, что работа относится к «доурбанистическому» периоду творчества В. Л. Глазычева.

Вячеслав Глазычев следующим образом вводит понятие «архитектурно-строительное дело»:

> Речь идет о всем сложном комплексе, который связывает воедино творческую и архитектурно-проектную деятельность, ее материализацию в зданиях и сооружениях, в целостной среде городов и сел. Естественно, что функционирование всей этой огромной «машины» находится в прямой зависимости от того, как действуют экономические и организационные «приводные ремни», связывающие между собой социальный заказ и конечный продукт: окружающую нас градостроительную среду [4, с. 42].

Глазычев показывает, что многочисленные проблемы городской среды («слово „городская среда“ используется здесь как краткое обозначение рукотворной среды обитания человека» [4, с. 16]) — некомплексность застройки (жилье строится быстрее объектов социальной сферы и сервиса), однотипность среды (отсутствие идентичности места), низкое качество строительства и отделки, экологические проблемы, несоответствие среды потребностям жителей, перспектива быстрого морального устаревания массового многоэтажного жилья — являются следствием институциональных проблем организации архитектурно-строительного дела.

В связи с этим более подробно рассмотрим, из чего складывается архитектурно-строительное дело как производственная цепочка по созданию среды обитания. Анализируя текст, можно выделить следующие укрупненные этапы: формирование социального заказа, проектирование, строительство, эксплуатация и «обживание» среды.

Первый этап — формирование социального заказа — наиболее критичный для итогового качества полученной среды. Фактически это форма целеполагания в системе деятельности «архитектурно-строительное дело». Глазычев рассматривает формирование социального заказа в разных масшта-

бах — страны, отрасли (ведомства), города или сельского населенного пункта, отдельного предприятия или организации, в том числе общественной.

На уровне страны социальный заказ в период перестройки был оформлен программно- целевым образом и закреплен в программе «Жилище-2000», принятой XXVII съездом КПСС в начале 1986 года. Еее девиз к 2000 году — «Каждой семье отдельную квартиру или отдельный дом». Вячеслав Глазычев приводит следующие цифры: программой предусматривалось построить к 2000 году 36 млн квартир (включая отдельные дома), или 2,4 млрд кв. м общей площади [4, с. 8]. При этом Глазычев указывает на ключевой риск реализации программы — «вместо достойной человека, сгармонизированной с его потребностями жилой среды, городов, поселков и сел, общество может получить одни лишь миллионы квадратных метров жилой площади» [4, с. 8]. Приведем еще одну цитату, предупреждающую о долгосрочных проблемах такого подхода — «но в итоге все это означает, что, продолжая с огромной скоростью возводить многоэтажные многоквартирные дома, мы формально выполним жилищную программу, но передадим следующему веку гигантский жилой фонд, уже морально сильно устаревший» [4, с. 9–10].

Причину того, что в СССР в послесталинский период была сделана ставка на массовое строительство многоквартирных домов с постепенным повышением их этажности, Глазычев видел в том, что реальными заказчиками этого строительства выступали не жители или представляющие их интересы местные советы народных депутатов и их исполнительные органы, а ведомства, заинтересованные в быстром строительстве жилья с минимальной социальной инфраструктурой для своих работников, причем часто привлекаемых с других территорий. Глазычев пишет: «Тем самым единая целостная территория города оказалась как бы разорвана на ведомственные зоны. Жители городов прекрасно знают, где проходят границы между, скажем, „городом гидростроителей“ и „городом автостроителей“, „городом газовиков“ и „городом химиков“» [4, с. 18]. Другими словами, в советской системе строительство жилья и формирование городской среды рассматривались как

вспомогательные функции, обеспечивающие потребности производства, размещения производительных сил на территории страны. Оно не являлось автономной сферой, а напрямую зависело от потребности в кадрах при строительстве новых предприятий или модернизации существующих.

По мнению Вячеслава Леонидовича, «малоэтажная плотная застройка, образуемая отдельными или сблокированными (на традиционный английский лад) жилыми домами, гораздо больше отвечает запросам большинства горожан, чем многоэтажные дома» [4, с. 10]. Другими словами, если бы заказчиками были сами жители, они предпочли бы малоэтажные дома. Интересно отметить, что эта потребность граждан так и не была удовлетворена в постсоветский период, что, к слову, подтверждается и современными социологическими опросами[1]. Хотя ведомства и предприятия в целом утратили роль заказчиков жилья, а физические лица стали основными покупателями на рынке жилой недвижимости, многоквартирное, многоэтажное строительство не утратило своих позиций, осталось преобладающим в крупных городах. Но причина лежит уже в другой плоскости — она в значительной степени связана с низкой финансовой доступностью жилья, провоцирующей покупку квартир небольшой площади (студий, однокомнатных и двухкомнатных квартир).

Вернемся к анализу текста брошюры. Критикуя гиперцентрализованную госплановскую систему принятия градостроительных решений в СССР, Глазычев предлагает в качестве рецепта децентрализацию — радикальное усиление роли местных советов депутатов как заказчиков комплексной среды проживания, удерживающих рамку конкретного города/поселка/села как целостного объекта. Вот показательная цитата на эту тему: «Нам необходимо, чтобы индивидуальный интерес сильного заказчика (в идеале это экономически мощный городской совет народных депутатов) быстро и точно нашел себе выражение в проекте, рождающемся

[1] Идеальное жилье глазами россиян: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan.

в результате диалога заказчика и архитектора под контролем общественности» [4, с. 47]. Очевидно, что эта позиция В.Л. Глазычева корреспондирует с его дальнейшей последовательной поддержкой института местного самоуправления в новой российской действительности.

Вячеслав Леонидович обращает внимание на актуальную и в то время, и в современной России проблему дефицита «квалифицированных заказчиков»: «Против нее [предлагаемой В.Л. Глазычевым новой модели] низкая архитектурная культура заказчика и общественности, не получающих соответствующей элементарной подготовки ни в школе, ни в быту и не имеющих времени и сил задумываться о своем окружении под грузом повседневных забот» [4, с. 49].

В советской организации архитектурно-строительного дела, сложившейся с начала массового типового жилищного строительства, позиция архитектора на этапе формирования социального заказа оказалась нивелирована. В предлагаемой же В.Л. Глазычевым конструкции, напротив, фигура архитектора становится ключевой на всех этапах производства городской среды, в том числе и на этапе формирования заказа.

В модели Глазычева архитектор становится активным участником и консультантом на этапе формирования заказа. Его роли и функции:

- фасилитатор диалога: помогает заказчику (местным советам народных депутатов, общественности, предприятиям и организациям, творческим объединениям) сформулировать реальные потребности, перевести социальные запросы в пространственные задачи через диалог и плотное взаимодействие;
- аналитик и эксперт: предоставляет анализ территории, возможностей, ограничений, долгосрочных последствий разных сценариев застройки до принятия принципиальных решений;
- генератор идей: предлагает варианты пространственной организации для удовлетворения выявленных потребностей, стимулируя заказчика мыслить шире типовых решений.

Перейдем к анализу репрезентации в работе Глазычева этапа «проектирование». Это основное функциональное место архитектора в цепочке производства среды проживания и в старой и новой (предлагаемой Вячеславом Леонидовичем) системе архитектурно-строительного дела. Институционально в то время проектирование осуществлялось совокупностью архитектурно-проектных институтов, многие из которых были ведомственными. Эта организационная форма сложилась еще в сталинское время и оставалась преобладающей весь последующий период существования СССР. Вот как В.Л. Глазычев описывает ее генезис:

> Это произошло уже в 30-е годы, так что вполне естественным выглядело и стремление ликвидировать и расцветшие в годы нэпа малые архитектурно- проектные бюро, и собрать архитекторов в крупные проектные бюро. Постепенное устранение экономических рычагов управления вызвало и следующий шаг: архитекторы и так называемые смежники (инженеры-конструкторы, сантехники, электрики, сметчики и др.) оказались в рамках одних институтов, именуемых по традиции архитектурно-проектными, хотя архитекторы составили в них абсолютное меньшинство» [4, с. 43]. Кроме того, произошла и девальвация статуса архитектора — «меркантильный характер эпохи отбросил архитектуру на низкий уровень шкалы ценностей уже тем, что архитекторы, вопреки своей традиционной роли главного строителя, оказались рядовыми, низкооплачиваемыми служащими крупных проектных институтов [4, с. 29].

Почему это произошло? Ключевая причина снижения роли проектирования (и связанных с ним профессиональных позиций, в том числе архитекторов) в системе деятельности по производству среды проживания — переход к массовому серийному строительству и отказ от «архитектурных излишеств» в целях увеличения скорости и снижения стоимости возводимых объектов. Это закономерно привело к сокращению затрат на проектирование. Глазычев пишет:

> Перемены пока еще не наступают, и тоже по понятным причинам. Первая из них — искусственно заниженная стоимость проектирования. В большинстве стран она

> колеблется в пределах 3–12% строительной стоимости, что, разумеется, немало, но зато полностью исключает столь обычную в нашей практике некомплектность проектной документации, ее «сырость», а то и прямые ошибки. В нашей стране стоимость проектирования сбита до 1–1,5%, бывает она и меньше, а в перспективе ее обещают увеличить только «в отдельных, особо сложных случаях» — до 3–3,5% [4, с. 53].

Для того чтобы исправить ситуацию в проектировании, необходимо в первую очередь произвести кардинальные изменения в функциональном блоке «формирование социального заказа», потому что именно деформированный по отношению к потребностям конечных пользователей — жителей — социальный заказ на производство среды проживания во многом порождает проблемы на этапе проектирования (отсутствие спроса на индивидуальные, контекстно-специфичные, а не типовые решения). Мы уже отмечали, что Глазычев предлагал децентрализовать и диверсифицировать социальный заказ в сфере архитектурно-строительного дела. Кроме того, в брошюре он уделяет больше внимания созданию пространства выбора и для заказчиков за счет развития конкуренции на стороне исполнителей — разработчиков архитектурно-проектных решений. Он предлагает делать ставку на создание большого количества малых архитектурно-проектных кооперативов и мастерских, в том числе под эгидой Союза архитекторов СССР, которые в перспективе смогут и вовсе вытеснить крупные институты из проектной деятельности. Другим важным направлением он считал широкое внедрение конкурсных механизмов.

В анализе репрезентации в тексте «Советская архитектура: ритмы перестройки» цепочки по производству среды проживания этап «строительство» предстает как ключевой узел системного кризиса советского архитектурно-строительного дела.

Главный субъект деятельности на данном этапе — строительный комплекс, представленный прежде всего крупными домостроительными комбинатами (далее — ДСК). Строительный комплекс описывается как монополизированная, техно-

логически отсталая, инерционная система, ориентированная исключительно на выполнение количественных планов по вводу типового, многоэтажного жилья в ущерб качеству и долгосрочным последствиям (социальным, экологическим).

ДСК обладают фактической монополией на реализацию строительных проектов. Эта монополия позволяет строителям диктовать условия архитекторам на стадии проектирования. Архитектор вынужден «согласовывать проект с подрядчиком, со строительным трестом, имеющим право вычеркнуть из проекта все, что ему сложно выполнить» [4, с. 46].

Чрезмерное укрупнение ДСК делает их неспособными к быстрой смене технологий. Это является одной из причин, почему строители стараются избегать реконструкции старых городских кварталов, требующей спецтехники и высокой квалификации, предпочитая освоение новых периферийных территорий, что ведет к разрастанию городов. Автором подчеркивается инерция не только технологических систем непосредственно самого строительства, но и тесно связанных с ним инженерных и коммунальных сетей. В частности, централизованное отопление от ТЭЦ блокирует развитие локальных экологичных систем.

Вячеслав Леонидович последовательно на протяжении всего текста конструирует оппозицию строителей, с одной стороны, и архитекторов и конечных пользователей среды — с другой. При этом архитекторы в его интерпретации ситуации наделяются функциями представителей и защитников интересов заказчиков и пользователей (своеобразная аналогия «городского адвокатирования» в американской практике). Этот тезис хорошо иллюстрирует следующая цитата:

> Архитектор по роду деятельности преследует интересы заказчика, выражающего интересы пользователя, советских трудящихся, стремится заставить строительный комплекс выйти навстречу этим законным интересам и ответить им не только количеством квадратных метров, но и высоким качеством среды жизнедеятельности [4, с. 46].

Строительный комплекс уподоблен Вячеславом Леонидовичем «длинному и тяжелому товарному составу, разогнавше-

муся под уклон». Его невозможно резко остановить или свернуть из-за гигантских масштабов строительства. Анализ Глазычева однозначно указывает, что без радикальной реформы строительного комплекса — децентрализации, внедрения рыночных механизмов (конкуренция подрядчиков), разрушения монополии ДСК, перехода на современные технологии — качественное улучшение среды обитания невозможно. Таким образом, в дискурсе Глазычева этап «строительство» репрезентирован как ключевая дисфункциональная и конфликтогенная зона советской системы производства среды, требующая неотложных и глубоких преобразований в рамках общей перестройки. Заметим, что эта конфликтогенность не осталась в советском прошлом после перехода к рыночным отношениям. Она трансформировался в противостояние «девелоперский комплекс vs городское сообщество» в ситуациях реновaций, точечной застройки, борьбы за парки и историческое наследие. Можно сказать, что строительный комплекс, ориентированный на возведение многоэтажного типового жилья, не только сумел пережить крах советской системы, но даже укрепить свои позиции в современной России.

Заключительный этап производственной цепочки — эксплуатация и «обживание» среды — представлен в работе Глазычева как закономерный продукт системы «архитектурно-строительного дела», где последствия ошибок проектирования и строительства ложатся тяжелым бременем на конечных пользователей.

Вячеслав Леонидович показывает проблемы данного этапа в трех временных горизонтах.

Немедленное разочарование и необходимость переделок — жильцы сталкиваются с низким качеством строительства и отделки практически сразу после заселения. Приведем цитату из текста:

> Но ведь уже через месяц-два приходит первое отрезвление, связанное с жестокими пороками строительного и особенно отделочного процесса. Большинство счастливых обитателей новых квартир вынуждены засучить рукава и приступить к отделке своего жилища заново [4, с. 8–9].

Среднесрочные проблемы организации среды:

> Однако через пару лет проступают во всей своей полноте пороки организации застройки микрорайона или района — обширные бесхозные пространства между домами, некомплексность застройки, которая не только осложняет повседневный быт отсутствием развитой системы обслуживания, но и на годы сохраняет на территории признаки бесконечной стройплощадки [4, с. 9].

Долгосрочная неадаптивность и моральное старение. Среда оказывается негибкой, не приспособленной к естественным изменениям в жизни семьи, что ведет к новым конфликтам и ухудшению условий:

> Еще через несколько лет, когда начинают подрастать дети, выясняется, что квартира, казавшаяся поначалу просторной, вдруг становится тесноватой, или кто-то из взрослых практически не имеет «своего угла». Обнаруживается, что детям и подросткам трудно ужиться на внутриквартальной территории, что негде ставить автомашины, что и жилые дома, и примыкающие к ним территории совершенно не приспособлены для людей, ослабленных возрастом и болезнями [4, с. 9].

В работе Глазычева прямые предложения по изменению этапа эксплуатации формулируются скорее имплицитно, через критику текущего положения и описание желаемых принципов создания среды. Однако его предлагаемая модель подразумевает радикальные изменения на предшествующих этапах (заказ, проектирование, строительство), которые кардинально изменят саму природу этапа эксплуатации.

Для решения ключевой для этапа эксплуатации проблемы неадаптивности Вячеслав Леонидович предлагает использовать подход «непрерывного проектирования», при котором здание или городская среда не считаются завершенными раз и навсегда. Они должны иметь потенциал для дальнейшей адаптации и видоизменения. Правда, он скорее обозначает эту возможность, чем детально раскрывает, иллюстрируя буквально одним примером:

> После привычного «долгостроя» в 1988 году распахнул свои двери Вильнюсский Дворец пионеров, очень интересное сооружение. И с первого же дня автор-архитектор и директор начали работать над некоторыми его изменениями — стиль, характер общественной работы с детьми за время строительства успели измениться. Однако лишь в диалоге автора с реальными потребителями можно внести нужные дополнения в прежний замысел, из которого и сам автор успел уже «вырасти» [4, с. 38].

Введение концепта «непрерывного проектирования» распространяет роль архитектора и на этап «эксплуатации». Архитектор превращается в куратора среды, несущего долгосрочную ответственность за жизнеспособность и адаптацию созданной среды. Таким образом, место архитектора по Глазычеву — это сквозная ключевая позиция на всех этапах цепочки создания среды. Он не просто проектировщик, а профессиональный гарант качества среды — от первоначальной идеи до долгосрочной эксплуатации и адаптации, действующий через диалог, авторство, контроль и рефлексию.

Вячеслав Леонидович фактически конструирует новую роль, статус и функции архитектора и как бы приглашает представителей архитектурного сообщества «примерить их на себя» и потом «занять» соответствующее место, преодолевая прогнозируемое им сопротивление «строителей», имеющих более сильные позиции в системе архитектурно-строительного дела. Он рассматривает архитекторов как своего рода «авангардную группу» — агентов институциональных изменений.

В предлагаемой Глазычевым в тот момент новой роли архитекторов мы видим узнаваемые характеристики типичного описания позиции «урбаниста» в современной России как модератора диалога с местными сообществами и другими заинтересованными сторонами, организатора и фасилитатора соучаствующего проектирования и вовлечения и, наконец, — продюсера городского развития. И если Глазычев в тексте 1988 года строил основную коллизию повествования на противопоставлении позиций архитекторов и строителей, то сейчас урбанисты «отстраиваются» от тех и других. С перспективы сегодняшнего дня мы можем сделать вывод, что профессиональное сообщество архитекторов

не взяло на себя эти новые более широкие функции (почему — это отдельный вопрос), что открыло возможности для формирования отдельной позиции «урбаниста».

Подведем итоги анализа брошюры «Советская архитектура: ритмы перестройки». В современном российском урбанистическом дискурсе «метод Глазычева» обычно ассоциируется либо с его деятельностью по развитию малых городов, где он действовал как катализатор локальных изменений через погружение и соучастие (наиболее яркий и известный пример — город Мышкин), либо с исследованиями «глубинной России». Брошюра иллюстрирует другую «ипостась» Глазычева — общественно-политического деятеля и методолога, пытавшегося запустить процесс реформирования всей сферы градостроительства и развития городской среды в масштабах страны. Она представляет собой блестящий образец программного документа (policy paper) и демонстрирует его метод работы в пространстве публичной политики и общественных изменений на макроуровне. Собственно, и сам текст брошюры является не просто критической рефлексией позднесоветской архитектурно-строительной системы, а инструментом, предлагающим читателям того времени «точки входа» и интеллектуальное оснащение для занятия позиций агентов изменений. А для нас — участников дискуссии о «методе Глазычева» 2025 года «Советская архитектура: ритмы перестройки» может стать одним из ключей, позволяющих глубже понять истоки отечественной урбанистики как самостоятельного дискурсивного поля и социальной практики.

В завершение приведем цитату Вячеслава Леонидовича, не утратившую актуальности и в наше время:

> Именно теперь для всех мыслящих профессионалов, участвующих в архитектурно-строительном процессе, стало очевидным, что архитектура представляет собой предмет широко понимаемой политики, что внутрипрофессиональные критерии и оценки находятся в прямой зависимости не только от объективных социально-экономических предпосылок, но и от взаимодействия различных социальных сил, от разных субъектов политики, ближайшие конкретные интересы которых отнюдь не обязательно совпадают [4, с. 6].

Литература

1. *Блинкин М.Я., Зуев С.Э., Лебедев В.Е. и др.* «Настройка его оптики была эксклюзивна»: о методе и наследии Глазычева рассказывают его современники. https://ktogorod.ru/glazychev_sovremenniki?ysclid=mdj27chs2p562721088 (доступ: 01.12.2025).
2. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Новое изд-во, 2003.
3. *Глазычев В.Л.* Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011.
4. *Глазычев В.Л.* Советская архитектура: ритмы перестройки. — М.: Знание, 1988.
5. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. — М.: Европа, 2008.
6. *Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. и др.* Городская среда. Технология развития: настольная книга. — М.: Ладья, 1995.
7. *Иванов П.В.* Метод Глазычева: этюд к постбиографии // средадляжизни.рф. https://xn-80ahbbiggbxxyl2q.xn — p1ai/journal/metod-glazycheva-etyud-k-postbiografii/?ysclid=mdj1wnr1kw441189677 (доступ: 01.12.2025).
8. *Глазычев В.Л.* Четыре интеллектуальные позиции [Видеозапись]. https://rutube.ru/video/f0cedd83be100a3be66b9226be2cbbe6/?utm_source=embed&utm_medium=referral&utm_campaign=logo&utm_content=f0cedd83be100a3be66b9226be2cbbe6&utm_term=ya static.net&t=2 (доступ: 01.12.2025).
9. Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня. Часть первая [Видеозапись]. https://vkvideo.ru/video-165003872_456239339?t=1h41m16s (доступ: 01.12.2025).
10. Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня. Часть вторая [Видеозапись]. https://vkvideo.ru/video-165003872_456239340 (доступ: 01.12.2025).
11. Новое в жизни, науке, технике: цикл серий. Публичная электронная библиотека. https://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/''Novoe_v_jizni,_nauke,_tehnike''_(cikl_seriy)/_NJNT_.html (доступ: 01.12.2025).

Метод Глазычева: как использовать его на практике

Елена Игоревна Верещагина
MA in Urban Studies, приглашенный преподаватель кафедры территориального развития имени В.Л. Глазычева
ИОН РАНХиГС
Россия
г. Москва
e-mail: elena-vereshchagina@yandex.ru

Аннотация. В статье автор делится тем, что из составляющих так называемого «метода Глазычева», термина, введенного и употребляемого накануне нашей тематической секции на Глазычевских чтениях 2025, использует в своей деятельности. Рассматриваются такие инструменты, как схема позиционного взаимодействия, метод рамок, программа-план-действия, а также оптики взгляда на местное самоуправление, активное деятельностное меньшинство и позицию города как корпоративного предпринимателя.

Ключевые слова: проектная деятельность, метод рамок, позиционное взаимодействие, активное деятельностное меньшинство.

Glazychev's Method: How Can It Be Used in Practice

Elena Vereshchagina
MA in Urban Studies, Visiting Lecturer at the Department of Territorial Development at the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
Russia
Moscow
e-mail: elena-vereshchagina@yandex.ru

Abstract. In this article, the author shares the components of the so-called “Glazychev’s Method,” a term introduced and used ahead of our thematic section at the 2025 Glazychev’s Readings, which she uses in her work. She examines tools such as the positional interaction framework, the framework method, the program-plan-action framework, as well as perspectives on local government, the active minority, and the city’s position as a corporate entrepreneur.

Keywords: project activities, framework method, positional interaction, active activity minority.

В статье говорится о том, что из составляющих так называемого метода Глазычева автор использует в своей деятельности. «Из какой позиции ты говоришь?» — на этот вопрос принято отвечать в начале любого методологического разговора. Сначала я занимала позицию журналиста, который пишет про городские проекты. Потом переместилась в позицию муниципального депутата в городе Троицке, где родилась и выросла. 13 лет назад Троицк стал частью Новой Москвы. После я стала городским исследователем.

Вячеслава Леонидовича Глазычева я ни разу не видела, не была с ним знакома, никак не пересекалась. При этом имела возможность наблюдать методологическую рамку взгляда на Троицк двух его учеников. Первый ученик писал у него магистерскую диссертацию с идеей о том, чтобы поменять логику мышления старого постсоветского города на новую, полностью переформатировать, основываясь на концепции популяризации научного туризма. Второй его ученик создавал инновационный центр, где занимался развитием стартапов, был фаундером и антрепренером. Обе эти деятельности — то, что принято называть «шагом развития» [1]. А именно действие, целенаправленно переводящее систему из топа «прошлое» в топ «будущее» за счет верной организации «настоящего». Этот подход разительно отличался от того, что я привыкла видеть в процессно-отраслевом способе управления городом местной администрации. Понимание этого различия привело меня к изучению наследия Глазычева, прежде всего в области управления развитием

городской среды. Собственными находками я хочу поделиться в этом материале.

Схема позиционного взаимодействия и средовой подход

В своей лекции «Четыре интеллектуальные позиции» и в «Избранных лекциях по муниципальной политике» Глазычев вводит как минимум три позиции, из которых может осуществляться деятельность по отношению к городу — естественнонаучная, социотехническая, социокультурная, после этого говоря о еще одной — методологической, которая обеспечивает целостность всех предыдущих. Так формируется средовой подход:

> Средовым мы теперь имели право называть только такой подход, в котором на всех стадиях работы сохраняется целостность и естественнонаучного, и социотехнического, и социокультурного, и «надзирающего над самою целостностью» методологического отношений к городу. Однако для того, чтобы не только заявить возможность средового подхода к развитию города, но и осуществлять эту возможность, был только один путь, уже нащупывавшийся нами интуитивно, но теперь требовавший систематического осуществления: сохранить целостность средового подхода возможно не в созерцательно-наблюдательной позиции, но в деятельной позиции — через программы, проекты, планы, действия, через процесс взаимодействия с городом [2].

Это базовая рамка отношения к любому проекту по развитию территорий и первое, что необходимо понять, начиная им заниматься: кто какие позиции представляет, из какой позиции кто говорит, а дальше «собирать» проект во взаимодействии и на пересечении всех позиций. Вячеслав Леонидович верил:

> Средовой подход, вернее, деятельно-средовой подход к городским проблемам, несет в себе потенциал революционного сдвига в мышлении, когда эксперт по работе

> с предметом необходимо превращается в эксперта по сотрудничеству людей на основе их теоретически равной заинтересованности в предмете [2].

И я с ним согласна. Во главу угла ставится не наличие ресурсов, не уровень компетенций, а степень субъектности.

Оптика на местное самоуправление

В трудах Глазычева множество точных диагностик и прозорливых прогнозов для местного самоуправления (далее — МСУ), его сущности, месте и роли. Основные положения его фундаментального доклада «Российское местное самоуправление в его политическом измерении» актуальны и сегодня.

Институт МСУ нельзя назвать сформированным. В. Л. Глазычев пишет:

> В современном мире институт МСУ входит в структуру гражданского общества как один из пограничных функциональных элементов, как своего рода шарнир, через который осуществляется взаимодействие гражданина с бюрократией [3].

В России МСУ никогда не находилось в фокусе политической повестки, а интерес к нему активистов проявлялся только как этап (профсоюзы — равные права мужчин и женщин — противостояние интересов девелоперов и застройщиков — право на город — экология). Отчасти поэтому локальное управление стоит рассматривать не как право, а как вмененную обязанность. «Если право на локальное управление можно было гарантировать, то вменить его как обязанность можно было только формально, игнорируя более чем существенные различия условий и этнокультурных традиций в разных субъектах федерации», говорится в докладе.

По факту местного самоуправления — нет, речь идет о местном управлении, «автономном от государственного управления в решении подлинно местных вопросов». Необходимо видеть в МСУ в первую очередь не институт гражданского общества, а институт публичной власти. Немаловажно

«муниципальное сословие» — важный ресурс, на который можно опираться, но если оно не найдет себя в политическом поле, то полностью уйдет в частную жизнь и глухую внутреннюю оппозицию.

В 2025 году Федеральный закон № 131-ФЗ сменил новый, где местное самоуправление окончательно встроено в систему «единой публичной власти» [4]. Однако оптика взгляда на МСУ, с одной стороны, как на вмененную обязанность, а с другой — как на возможность взращивания института публичной власти с опорой на «муниципальное сословие», позволяет продуктивно работать с теми малыми городами, у которых подобные ростки обнаруживаются.

Возможность местного самоуправления в Москве

В позиции еще и жителя Новой Москвы я оказалась в центре большой административно-центральной реформы по расширению границ города, которая началась в 2011 и в полной мере завершилась только к 2025 году. В конце 2011 года был объявлен международный конкурс по разработке концепции развития Московской агломерации, где Глазычев выступал экспертом. В этом процессе он отстаивал возможность и право на взращивание местного самоуправления даже в условиях гиперцентрализации столицы. Убеждена, если бы Вячеслав Леонидович продолжал работу над этим конкурсом и говорил с разными позициями, начиная от горожан, заканчивая мэрией Москвы, тем самым языком, которым он умел говорить, судьба Новой Москвы сложилась бы по-другому. В. Л. Глазычев писал:

> Включение в черту Москвы вполне дееспособных муниципалитетов Троицка и Щербинки позволяет наконец сломать застарелое табу и задаться вопросом о муниципальном строении субъекта Федерации Москва. Никто в здравом уме не усомнится в необходимости реально централизованных систем жизнеобеспечения, включая все магистральные инженерные сети и дорожные магистрали, однако там, где от магистрали есть отвод внутрь жилых

> микрорайонов, в принципе должно начинаться вполне самостоятельное муниципальное хозяйство. Весь мировой опыт показывает, что централизованные системы и муниципии вполне нормально сосуществуют, и наличие что 125, что 150 муниципалитетов в пределах одной юрисдикции города или, скорее, города-региона, если речь о мегаполисе, не несет в себе сколько-нибудь существенных угроз [5].

Изначально полномочия муниципалитетов на присоединенных территориях были сохранены.

Несмотря на полный демонтаж системы местного самоуправления в Москве и реформу 2024 года, которая укрупнила муниципальные образования в Новой Москве и перевела полномочия с низового муниципального на субъектовый уровень, конструкция, при которой относительно самостоятельно муниципалитеты могут существовать внутри столичного централизованного управления, доказала свою дееспособность: Троицк просуществовал так с 2011 по 2024 год.

Возможность проектной деятельности

Для реализации средового подхода Глазычев вводит понятие программы-плана-действия, где программа отвечает на вопрос «что делать?», проект — «как делать?», план — «что делать и когда?» [2]. Эта рамка дает возможность протяжки от концепции к действию, согласованности стратегии с тактикой. На этапе действия Глазычев призывал к оценке эффектов, которые несут большие последствия:

> Зачастую речь идет не о крупных финансовых вложениях, необходимых на реконструкцию здания администрации или спортивного комплекса, а о каком-то маневре, который вдохнет движение, создаст новый образ и смысл полуразрушенных и старых конструкций или публичного места отдыха [7].

Основная задача его семинаров заключалась в вычленении двух-трех реальных проектов, вокруг которых может быть

построена программа культурного развития района. При таком построении работы местное сообщество довольно быстро втягивается в непривычную проектную модальность, а внешние эксперты могут занять позицию модератора процесса коллективной деятельности.

Метод рамок

Глазычев советовал изучать территории нестандартными методами: обращать внимание на важные изломы, которые способны рассказать многое — на городскую мебель, городские аномалии, городские конфликты в среде и на визуальную культуру. Усовершенствованный подход от автора может быть следующим.

На что обращать внимание в городах:

- тип, плотность, богатство языка на вывесках, самобытные названия и их оформление;
- состояние городской зелени: тип и возраст деревьев, равномерность посадок, виды (тополя, кустарники, клумбы и т. д.);
- соотношение ширины улиц и высоты застройки, красная линия: ее четкость и имеющиеся разрывы (что в них);
- состояние советского модернизма;
- типы остановок и их состояние;
- наличие и качество местного фастфуда;
- то, как легко и охотно случайные люди идут на контакт и что первым делом рассказывают про город.

Что непременно надо сделать?

- прочитать статью на Википедии;
- посмотреть список мест на туристических сервисах;
- посмотреть, что выдает по геотегу в социальных сетях;
- поговорить с таксистом, спросить, «что нового в городе»;
- поесть в самом модном месте, поесть в самом обычном месте;
- зайти в туристический центр, если он есть;
- посетить краеведческий музей/галерею, поговорить со смотрительницами;

- совершить утреннюю пробежку без заданной траектории;
- пойти одной по маршруту «куда глаза глядят»;
- сходить на местный рынок;
- если в городе есть театр оперы и балета, то сходить туда;
- выйти к воде, если она есть;
- взять гостевой абонемент в фитнесе;
- посидеть в баре зала ожидания на вокзале, послушать разговоры;
- встретиться с местным депутатом/городским активистом.

Активное деятельностное меньшинство и создание конструктивных изгибов

В своей деятельности Глазычев конструировал такое понятие, как «активное деятельностное меньшинство». Вот что он писал в своей рефлексии работы с городом Мышкином: «Прежде всего была задача обнаружить активное меньшинство. В малом городе это несложно: все всех знают, следовательно, тебе надо только выработать минимальное доверие. Обнаружился удивительный человек — Владимир Александрович Гречухин, тогда директорствовавший в народном музее...» К началу 2000-х Мышкин стал символом успешного малого города — со своим забытым туристическим ореолом, на который активно работало все сообщество, а не только администраторы. Глазычев утверждал, что городское сообщество — это фантом, который при этом может быть проектно моделируем. Это всегда «создание конструктивного изгиба или на протестной волне, или на волне отчаяния».

Город как корпоративный предприниматель

Глазычев утверждал, что нормальный, способный к развитию город — это в каком-то смысле частная корпорация [8]. Сегодня все больше частных инвестиций — это и крупные промышленные корпорации, и мелкие бизнес-инициативы — направляются в конкретные города. Все чаще говорится

о том, что мастер-планы должны быть компромиссным консенсусным итогом, в котором должны быть задействованы акторы городской экономики. А посему необходимо создавать «сложные правила игры множества действующих лиц».

К чему я не была готова, читая труды Глазычева, так это к тому, что многое из его основательных подходов и установок могут разбиться о государственную и бюрократическую реальность России 2020-х. Но ведь и Глазычев исходил во многом из позиции не материалистической, но идеологической: «Город, на самом деле, становится или не становится. Город — это только возможность, только шанс» [9]. Наша задача эти шансы, хотя бы некоторые, воплощать в жизнь.

Литература

1. *Щедровицкий Г. П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности / Из архива Г. П. Щедровицкого. — Т. 5. — М., 2003.
2. *Глазычев В. Л.* Лекция 4. Средовой подход в развитии города // Избранные лекции по муниципальной политике. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/courses/mp/mp_04.htm (доступ: 01.12.2025).
3. *Глазычев В. Л.* Российское местное самоуправление в его политическом измерении. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/publications/doklady/2009_ros_MSU_v_ego_polit_izmerenii.htm (доступ: 01.12.2025).
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (доступ: 01.12.2025).
5. *Глазычев В. Л.* Московская стратегма // Отечественные записки. — 2012. — № 3 (48). https://strana-oz.ru/2012/3/moskovskaya-stratagema (доступ: 01.12.2025).
6. *Глазычев В. Л.* Итоги семинара. Картография Вурнарского района / Семинар «Развитие муниципального образования». Вурнары, 4–6 июня 2003 года. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/projects/seminars/2003–06_Vurnary/Vurnary_itogi.htm (доступ: 01.12.2025).

7. *Глазычев В.Л.* 1.2. Социально-экономические проблемы города. Городская среда // Технология развития: настольная книга. — М.: Ладья, 1995. https://www.glazychev.ru/books/gorodskaya_sreda/gs_1–2_soc-econ.htm (доступ: 01.12.2025).
8. *Глазычев В.Л.* Город на все времена. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (доступ: 01.12.2025).

Метод Глазычева: между наукой и искусством

Петр Вадимович Иванов
партнер бюро исследований «Гражданская инженерия», программный директор Школы урбанистики и городских исследований «Города», приглашенный преподаватель кафедры территориального развития имени В.Л. Глазычева РАНХиГС
Россия
г. Москва
e-mail: petrvadimovichivanov@gmail.com

Аннотация. В статье представлен взгляд на метод В.Л. Глазычева с позиции рефлексирующего городского исследователя. Строится предположение о невоспроизводимости метода Глазычева при буквальном копировании, а также предположение о том, что профессионально В.Л. Глазычев не относился к какой-либо конкретной профессии, а по роду занятий был траблшутером, человеком, решающим для различных заказчиков задачи, требующие парадоксального мышления. Также упоминается о том, какие конкретно инструменты из наследия Глазычева использует автор в собственной практике и в чем ограничения этих инструментов.

Ключевые слова: методология, история идей, профессионализация, образование.

Glazychev's Method: Between Science and Art

Petr Ivanov
Partner at the Civil Engineering Research Bureau, Program Director of the School of Urbanism and Traditional Studies «Cities»,

and Visiting Lecturer at the Department of Territorial
of Russian Presidental Academy
of National Economy and Public Administration
Russia
Moscow
e-mail: petrvadimovichivanov@gmail.com

Abstract. The article presents a view of V. L. Glazychev's method from the perspective of a reflective urban researcher. It suggests that Glazychev's method cannot be reproduced by literal copying, and also suggests that V. L. Glazychev did not belong to any specific profession, but was rather a troubleshooter, a person who solved problems for various clients that required paradoxical thinking. The author also mentions which specific tools from Glazychev's legacy he uses in his own practice and what the limitations of these tools are.

Keywords: methodology, history of ideas, professionalization, education.

У Вячеслава Глазычева есть метод, который мы прослеживаем в его книгах, интервью, лекциях. Но этот метод настолько анархичен, что мы не можем его упаковать в некоторую коробочку, а дальше эту коробочку отправить на конвейер, чтобы конвейер штамповал такие же коробочки для того, чтобы их выдавать студентам кафедры Глазычева, студентам Высшей школы урбанистики, студентам ИТМО, студентам Тюменского государственного университета и т. д. То есть он не тиражируемый. Он очень сильно базируется на индивидуальных качествах применяющего метод.

Эти индивидуальные качества очень сложно копировать. Для того чтобы реализовывать метод Глазычева, нужно быть Глазычевым. Для этого, конечно, можно курить трубку, можно носить шейные платки, можно пить адмиральский чай, но это все не будет создавать нам той же дискурсивной ситуации, которую создавал Глазычев. Это и опыт переводов, это и опыт международных контактов, это и опыт перемещения между различными сообществами и пребывания в различных сообществах и построения между ними мостов. Но при

этом пребывание в различных сообществах в статусе маргиналии, некоторой диковинки, чуть сбоку от методологов, чуть сбоку от архитекторов, чуть сбоку от градостроителей, чуть сбоку от социологов, чуть сбоку от специалистов по муниципальному управлению.

У Глазычева очень плавающая идентичность. Как только мы пытаемся его описать, мы сталкиваемся с тем, что это неполное описание, с одной стороны, а с другой стороны — неверное описание. Можем ли мы сказать, что Глазычев был методологом? Нет. Но тем не менее он во многом притащил методологию в архитектуру. Был ли он архитектором? Нет. Был ли он социологом? Нет. Был ли он там специалистом по государственному муниципальному управлению? Нет. Все эти попытки описания тщетны.

Глазычев лавировал между сообществами, соединял их, притаскивал разные знания из одного мира знаний в другой мир. Например, он притащил в архитектуру Кевина Линча. Хотя, казалось бы, Кевин Линч для советской архитектуры какой-то там психолог, социолог, социальный психолог, что-то такое, что-то не сильно важное для того, чтобы проектировать дома, здания, разрабатывать генеральные планы.

Глазычев не тот, кто сформулировал какой-то метаязык. Его наследие глубоко персонифицированное, он не создал урбанистику как дисциплину. Он создал урбанистику как некоторое называние чего-то. Но как правильно заниматься урбанистикой, мы из его книги «Урбанистика» не узнаем. Или из книги «Город без границ». Мы также не знаем, как правильно подходить к городам и из «Глубинной России». Мы узнаем очень много важных историй, мы поражаемся эрудицией. Дальше делать-то что? Непонятно.

Потому что здесь возникает акционистская история, я бы даже сказал — ситуационистская. Глазычев создавал ситуации территориального развития. Они были разные. В Приволжском федеральном округе это была одна ситуация или спектр ситуаций территориального развития, в Пикалево это другая ситуация территориального развития и т. д. В районе Ясенево была еще одна ситуация территориального развития. К сожалению, к нашему негодованию, это ближе к искусству, чем

к науке. Это ближе к творчеству. Это не научная методология, это скорее такой методологический анархизм, который, впрочем, мы можем конвертировать в науку. Для этого у нас есть, например, Чикагская школа социологии, которая у естественных наук XIX века унаследовала методологический анархизм, когда мы говорим, что любые данные хороши. Дальше, как мы получаем эти данные, это whatever.

Мы можем говорить о том, что Вячеслав Глазычев нам рассказал какой-то спектр ситуаций из своего опыта, как он с коллегами создавал ситуации развития. Но это не значит, что мы должны их копировать. Это значит, что мы должны мыслить какой-то околохудожественной категорией. Мы подходим к занятию территориальным развивательством, и в этот момент мы глубоко озадачиваемся и импровизируем.

Наша импровизация должна основываться на интеллектуальном багаже. Мой любимый пример — это конкурс детского рисунка. Одно время в заявках на конкурс малых городов и исторических поселений все показывали, что делали конкурсы детского рисунка. В какой-то момент выросло негодование — зачем мы вообще этим занимаемся? А затем люди, которые сидят в комиссии конкурса, писали комментарии: а зачем вы провели конкурс детского рисунка? И внятного ответа, как правило, не звучало. Конкретно в Набережных Челнах, конкретно в 1989 году, конкретно Вячеслав Глазычев использовал конкурс детского рисунка. Значит ли это, что мы должны в любой ситуации развития территории использовать конкурс детского рисунка? Конечно, не значит.

Мне очень нравится интервью Вячеслава Глазычева в программе «Школа злословия». В нем он говорит, что существует некоторое сообщество, довольно маленькое, по всей стране, таких людей, которые работают с ситуациями территориального развития. Тогда это все еще не было институализировано. Но на тот момент даже еще не был принят Градкодекс и не было множественных ситуаций публичных слушаний в рамках территориального развития. Очевидно, что это некоторое элитарное сообщество. Это какие-то суперумные люди, очень культурные, очень образованные и очень находчивые. То есть это такие траблшутеры. И проблема Глазычева

как раз в том, что он не был урбанистом, он был траблшутером. Потому что не было институциональных рельс, на которых существовала урбанистика. А траблшутер — это всегда очень редкая профессия. Это даже не профессия, потому что на траблшутера нигде не учат. Траблшутер — это некая карьера. Проконсультировал какую-то компанию в кризисной ситуации, придумал какое-то движение слева или вправо вверх, и это сработало. Тебя рекомендуют другим компаниям, и так развивается карьера. Таких людей на свете мало. И тем более их нельзя тиражировать, потому что главное их качество — это thinking out of the box. Научить думать вне коробки очень сложно, вернее, невозможно. У человека либо есть парадоксальное мышление, либо нет парадоксального мышления.

На предплечье у меня есть татуировка с гипертэтраэдром Глазычева. Это для меня некоторое средство идентификации. Нельзя сказать, что четыре интеллектуальные позиции для меня являются универсальным инструментом, который я применяю в каждом проекте. Я понимаю, как это может создать интеллектуальную ситуацию, в которой становится интереснее. Это некий фреймворк для нестандартных задач. Но специальное в урбанистике заключается в том, что у нас появляются стандартные задачи. Это некоторый вызов нашему разговору о методе Глазычева, потому что Глазычев решал принципиально нестандартные задачи. В его времена, по сути, не было стандартных задач по городскому развитию. У нас появляются конкурсы малых городов, ФКГС, мастерпланы. Стандартные задачи. Мы живем в эпоху технологически воспроизводимой урбанистики.

Глазычев не рассказывает, как разрабатывать генпланы. Маркер того поколения, одна из идей, которую Глазычев между разными агентами, муниципальными управленцами, экономистами, градостроителями, архитекторами транслировал, — то, что нам необходима кодификация городского развития. Но это не значит, что в ситуации кодификации городского развития он был бы самой уместной фигурой. Потому что, как только у нас возникает кодификация, как только у нас возникает стандартизация, у нас на самом деле

исчезает потребность в траблшутере. Потому что у нас есть прописанный алгоритм, по которому создается генплан. Появился Градкодекс, у нас появилась история с генпланами и ПЗЗ, с публичными слушаниями. Но дальше, когда у нас понятна процедура, мы можем брать в сущности любого образованного в сфере градостроительства человека на разработку ПЗЗ. Потому что мы от него уже базово требуем не чуда какого-то, не произведения искусства. Мы от него требуем соблюдения процедуры, в рамках которой появляется документ территориального развития, который очень четко ограничен и описан.

Мы, например, делаем исследование для разработки мастер-планов и стараемся поговорить минимум с 15, а лучше с 20 людьми, максимально удаленными друг от друга. Методологически мы простраиваем это удаление. Есть город как реальность, и нужно взять людей, которые друг друга не знают. В этом плане мы стараемся преодолеть социологическую инерцию, потому что в социологии популярен метод снежного кома. Мы стараемся спрашивать про рекомендации, но не идти этой цепочкой, которая рождается снежным комом, а заходить точечно из разных миров. Это первый момент.

Второй момент. Обращение к молодежи. Чем моложе молодежь, тем лучше. Это важный инструмент, потому что Глазычев говорил о том, что молодая молодежь, лет 12–14, еще не интериоризировала взрослые структуры и поэтому воспринимает город ad hoc. Город для них существует как есть. Иногда это дает сбой. Мы общались с молодежью и спрашивали: чем ваш город интересен, знаменит? Тут же встает маленький персонаж лет 12 и говорит: «Мы остановили Тамерлана». В моем понимании мальчику 12 лет должно быть все равно на Тамерлана. Это иногда дает сбой, потому что какие-то структуры могут глубоко проникать и воспроизводиться в определенных социальных ситуациях. Какие-то зеркальные нейроны начинают проявляться очень рано, и работа с информацией начинается очень рано. Я думаю, что 30 лет назад дети жили в более заколдованном мире, чем сейчас. Сегодня у них мир менее заколдованный, но более информа-

ционно нагруженный. Поэтому у них факты про город проникают раньше, и период волшебного мира гораздо короче.

Постоянная рефлексия того, где ты находишься и из чего говоришь, очень сильно помогает, потому что, когда мы говорим про разработку мастер-планов, возникает индустриальный и корпоративный подход. Специфика корпоративного подхода заключается в том, что корпорации всегда управляются психопатами. Развивателю территории главное не поддаваться и четко рефлексировать, из какой позиции действует психопатический корпорат. Очень соблазнительно поддаться, потому что они харизматичные, но нужно всегда держать в голове, что перекос в ту или иную интеллектуальную или эмоциональную позицию — это неправильно. Это скажется в итоге на конечном результате. Как минимум, в тех границах, в которых мы находимся, и что является зоной нашей ответственности, мы стараемся это балансировать.

Как работает классическое искусство — вот был Брейгель-старший, а после него Брейгель-младший, который занимался копированием картин Брейгеля-старшего, а после них их ученики, которые копировали их картины. Художественное образование устроено так, что ты сначала копируешь, копируешь, копируешь и только потом делаешь самостоятельное высказывание. Так художник становится художником, если мы не говорим про современное искусство, потому что современное искусство построено на изначальном авторском высказывании и не столь требовательно к технологическому мастерству.

Возникает вопрос: живем ли мы в реальности классического искусства или в реальности современного искусства? При том, что я не могу для себя выбрать, какая реальность мне ближе. Чем старше я становлюсь, тем мне становится ближе реальность классического искусства. Даже заставил себя научные статьи писать. Лет 10 назад я бы говорил в пользу того, что живу в реальности современного искусства просто с оглядкой на Глазычева и что он современный художник. Хотя вся эта история про челночную дипломатию между различными сообществами — это история про ученичество, а не исключительно история про то, чтобы быть мостом

между разными структурами социального капитала. Так что я, скорее всего, не смогу ответить, Глазычев — это классическое или современное искусство. Возможно, это некоторая комбинация. Возможно, это человек, который очень долго учился классическому искусству и настолько ему научился, что стал заниматься современным искусством. Такие ситуации тоже бывают.

Мне крайне не нравится книга «Глубинная Россия». Она создает очень сильный колониальный взгляд на нашу страну. Он гласит, что где-то есть «глубинная Россия», значит, где-то у нас там «вершинная Россия», какой-то Олимп. Из-за этого возникает очень много мифологии, понятие «глубинная Россия» очень хорошо пошло в народ. Даже бесконечно далекие от урбанистики люди — экономисты, блогеры — используют это понятие.

Я бы не говорил про глубину, я бы говорил про эволюционную дисперсию. То, чего, судя по всему, Глазычев не схватил, это то, что, кроме Центральной России, есть очень много разных Россий. Когда я работал только в Центральной России, я разделял его выкладки. Сейчас я понимаю, что Центральная Россия совершенно не похожа на Сибирь. Сибирь совершенно не похожа на Дальний Восток. Дальний Восток вообще не похож на Арктику. Россия гораздо более внутренне дисперсна и не подчинена какой-то иерархической вертикали.

Мне кажется, что совершенно незаслуженно забыт тот пласт наследия Вячеслава Глазычева, который касается истории инженерии и привязки материальной культуры к социальному. На видео есть потрясающая серия лекций про историю инженерии, которую он прочитал в МИСИ, где он показывает, как изобретение, как материальная культура детерминируют социальные отношения. Этот материальный детерминизм, материализм является очень важным.

Мне кажется, что мы в нашей урбанистике слишком мало внимания уделяем тому, что называется социологией науки и техники. Хотя, казалось бы, для производства городского пространства, для производства материального в первую очередь нужно ориентироваться на эти вещи. Мы почему-то идем от обратного. Мы идем от того, что есть какой-то соци-

альный запрос, и наука и техника должны этот социальный запрос реализовывать. Здесь возможны инновации, а мы про это не говорим и этого не замечаем. Глазычев показывает буквально в этом курсе лекций, как изобретения меняют социальный порядок. Это свойство изобретений. Мне кажется, с одной стороны, это большое достижение, что мы стали использовать маркетинговый подход в урбанистике. Но, с другой стороны, маркетинг — это в том числе про создание нового. Мы как будто бы опасаемся создавать новое. В этом плане эта критика архитекторов с их демиургическим подходом зашла слишком далеко. Мы оказываемся во многом скованными рамками народного технического задания и слишком много рефлексируем о прошлом.

Глазычев говорил, что социологические исследования — это очень плохой друг урбаниста. Что с помощью социального исследования мы узнаем сегодня, что люди думали про вчера. А развитие территории — это про будущее. Зачем нам сегодня, проектируя будущее, знать, что люди думали про вчера?

У меня слабый ответ на то, что мы же можем наблюдать тренды. Исследование нам дает не факты, а дает тренды. С помощью знания про вчера, которое мы получили сегодня, мы можем наметить какие-то очень условные очертания завтра. Но это все равно не про изобретение. Создать в таком режиме изобретение, которое изменит социальный порядок, очень сложно. Возникает история про то, что изобретение — это всегда какой-то stroke of genius. Это какое-то творчество. Это научное творчество, и Глазычев — это последний в истории России человек XIX века, который обладал широкими гуманитарными компетенциями, а еще склонностью к социальным инновациям в рамках широких гуманитарных компетенций. А за последнее время я не наблюдаю каких-то интересных инноваций в урбанистике.

Литература

1. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/books/glubinnaya_Rossia/GR_summary_ru.htm (доступ: 01.12.2025).

2. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. Glazychev.Ru. https://www.glazychev.ru/books/urbanistika/urbanistika.htm (доступ: 01.12.2025).
3. Вячеслав Глазычев в «Школе злословия». ВК.Видео. https://vkvideo.ru/video-18268044_160349372 (доступ: 01.12.2025).
4. Введение в историю инженерии. Лекция 1. Создание убежища. Колесо, Огонь, Земля и Вода. ВК.Видео. https://vkvideo.ru/video-52526415_456243629 (доступ: 01.12.2025).
5. *Иванов П.В.* Чикагская школа в истории урбанистики. Среда для жизни. https://средадляжизни.рф/journa;/articles chikagskaya-shkola-sotsiologii-tsikl-mirovye-shkoly-urbanistiki-/ (доступ: 01.12.2025).

Метод Глазычева: попытка проблематизации

Александр Ильич Шарыгин
пространственный развиватель, преподаватель кафедры территориального развития имени В.Л. Глазычева РАНХиГС, советник президента Московского отделения Международной академии архитектуры
Россия
г. Москва
e-mail: aisharygin@yandex.ru

Аннотация. Статья анализирует «метод Глазычева» — подход к управлению территориальным развитием, разработанный В.Л. Глазычевым. Автор отвечает на вопрос, к какой деятельности относится этот метод, и раскрывает его суть.

В работе показано, что Глазычев не вписывался в традиционные роли архитектора или градостроителя. Он создал новую профессиональную позицию — пространственного развивателя (управленца территориальным развитием).

В качестве ключевых источников для понимания метода Глазычева автор предлагает рассматривать книгу «Городская среда. Технология развития» и магистерскую программу «Управление территориальным развитием».

Ключевые слова: метод Глазычева, управление территориальным развитием, пространственный развиватель, урбанистика.

Glazychev's Method: An Attempt at Problematization

Aleksandr Sharygin
spatial developer, lecturer at the Department of Territorial Development at the Institute of Social Sciences

of the Presidential Academy,
Advisor to the President of the Moscow Branch
of the International Academy of Architecture
Russia
Moscow
e-mail: aisharygin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the «Glazychev method» — an approach to territorial development management developed by V. L. Glazychev. The author addresses the question of what kind of activity this method pertains to and reveals its essence.

The paper demonstrates that Glazychev did not fit into the traditional roles of an architect or urban planner. He created a new professional position — that of a spatial developer (territorial development manager).

As key sources for understanding Glazychev's method, the author suggests considering the book «Gorodskaya sreda. Tekhnologia Razvitya» and the master's program Territorial Development Management.

Keywords: Glazychev's method, territorial development management, spatial developer, urban studies.

Когда мы говорим о методе Глазычева, мы должны задаться вопросом: а методом чего является метод Глазычева?

Мы легко можем представить себе человека, который говорит: «Я лечу диабет методом профессора Иванова». В этом случае речь идет о методе лечения диабета. Или, например: «Я учу английский язык по методу доктора Пимслера», или «Я решаю уравнение методом Гаусса». Здесь все понятно: речь идет о методах изучения языка или решения уравнений.

Но что же такое метод Глазычева? К какой деятельности мы можем отнести эту сущность?

Глазычев как человек за рамками системы

Обсуждая метод, нельзя обойти вниманием фигуру его носителя. Друг и современник В. Л. Глазычева — А. В. Боков —

в главе «Слава Глазычева» книги «Параллельная архитектура» пишет: «Начало глазычевской биографии окутано тайной. Приписываемые ему и не отрицавшиеся им обучение в польской архитектурной школе и служба в десантных войсках задавали нестандартную траекторию его жизни. Похоже, что Вячеслав Глазычев счастливо избежал распределения на проектную фабрику и, получив диплом, направился в только нарождавшуюся и незарегулированную область советского дизайна» [1].

По сути, «счастливо избежавший распределения» и выпавший из советского производственного конвейера, Глазычев с самого начала своей творческой биографии оказался в позиции «лишнего человека», то есть человека неопределенного статуса, лишенного функционального места как некоего «футляра», определяющего его жизненные ориентиры.

Несмотря на наличие архитектурного диплома, мы не можем назвать Глазычева архитектором: его практика в архитектурном проектировании если и имела место, то точно не известна широкой аудитории и не лежит в ряду его общепринятых достижений. В отличие от таких фигур, как А. Э. Гутнов и И. Г. Лежава, он не был градостроителем. Он не работал в проектном институте, не чертил проекты планировки территорий и генеральные планы. Даже опыт работы в Институте теории архитектуры не дает нам оснований определить Глазычева как архитектурного критика, теоретика или искусствоведа, подобного С. О. Хан-Магомедову или А. Г. Раппапорту.

Если воспользоваться различением между понятиями «клуб» и «производство», которое ввел еще один близкий Глазычеву человек — методолог Георгий Щедровицкий [2], можно сказать, что карьера Глазычева в застойный советский период развивалась преимущественно в «клубных» пространствах, таких как Сенежская студия и Московский методологический кружок, а не в производственных машинах советского стройкомплекса.

Григорий Ревзин когда-то сказал, что во времена его молодости кумирами были четыре человека: Алексей Гутнов, Илья Лежава, Андрей Боков и Вячеслав Глазычев. Про первых трех

мы можем сказать однозначно: это архитекторы и градостроители. И только профессиональная характеристика Глазычева вызовет у нас затруднения. Сам же Глазычев в статье «Финал эпохи профессионалов» [3] определил свою деятельность как «занятие», однозначно противопоставляя его понятию «профессия».

Если бы карьера Глазычева развивалась в стенах советского проектного института в позиции архитектора-градостроителя, то и поиски его метода и деятельностной рамки, в которую он помещен, едва ли стали бы для нас проблемой. «Методом Глазычева» была бы некая описательная концепция модели городской морфологии, подобная «каркасно-тканевой» модели Алексея Гутнова [4] или «неравномерно-районированной» модели Александра Высоковского [5].

Даже сегодня отчетливо прослеживается эта принципиальная развилка. Высшая школа урбанистики, основанная последователем Гутнова — Александром Высоковским, продолжает существовать в рамках традиционной градостроительной профессии. В то же время Вячеслав Глазычев, создавая свою кафедру, сознательно вышел за пределы устоявшегося градостроительного цеха: он интегрировал образовательную программу в управленческий блок, открыв принципиально иное пространство для профессиональной деятельности.

Будучи лишним человеком в советской производственной машине, в полной мере Глазычев начинает проявляться только в эпоху перестройки, то есть в то время, когда происходит слом этой системы и начинаются поиски новых форм организации жизни. Феномен Глазычева — это сугубо перестроечное явление. Только в этот период «лишний человек» мог оказаться в авангарде событий и создать нечто, непредусмотренное предшествующим порядком.

Где метод?

Выступая на первых Глазычевских чтениях в 2013 году, Михаил Блинкин высказал уверенность в том, что «Слава очень бы посмеялся», услышав выражение «Метод Глазычева» [6].

Сам Глазычев, судя по всему, не стремился формулировать и описывать собственный метод как некую завершенную систему. Однако для современных исследователей наследия Глазычева принципиально важно выявить его уникальное ноу-хау — то, что отличает его подход от практик современников и составляет подлинное глазычевское наследие.

Наиболее ценным источником для понимания метода Глазычева является его книга «Городская среда. Технология развития» [7]. В ней он демонстрирует свой «метод», свою «технологию».

Если вернуться к исходному вопросу о том, методом какой деятельности можно назвать «метод Глазычева», ответ уже в названии книги: технология чего? — развития городской среды. Особенно ярко суть метода проявляется в следующем фрагменте:

> Разработку программы комплексного развития потенциала города можно приравнять к режиссуре сложного спектакля, для постановки которого на месте потенциально наличествует вся актерская труппа, есть даже помещение, однако еще нет собственно театра. Только еще предстоит выбрать пьесу, и, главное, в процессе работы над ее постановкой решается сверхзадача — создать театр. Обычно в таких случаях для постановки спектакля приглашают режиссера со стороны. В случае работы над программой это не менее или даже более существенно. Дело в том, что «актеры», разобщенные по служебным или сугубо профессиональным областям деятельности (производство и культура, медицина и образование, обслуживание и строительство и т. д.), неизбежно видят проблемы города через призму собственных представлений и интересов. Уже потому они не в состоянии видеть город как целое, то есть со стороны. К тому же они вряд ли смогут смириться с тем, что кто-то из их собственной среды берет на себя «режиссерские» функции.

На надгробии Глазычева указано, что он был «основоположником отечественной урбанистики». Однако, на мой взгляд, это не вполне точная характеристика. Показательно, что, создавая кафедру в Академии народного хозяйства, он назвал ее не Школой урбанистики (как позже поступил Александр

Высоковский в Высшей школе экономики), а кафедрой территориального развития. Это название принципиально: оно делает акцент не на теории или истории, а на практике развития.

Глазычев не был классическим градостроителем или городским планировщиком (по-итальянски «урбанистом»). Он был первым в России пространственным развивателем. Его главная заслуга — введение новой профессиональной позиции: пространственного развивателя (или управленца пространственным развитием) — позиции, альтернативной архитектору и городскому планировщику.

Именно в этом суть его новаторства: он предложил не очередную теорию города, а практический метод его трансформации, основанный на системном взгляде на городскую среду, умении объединять разнородные интересы, способности, создавать новые качества из существующих ресурсов.

Название первой магистерской программы — «Управление территориальным развитием» — четко отражает суть деятельности, созданной Глазычевым. В описании программы Глазычев формулирует ее миссию так:

> Сформировать новое поколение управленцев, обладающих пониманием комплексной природы социально-экономического развития на территориях различного масштаба — от региона до городского микрорайона, — способных ставить задачи перед проектировщиками и правильно оценивать их предложения [8].

Этим утверждением он четко обозначил принципиальное отличие программы: здесь готовят не проектировщиков и не специалистов, вовлеченных в разработку документов территориального планирования и градостроительного регулирования. Выпускники кафедры становятся субъектами развития территорий — теми, кто определяет целеполагание и несет ответственность за работу с конкретной территорией как объектом управления.

Это позиционирование мы можем сравнить с тем, как определял миссию параллельно создавшейся Высшей школы

урбанистики Александр Высоковский: «Миссию Высшей школы урбанистики мы определяем как формирование новой для России профессии урбаниста… Урбанист — это профессионал, который прежде всего мыслит и понимает городские процессы не только во времени, но и в пространстве. Во-вторых, это профессионал, который владеет и исследовательскими, и проектными методами и, самое главное, умеет осознанно переключаться между позициями исследователя и проектировщика» [5].

Если Школа Высоковского продолжала следовать в фарватере советского градостроительного цеха, определяя урбаниста как профессионального проектировщика, то Глазычев в своем обращении к первому набору магистров, обозначая новизну ситуации, прямо заявляет:

> Я стремился к этому много лет, но не было места, где это стремление можно было бы осуществить, в том числе, казалось бы, в таком подходящем месте, как моя Альма-матер, где я 20 лет профессорствую. Но на школе градостроителей выясняется, что именно этот цех наиболее активно сопротивляется изменениям и развитию… Хорошо создать что-то свое. Вот, к счастью, есть факультет государственного управления, который помог реализовать эту программу [8].

Этими словами Глазычев подчеркнул: вы не проектировщики, вы — управленцы развитием.

Таким образом, мы можем вывести название деятельностной рамки для позиционирования метода Глазычева и ответить на вопрос: «Методом чего является метод Глазычева?» — методом управления территориальным развитием.

Суть метода

Определившись с названием деятельности как рамки, задающей нам систему координат для позиционирования, мы можем попытаться ответить, что есть метод Глазычева как некий инструмент, некое средство в рамках этой деятельности. Иначе говоря, по аналогии с решением уравнений мето-

дом Гаусса мы можем задаться вопросом: «Как управлять развитием территорий методом Глазычева?»

Для ответа на этот вопрос попробуем определиться с объектом управления: с каким объектом мы работаем как управленцы, действуя в методе Глазычева?

Свою первую лекцию [8] на вновь созданной кафедре Глазычев начал с вопроса: «Из какой позиции мы можем отнестись к объекту „территория“ в управленческом залоге?» И привел три возможных понимания этой позиции:

1. *Традиционная*, «архитектор как интегратор», свойственная большей части градостроительного цеха. В этой позиции объектом видится, с одной стороны, собственно территория как некая географическая сущность, описанная на картах (земля, вода, рельеф, растительность), а с другой — город как инженерное изделие, проект которого есть предмет ведения архитектора-градостроителя.
2. *Юридическая*, в которой доминирует позиция «архитектор-юриспрудент». В этой позиции, как говорит Глазычев, «территориальное развитие есть деятельность в соответствии с Градостроительным кодексом». Иначе говоря, подобно тому, как в традиционной модели во главе угла стоит некая мыслительная конструкция под названием «Генеральный план», держателем которой является главный архитектор, в этой картине мира есть точно такая же конструкция под названием «Правила землепользования и застройки», по сути, являющаяся такой же искусственной модельной конструкцией, как и инженерный проект под названием «Генеральный план». Однако, в отличие от первой позиции, объектом в ней является не инженерное изделие или природный объект, а некие отношения — правовые отношения между субъектами права и юрисдикциями.
3. *Управленческая*, в которой объектом видится не инженерное изделие и географическая субстанция, а опять же отношения, но не между субъектами права,

> а носителями интересов. Территория, ее состояние и все, что происходит на ней, есть проекция системы ролей в производственных отношениях, с одной стороны, а также неких интересов, представленных в данном пространстве («„актеры“, разобщенные по служебным или сугубо профессиональным областям деятельности, неизбежно видят проблемы города через призму собственных представлений и интересов»).

В трактовке Глазычева управленец развитием территории удерживает за собой, с одной стороны, функцию целеполагания, а с другой — представления публичного интереса в диалоге с множеством частных интересов, в том числе различных формальных органов публичной власти.

Рассуждая в метафоре развития города как создания театра, Глазычев подчеркивает неизбежную необходимость приглашения внешнего режиссера в целях преодоления сложившегося баланса интересов на территории. Поскольку текущее состояние территории есть проекция этого баланса, развитие есть изменение этого баланса, перегруппировка этих интересов и создание некоего нового порядка. Занятие управленческой позиции происходит именно за счет выхода (реального или мыслительного) во внешнюю позицию, предложения некой цели (целевой модели нового образа территории) и пересборки структуры позиций и интересов в соответствии с предложенным целеполаганием.

Наиболее красочной аналогией для понимания позиции пространственного развивателя может послужить образ Маугли из «Книги Джунглей» Р. Киплинга [9]. Что есть Джунгли в данном случае? Это некая территория, в которой наличествует некая структура позиций (вспоминаем всех персонажей истории, каждый из которых олицетворяет собой некий интерес и позицию в структуре) и баланс интересов между ними. Инородный субъект Маугли, попадая в эту систему позиций, сперва сталкивается с неким отторжением со стороны устоявшихся обитателей, затем принимается этой системой, занимая в ней определенное место, и сам становится в ней неким интересом, после чего, сталкиваясь с раз-

личными позициями, привносит в систему нововведения и переформатирует ее в новый порядок.

Развитие территории при этом происходит через со-проживание всех этих перипетий всеми участниками действа и проецируется на территорию в виде неких отпечатков изменений в социальной структуре, зримых в среде следов преобразований.

Говоря о методе Глазычева, нужно всегда помнить о том, что Вячеслав Глазычев никогда не принадлежал градостроительному цеху, как советскому так и постсоветскому, и свою методологию выстраивал в дискуссии с этим цехом.

К сожалению, с уходом Вячеслава Глазычева из жизни, произошедшим через два года после основания кафедры в Академии народного хозяйства, его идеи не получили должного развития.

Возникшая ровно в момент ухода Глазычева из жизни мода на так называемую урбанистику очень быстро абсорбировала его имя, выхолостив из его идей залог на создание новой деятельности. Сегодня мало кто видит принципиальное различие школ Глазычева и Высоковского, поскольку и первая и вторая — это институции урбанистического образования.

Подобно тому, как практика того, что в нашей стране по недоразумению получило название «девелопмент», выросла из советского стройкомплекса и в значительной степени воспроизвела паттерны его деятельности в современных реалиях; практика развития территорий, сложившаяся за последние 15 лет, была сформирована людьми с экономико-географическим образованием, транслирующими традиции советского градостроительного цеха, а потому превратилась в индустрию по производству некоего гибридного градостроительно-консалтингового продукта под названием «мастер-план».

В архитектурной практике мы знаем примеры, когда сидящий в Лондоне архитектор Норман Фостер проектирует дома для Нью-Йорка, Гонконга или Екатеринбурга. Пространственный развиватель, в отличие от архитектора или инженера, не может продать внешней территории некий отчуждаемый продукт в виде инженерной документации (будь

то проект дома или схема города как инженерного изделия, каковой является генеральный план). Глазычев приезжал в Тольятти, Набережные Челны и Мышкин, занимал в них некую позицию и вместе с городским сообществом в течение многих лет проживал с ними трансформацию города. Метод Глазычева, в отличие от метода Фостера, требует личного присутствия и со-проживания развивателя с территорией. Поэтому любая попытка обозвать «пространственным развитием» некую деятельность по изготовлению «мастер-плана» людьми, находящимися за тысячи верст от места действия, и продажа этого полиграфического изделия как некоего конечного продукта, обречена на провал. Развитие территорий — это длительный и драматический, а главное штучный процесс, требующий «ручной работы», который слабо переводится в русло индустриальной модели производственных отношений, ориентированных на поточное производство инженерных изделий.

В текущем году мы видим некую попытку переосмысления урбанистического дискурса, а также переоценки тех событий, которые имели место быть в предыдущие годы, и той практики, которая сложилась в нашей стране.

В конце прошлого года в сборнике конференции «Метрополисы» вышла большая обзорная статья историка-урбаниста Игоря Стася под названием «Множественная урбанистика» [10], где в основном сюжете о многообразии толкований этого термина в современной России дается попытка осмысления роли В. Л. Глазычева в становлении этого понятия. Социолог Петр Иванов в этом году провел серию интервью с ныне живыми сподвижниками Глазычева, которые попытались дать его портрет, рассказав о советском этапе его биографии и опыте взаимодействия с ним в проектах развития территорий в 1990–2000-х годах. Кроме того, стараниями артели уральских развивателей территорий из «Агентства развития Сысерти» в обиход стало входить понятие «продюсер города», что говорит о развитии в сегодняшних реалиях идеи Глазычева о режиссере и городе как театре.

Выше мы вспомнили о том, что сам Глазычев не считал свою деятельность профессией, а четко маркировал ее как

«занятие», оставляя рамку профессионализма только для «сугубо воспроизводящих сфер деятельности». В отличие от «профессии», ориентированной на встраивание в некую цепочку кооперации, «занятие» есть дело добровольное, осознанное и самопожертвенное. «Счастливо избежавший распределения», лишний человек Глазычев неизбежно попал в эту роль, а потому был вынужден в своем занятии сам придумывать себе средства и конструировать инструментарий.

Среди людей, близко работавших с Глазычевым и дружив-ших с ним многие десятилетия, имеется точка зрения, что его Школа умерла вместе с его уходом, а многочисленные ученики растеряли багаж его инструментария. Нельзя сказать, что эта точка зрения не имеет под собой оснований. Вместе с тем оживленный интерес к его наследию среди молодого поколения студентов и выпускников кафедры Глазычева дает основание надеяться, что среди них появятся те, кто не станет искать себе место в рамках градостроительного цеха, а возьмет на себя труд продолжить его начинания и сформировать позицию пространственного развивателя.

Литература

1. *Боков А. В.* Параллельная архитектура оттепели и застоя. Визионеры последнего советского тридцатилетия. — М.: Музей Гараж, 2024.
2. *Щедровицкий Г. П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. — М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014.
3. *Глазычев В. Л.* Финал эпохи профессионалов. https://www.glazychev.ru/publications/articles/1998–05–21_final_epokhi_professionalov.htm (доступ: 01.12.2025).
4. *Гутнов А. Э.* Эволюция градостроительства. — М.: Стройиздат, 1984.
5. *Высоковский А. А.* Theory. Practice. Public. Соч. в 3 т. — М.: Grey Matter, 2015.
6. Первые Глазычевские чтения. Качество среды и качество жизни. — М.: Дело, 2014.

7. *Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. и др.* Городская среда. Технология развития: настольная книга. — М.: Ладья: 1995.
8. *Глазычев В.Л.* Управление территориальным развитием. — М.: Дело, 2015.
9. *Киплинг Р.* Книга Джунглей. — М.: АСТ, 2024.
10. *Стась И.Н.* Множественная урбанистика и ее языки описания. Городские исследования и практики. — Т. 9. — 2024. — № 4. — С. 6–21.

Метод Глазычева: главная идея и «человеческое измерение»

Вячеслав Геннадьевич Марача
кандидат философских наук, доцент РАНХиГС, Финансового университета при Правительстве РФ и НИЯУ МИФИ, вице-президент Национальной гильдии профессиональных консультантов
Россия
г. Москва
e-mail: maratcha@yandex.ru

Аннотация. *Цель* настоящей работы — дать эскизное описание метода Глазычева. Для этого необходимо, во-первых, убедиться, что такой метод существует. Во-вторых, показать его главную идею. И, в-третьих, раскрыть «человеческое измерение» этого метода с учетом того, что он имеет ярко выраженный прикладной характер, а предметы приложения в значительной степени «рукотворны» и зависят от позиции того, кто применяет метод.

Первая часть работы посвящена главной идее «метод Глазычева» и девяти содержательным аспектам этого метода. Выделены четыре предметных аспекта, четыре организационно-управленческих аспекта и связывающий их в единое целое девятый аспект — методологическая рефлексия.

Во второй части работы описаны две стороны «человеческого измерения» рассматриваемого метода. Первая из них — это характеристики метода, которые могут быть схвачены в схемах самоорганизации (если речь идет об индивидуальной работе) или организационно-управленческих схемах (когда работа выполняется коллективно или в коллаборации). А второй стороной являются личностные качества, выступающие условиями применения метода Глазычева, которые по отдельности могут рассматриваться как типологические, а в совокупности — как культурный образец.

Заключение данной работы посвящено разбору аргументов коллег, сомневающихся в существовании метода Глазычева, и ответу на вопрос, в каком смысле данный метод все-таки существует.

Ключевые слова: метод Глазычева, методология, системы человеческой деятельности, комплексный подход, содержательные аспекты метода, «человеческое измерение» метода.

«Glazychev Method»: The Main Idea and the «Human Dimension»

Viacheslav Maracha
Associate Professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Financial University under the Government of the Russian Federation, and the National Research Nuclear University MEPhI, Vice President of the National Guild of Professional Consultants,
PhD in Philosophy
Russia
Moscow
e-mail: maratcha@yandex.ru

Abstract. The purpose of this paper is to give a rough description of the Glazychev method. To do this, it is necessary, first, to make sure that such a method exists. Second, to show its main idea. And, third, to reveal the «human dimension» of this method—taking into account that it has a clearly expressed applied character, and the objects of application are largely «man-made» and depend on the position of the one who applies the method.

The first part of the paper is devoted to the main idea of the Glazychev method and nine substantive aspects of this method.

Four subject aspects, four organizational-and-managerial aspects and the ninth aspect that connects them into a single whole—methodological reflection—are distinguished.

The second part of the paper describes two sides of the «human dimension» of the method under consideration. The first of these are the characteristics of the method, which can be captured in self-organization schemes (if we are talking about individual work) or organizational-and-managerial schemes (when the work is carried out collectively or in collaboration). And the second side is the personal qualities that act as conditions for the application of the Glazychev method, individually they can be considered as typological, and in the aggregate—as a cultural model.

The conclusion of this paper is devoted to the analysis of my colleagues' arguments who doubt the existence of the Glazychev method and to the answer to the question of in what sense this method does exist.

Keywords: Glazychev method, methodology, human activity systems, comprehensive approach, substantive aspects of the method, «human dimension» of the method.

При подготовке данной статьи использованы материалы доклада автора на XIII Глазычевских чтениях, с которым он выступил 30 мая 2025 года на секции «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня», а также ответы на вопросы портала «Кто твой город», подготовленные к 85-летию В. Л. Глазычева, опубликованные 26 февраля 2025 года [10] и положенные в основу доклада. «Академическая редакция» этих материалов образует основную часть данной статьи. Она написана в предположении, что метод Глазычева существует. Однако в ходе Глазычевских чтений высказывалась и противоположная точка зрения, которую аргументированно защищали Петр Иванов и Александр Шарыгин. Поэтому заключение данной статьи посвящено разбору аргументов коллег и ответу на вопрос, в каком смысле метод Глазычева все-таки существует.

Цель настоящей работы—дать эскизное описание метода Глазычева. Для этого необходимо, во-первых, убедиться, что

такой метод существует; во-вторых, показать его главную идею и, в-третьих, раскрыть «человеческое измерение» этого метода с учетом того, что он имеет ярко выраженный прикладной характер, а предметы приложения в значительной степени «рукотворны» и зависят от позиции того, кто применяет метод. В рамках прикладного системного мышления подобная ситуация с методом описана Уэстом Черчменом [14] и типична для «мягкой системной методологии» (soft systems methodology), созданной в 1970-е годы Питером Чекландом [13]. В СССР близкой проблематикой занимался Московский методологический кружок (далее — ММК) под руководством Г. П. Щедровицкого [12; 9], развивающий деятельностный подход (общую теорию деятельности, развернутую в системодеятельностный подход). В 1970–1980-е годы деятельностный подход под влиянием «гуманитарно-культурологической критики», свою лепту в которую внес и В. Л. Глазычев, был переосмыслен как системомыследеятельностный (далее — СМД) подход, развиваемый последователями ММК и в настоящее время.

Общим моментом для Черчмена, Чекланда и участников ММК было рассмотрение предметов приложения метода не как «вещей», а как «систем человеческой деятельности (human activity systems). Причем в онтологическом повороте от «вещей» к «деятельности» ММК на 10–15 лет опередил своих западных коллег. И это было как раз в период активного участия в работе ММК В. Л. Глазычева, в 1968 году защитившего свою первую, кандидатскую, диссертацию (важно отметить, что это была диссертация по философии) [5]. Поэтому мне как методологу и участнику ММК очень близок вопрос о методе Глазычева.

Но с учетом того, что вопрос ставится о методе «первого отечественного урбаниста», ответ на него не может быть дан «чисто методологически», без учета области приложения. При этом сам я не являюсь урбанистом и, несмотря на долгие годы дружеских отношений с Вячеславом Леонидовичем, только осваиваю его работы по проблематике городов. Он ушел от нас неожиданно, но успел подарить нам несколько великолепных книг, написанных в последние годы жизни:

«Урбанистика» (2008) [6], «Политическая экономия города» (2009) [4] и «Город без границ» (2011) [2]. Ну и, разумеется, нельзя забывать о его непревзойденном сборнике «Глубинная Россия» (2003; 2-е изд. 2005) [1], представляющем собой описание уникального опыта социальных исследований малых городов.

Для полноты задания контекста вопроса о методе Глазычева следовало бы привести хотя бы шорт-лист его главных книг (а не только последних). Но многообразие интересов Вячеслава Леонидовича и многогранность его таланта не укладываются в краткий список. В итоге, несмотря на мое стремление к краткости, список включает 10 книг и одну статью (которая, на мой взгляд, важна как раз для понимания метода Глазычева). Привожу этот список в хронологическом порядке выхода публикаций:

- «О дизайне: Очерки по теории и практике дизайна на Западе» (1970; 2-е изд. под названием «Дизайн как он есть», 2006);
- «Организация архитектурного проектирования» (1977);
- статья «Логико-методологические компоненты знания в мире техники» (в сб.: «Философские вопросы технического знания», 1984);
- «О нашем жилище» (1987);
- «Мир архитектуры (лицо города)» (1990, совм. с А. Э. Гутновым);
- «Городская среда: технология развития» (1995, совм. с М. М. Егоровым, Т. В. Ильиной и др.);
- «Глубинная Россия» (2003; 2-е изд. 2005);
- «Урбанистика» (2008);
- «Политическая экономия города» (2009);
- «Город без границ» (2011);
- Учебник «Управление территориальным развитием» (2015).

Метод Глазычева: главная идея

Сразу сформулирую свою гипотезу: «Метод Глазычева — это комплексный подход к проблемам изучения городов (а также

регионов и иных территорий) и планирования их будущего, органично соединяющий девять аспектов (табл. 1).

Таблица 1. Девять аспектов метода Глазычева

Предметные аспекты	Организационно-управленческие аспекты
1) архитектурно-градостроительное и проектно-дизайнерское видение; 2) пространственное развитие; 3) политэкономия городов и регионов; 4) междисциплинарные социальные исследования (городов, территорий и др.)	1) стратегическое управление; 2) коммуникации со стейкхолдерами; 3) погруженность в контекст развития; 4) рефлексия исторического контекста
1) методологическая рефлексия	

Как я пришел к такому выводу, откуда взялось девять аспектов метода Глазычева и почему они именно так структурированы? Попробую ответить на эти вопросы, вступив в заочный диалог с Петром Ивановым, который был одним из соавторов замысла секции «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня». Спустя 10 дней после XIII Глазычевских чтений Петр Иванов опубликовал рефлексивные размышления, посвященные итогам работы этой секции [7]. Обсуждая вопрос о том, был ли Глазычев урбанистом, дизайнером или кем-то еще, Иванов замечает: «Но еще он был переводчиком, культуртрегером, правозащитником, методологом, искусствоведом, писателем, историком инженерии, телеведущим, социологом, траблшутером. Трудно представить, кем только не был Глазычев. Как будто бы он был *междисциплинарностью во плоти* (выделено мной.—*В. М.*)». На мой взгляд, выделенный тезис следует отнести не к персоне Глазычева, а именно к его методу.

Петр Иванов далее пишет: «Но в этом прослеживается важная нота его стратегии—он говорил со всеми, учился у всех, но никогда не был полностью кем-то одним… Глазычев в терминологии теории социального капитала был „мостом“. Он коммуницировал с огромным количеством людей из самых разных сфер и приносил весточки и ценно-

сти из одних сфер в другие» [7]. Главная функция моста — соединять. Это относится как к «настоящим» мостам, так и к мостам из теории социального капитала Р. Патнэма (bridges): они образуют «гибкие» связи, которые так и называют — «соединяющими» (bridging), в отличие от более «жестких», именуемых «связывающими» (bonding) во всех смыслах этого слова. Это различение задает типологию социального капитала: «связывающий» социальный капитал обеспечивает внутригрупповую солидарность и идентичность, а «соединяющий» социальный капитал обеспечивает доступ к внешним ресурсам и информации, более широкие и гетерогенные социальные связи [15].

Если вернуться к главной ипостаси Глазычева как урбаниста, то я смотрю на проблематику городов прежде всего как методолог с практическим опытом в сфере городского и регионального развития. И, с этой точки зрения, «воплощенная междисциплинарность» метода Глазычева вместе с соединяющей функцией «моста» — это не что иное, как комплексность. Ведь соединял он не только дисциплины, но и разные профессиональные позиции, и даже целые сферы (например, архитектуру и философию). А описанная Ивановым стратегия Глазычева («говорил со всеми, учился у всех, но никогда не был полностью кем-то одним») на методологическом языке называется «сменой позиций». Он действительно был и урбанистом, и дизайнером, и методологом, и всеми остальными, кого перечисляет Иванов, но не одновременно, а поочередно, при этом в рефлексии удерживая схему (или хотя бы карту) своих переходов и целостную картину комплексного предмета своей деятельности и размышлений.

Соответственно, в методе Глазычева, понимаемом как комплексный подход к проблемам изучения городов и планирования их будущего, я выделяю организационно-управленческие и предметные аспекты (см. табл. 1).

Предметные аспекты «метода Глазычева» — это составляющие комплексного предмета его размышлений и практической работы. В этом комплексном предмете органично соединяются архитектурно-градостроительное и проектно-дизай-

нерское видение формирования и развития городов (1) с политэкономическим (3), с междисциплинарными социальными исследованиями городов (4) и точкой зрения пространственного развития (2).

Организационно-управленческие аспекты метода применительно к индивидуальной работе Глазычева суть не что иное, как *схемы самоорганизации,* которые в командной работе превращаются в *организационно-управленческие схемы* (в простейшем случае в практической работе Глазычев «делегировал» другим членам команды часть позиций, которые в размышлениях «проходил» сам). Эти схемы обеспечивают взгляд на город с позиций стратегического управления (5), учитывающий наличие различных стейкхолдеров и необходимость коммуникаций с ними (6). Причем город рассматривается в развитии (7) и помещается в исторический контекст развития архитектурно-градостроительного проектирования и планирования (8).

При этом удерживать все это в целом позволяет методологическая рефлексия (9). Она же обеспечивает соотнесение между собой предметных и организационно-управленческих аспектов метода Глазычева. Эта соединяющая функция выводит методологическую рефлексию за границы различения предметных и организационно-управленческих аспектов метода Глазычева. В этом смысле она «не совсем аспект», поскольку именно в методологической рефлексии метод осознается *как целое*.

Обладая обширными и глубокими познаниями в различных предметных областях, а также на практике поочередно занимая различные предметные позиции, Глазычев прекрасно понимал роль методологической рефлексии и функции методологии. В РАНХиГС на основанной им кафедре территориального развития (сейчас носящей его имя) он даже читал своим магистрантам короткий курс под названием «Методология социального знания». Защитив в 1968 году свою первую, кандидатскую, диссертацию по философии, он придавал большое значение методологическим вопросам и хотел передать этот курс «в хорошие руки», неожиданно обратившись с таким предложением к автору этих строк.

Я попросил у Вячеслава Леонидовича для начала послушать курс в его исполнении. И хотя в свое время я написал целую диссертацию как раз по методологии социального знания, я не мог не отдать должное оригинальности подхода Глазычева, который был интенционально «развернут» в сторону проблем архитектуры, градостроительства и территориального развития. При этом изложение методологических вопросов подкреплялось великолепным знанием материала соответствующих предметных областей.

К сожалению, Вячеслав Леонидович не оставил нам публикаций по теме этого курса. Но для понимания его основных идей можно обратиться к статье «Логико-методологические компоненты знания в мире техники», написанной еще в 1984 году [3], где Глазычев исходит из рабочей гипотезы многокомпонентности знания в мире техники, который исторически вырос из единого античного «технэ», а в наше время формируется как своеобразное совмещение трех миров: науки, практического действия и искусства. При этом решение «технической задачи» (в таком широком понимании) Вячеслав Леонидович иллюстрирует на примере трех вариантов реконструкции существующего города. «Технические» знания, обеспечивающие решение задач такого класса, соединяют в себе аналитический, проектный и конструктивный компоненты, и сейчас мы вполне могли бы назвать их «социальными» или рассматривать «социальные» знания по аналогии с подобными «техническими».

Метод Глазычева: две стороны «человеческого измерения

Ранее было сказано, что метод, имеющий дело с «системами человеческой деятельности», неизбежно сам приобретает «человеческое измерение». Применительно к методу Глазычева это «человеческое измерение» имеет две стороны. Первая из них — это характеристики метода, которые могут быть схвачены в схемах самоорганизации (если речь идет об индивидуальной работе) или организационно-управленческих схемах (когда работа выполняется коллективно или в колла-

борации). Вторая — это условия применения метода, выражаемые определенным набором личностных качеств тех, кто его применяет.

Выше перечислено пять аспектов метода Глазычева, которые были отнесены к организационно-управленческим (см. табл. 1). Там же была описана роль методологической рефлексии (9). Что касается погруженности в контекст развития (7) и рефлексии исторического контекста (8), то это не что иное, как ценности, реализуемые на практике как требования к выбору схем самоорганизации или организационно-управленческих схем. Здесь я сначала сфокусируюсь на таких аспектах метода Глазычева, как стратегическое управление (5) и коммуникации со стейкхолдерами (6), а затем перейду к условиям применения метода Глазычева, выраженным двумя группами личностных качеств.

Говоря о стратегическом управлении и коммуникации со стейкхолдерами как о важных аспектах метода Глазычева, необходимо отметить их масштабирование в пространстве и времени. Так, Глазычев мог удивительным образом совмещать стратегический взгляд на город «с высоты птичьего полета» с умением погружаться в детали, быстрое принятие управленческих решений — с неторопливыми и вдумчивыми социальными исследованиями. Еще он умел видеть конкретный город, его пространственно-планировочные характеристики и архитектурные особенности в развитии — и в исторической перспективе, соотнося его черты с лучшими достижениями и канонами стиля градостроителей прошлого. И мог «приземлить» все это, переводя стратегические замыслы и градостроительные концепции на язык, понятный управленцам и чиновникам.

А еще у Глазычева стоит поучиться умению разговаривать с представителями разных профессий и статусов: от архитекторов и социологов до строителей и энергетиков, от таксистов и продавцов на рынке до мэров и губернаторов, от молодых ученых до академиков. И не просто разговаривать, а понимать их, доносить свои идеи и продвигать разумные рекомендации, четко осознавая то, как они будут восприняты «наверху» и «на земле» (второе Глазычев считал

не менее важным, чем первое). Достаточно вспомнить грандиозную идею расширения Москвы, которая вначале казалась нереализуемой как ученым, так и чиновникам.

Описанные в двух предыдущих абзацах методологические характеристики стратегического управления и коммуникаций со стейкхолдерами, относящиеся к масштабированию в пространстве и времени, сведены в таблицу 2. При этом они поделены на две группы: характеристики, относящиеся к масштабированию в физическом пространстве и времени и относящиеся к масштабированию в социальном пространстве и историческом времени.

Таблица 2. Стратегическое управление и коммуникации со стейкхолдерами: масштабирование в пространстве и времени

Характеристики в физическом пространстве и времени	Характеристики в социальном пространстве и историческом времени
• стратегический взгляд на город «с высоты птичьего полета» vs умение погружаться в детали (район, здание, жилище); • быстрое принятие управленческих решений vs неторопливые и вдумчивые социальные исследования	• умение видеть конкретный город, его пространственно-планировочные характеристики и архитектурные особенности в развитии; • умение видеть город в исторической перспективе, соотнося его черты с лучшими достижениями и канонами стиля градостроителей прошлого; • умение «приземлить» все это, переводя стратегические замыслы и градостроительные концепции на язык, понятный управленцам и чиновникам; • умение разговаривать с представителями разных профессий и статусов; • понимание того, как идеи и рекомендации будут восприняты «наверху» и «на земле»

Теперь о второй стороне «человеческого измерения» метода, которые на первый взгляд гораздо труднее отделить от человека, чем организационно-управленческие схемы. Речь идет о личностных качествах. Для выделения этих качеств, выступающих условиями применимости метода Глазычева, необходимо личностное знание в смысле М. Полани [11]. В моем случае подобное личностное знание «добыто» из рефлексии опыта нашей совместной работы и дружеских отношений. Эта рефлексия интерсубъективного опыта была

дополнена биографическим методом, позволившим прояснить факты, о которых я не знал.

Опираясь на описанные выше предпосылки, я полагаю, что условиями применимости метода Глазычева выступают две группы личностных качеств, которыми в полной мере обладал он сам (табл. 3). Но чтобы быть условиями применимости метода, эти обобщенные группы и конкретные личностные качества рассматриваются как *типологические*. Это означает, что личностные качества, «срисованные» с Глазычева, могут рассматриваться теми, кто применяет его метод как *культурный образец*.

Таблица 3. Условия применимости метода Глазычева — две группы личностных качеств

Гражданская ответственность	Чувство стиля
• активная исследовательская и проектная деятельность; • принадлежность к сословию «потомственных почетных граждан»; • членство в Общественной палате РФ; • солидные позиции в профессиональных организациях, в том числе международных	• манера одеваться и держаться; • манера выступать и вести беседу; • запоминающиеся образ и «аура»

Первая группа личностных качеств объединена идеей *гражданской ответственности*. Данный императив Глазычев реализовывал прежде всего через активную исследовательскую и проектную деятельность. При этом Вячеслав Леонидович искренне гордился тем, что его предки принадлежали к сословию «потомственных почетных граждан», то есть выходцев из «низов», кто своей профессиональной и общественной деятельностью заслужил почти дворянское достоинство, причем получил это не «по крови», а именно «по заслугам». Глазычев и сам был членом Общественной палаты РФ, занимал солидные позиции в профессиональных организациях. В частности, в разное время он был секретарем правления Союза архитекторов СССР, президентом Российской национальной академии дизайна и т. д. Хотелось бы пожелать молодежи следовать образу жизни мэтра и не сторониться подобной деятельности, поскольку, если ею не будут зани-

маться лучшие, неизбежно начнется «отрицательный отбор». Без этого следования идее гражданской ответственности все попытки воспроизвести метод Глазычева по схемам или кейсам будут профанацией.

И the last but not the least: Вячеслав Леонидович обладал отменным чувством стиля. Это проявлялось у него во всем: в манере одеваться, держаться, выступать, вести беседу… Его образ и создаваемую им «ауру» трудно было спутать с кем-то другим, они запоминались с первого взгляда. В течение многих лет этот образ был своего рода воплощением урбанистики среди наших родных осин — сначала экзотическим, а потом популярным и даже модным. Вот как описывает этот образ его коллега Эдуард Кульпин: «Безупречно одетый, с неизменной курительной трубкой и артистическим платком на шее, владеющий безукоризненным русским языком, на котором сейчас говорят и пишут все реже и реже, он ассоциировался с, казалось бы, безвозвратно потерянным Серебряным веком» [8].

Когда с 2005 по 2008 год на НТВ шла аналитическая телепередача Глеба Павловского «Реальная политика», в которой Глазычев участвовал под псевдонимом «Мистер Монблан», ему можно было даже не переодеваться. И я надеюсь, что фирменный стиль Вячеслава Леонидовича тоже останется хорошим примером для подражания, о котором стоит помнить всем тем, кто будет осваивать метод Глазычева.

Так существует ли метод Глазычева?

Как было обещано в начале статьи, прежде чем сделать выводы, я отнесусь к аргументам коллег, сомневающихся в положительном ответе на поставленный вопрос.

Александр Шарыгин применительно к методу Глазычева задает вопрос о том, методом чего он является. И отвечает на него так: это «метод управления территориальным развитием». Перед этим Шарыгин приводит известные ему примеры (их можно считать «эмпирическими типами», замещающими отсутствующее понятие метода), где на этот вопрос можно дать ясный ответ: метод Гаусса для решения систем

линейных уравнений, метод доктора Пимслера для изучения английского языка русскоговорящими и т. д. А дальше делается вывод: метод управления территориальным развитием не является «методом» в том смысле, в котором метод понимается в приведенном круге примеров.

Аргументация Шарыгина по-своему логична для того круга примеров, которые он рассматривал в качестве «эмпирических типов» методов. Но, на мой взгляд, этот круг примеров был слишком узок, поскольку включал только методы, относящиеся к какой-то одной предметной области и по своему содержанию близкие к алгоритмам («делай раз — делай два»). В то время как метод Глазычева комплексный (а не предметный). И то, что метод Глазычева не сводится к набору алгоритмов, еще не означает, что это скорее искусство, чем метод.

Позиция Петра Иванова более тонкая. Формально не отрицая существование метода Глазычева, он пишет: «Я обнаружил метод Глазычева и искренне им вдохновился, ценностный резонанс был велик, и я решил искать — где же методология Глазычева. И я ее не нашел — я нашел широкий арсенал приемчиков Илицюань развития территорий, я нашел много военных хитростей, но никак не стройный методологический аппарат. Глазычев никогда не говорит о том, как правильно работать урбанисту. Он говорит о том, что любые действия, которые приносят данные, — хороши» [7].

А выше по тексту Петр Иванов фактически отрицает не только наличие методологии, но и то, что он обнаружил метод: «Чтобы практиковать метод Глазычева — нужно быть как минимум Глазычевым. Не понарошку, а в полный рост. Метод Глазычева не стал идеологией — увы или к счастью, Вячеслав Леонидович не писал программных текстов. Нигде он не рассказал — не смог или не захотел, — как правильно заниматься урбанистикой. В его текстах сквозят его ценности, но чтобы повторить его метод, недостаточно знать только их» [7].

Резюмировать аргументацию Иванова можно в следующем тезисе: метод, который жестко привязан к одному человеку, практикующему его как искусство, и другому это искус-

ство невозможно воспроизвести,— это не метод. Этот тезис логично сочетается с утверждением Иванова о том, что он не нашел у Глазычева методологии. Нет методологии — значит, нет и метода.

Мои возражения вкратце можно представить в следующих шести пунктах:

1) Глазычев в своих размышлениях и практике уделял существенное внимание методологии;
2) благодаря методологической рефлексии, встроенной в способ его работы, он осознавал свою собственную методологию — хотя бы «задним числом»;
3) если Глазычев осознавал свою методологию, значит, был и метод Глазычева — как методология, реализуемая на практике и контролируемая рефлексией;
4) тезис о том, что даже если метод Глазычева существует, он жестко привязан к одному человеку, опровергается тем, что этот метод осознается не только им — его главная идея, ключевые аспекты и «человеческие характеристики» описаны в данной статье, а также в работах других участников секции «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня»;
5) метод, имеющий дело с «системами человеческой деятельности», неизбежно приобретает «человеческое измерение», но сам по себе данный факт еще не превращает подобный метод в искусство;
6) личностные качества, выступающие условиями применения метода Глазычева, по отдельности могут рассматриваться как типологические, а в совокупности — как культурный образец.

Итак, главная интрига дискуссии в том, чтобы понять, в каком смысле метод Глазычева является методом, а в каком — не является. И, конечно, что это такое — метод Глазычева? В итоге все участники дискуссии внесли свой вклад в ответы на эти вопросы, в том числе и те, кто отрицал существование данного метода.

Моя позиция заключается в том, что метод Глазычева существует, но это не метод в смысле алгоритма (и вообще

точных наук). Это метод работы с системами человеческой деятельности, которые имеют историю и могут развиваться. К этому классу систем относятся и города. В то же время метод Глазычева есть нечто большее, чем только ценностная рамка.

В моем понимании это метод, который характеризуется девятью содержательными аспектами, связываемыми в единое целое методологической рефлексией. А как метод работы с системами человеческой деятельности, он имеет «человеческое измерение», в котором я выделил две стороны. Поэтому я полностью поддерживаю заключительный тезис Петра Иванова: «Мы точно знаем, что метод Глазычева есть как минимум в нашем восприятии. И нам решать, будет ли он определять развитие нашей страны» [7].

Завершить эту работу я бы хотел двумя важными для меня цитатами из книг В. Л. Глазычева:

> Главным было показать, что благоустройство — дело самих жителей не тогда, когда их выгоняют с лопатами, чтобы делать чужую и скучную работу, а когда они действительно ощущают собственное авторское участие [1].

> Жизнеспособность города… зависит от возможности граждан участвовать в принятии планировочных решений. В этом контексте «устойчивость» есть способность поддерживать «качество жизни», которое мы устанавливаем или к которому стремимся. Существо термина «устойчивость» для жителей города заключается в ключевых понятиях равенства, достоинства, доступности; в планировочном смысле — это создание «дружелюбных» мест, из которых состоит город [6].

Выражаю признательность всем организаторам и участникам секции «Метод Глазычева и личный опыт: как идеи и подходы живут сегодня», впервые организованной в рамках XIII Глазычевских чтений. Моя особая благодарность Татьяне Красниковой, прочитавшей рукопись статьи и приславшей ценные комментарии.

Литература

1. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Новое изд-во, 2003; 2005.
2. *Глазычев В.Л.* Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011.
3. *Глазычев В.Л.* Логико-методологические компоненты знания в мире техники // Философские вопросы технического знания: сб. статей. — М.: Наука, 1984. https://www.glazychev.ru/publications/articles/1984_logic-metodol_componenty.htm (доступ: 01.12.2025).
4. *Глазычев В.Л.* Политическая экономия города. — М.: Дело, 2009.
5. *Глазычев В.Л.* Социальная функция дизайна в системе современного капитализма: дис. … канд. филос. наук. — М., 1968.
6. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. — М.: Европа; Новая площадь, 2008.
7. *Иванов П.* Метод Глазычева: этюд к постбиографии // Портал «Среда для жизни». https://средадляжизни.рф/journal/metod-glazycheva-etyud-k-postbiografii/ (доступ: 01.12.2025).
8. *Кульпин Э.* In memoriam. Профессор Вячеслав Леонидович Глазычев (1940–2012) // История и современность. — 2012. — № 1. — С. 218–219.
9. *Марача В.Г.* Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик // Часть 1. Философские науки. — 2004. — № 1. — С. 59–82; Часть 2. Философские науки. — 2004. — № 2. — С. 103–124. https://www.researchgate.net/publication/343385240_Moskovskij_metodologiceskij_kruzok_osnovnye_programmnye_idei_i_formy_organizacii_intellektualnyh_praktik (доступ: 01.12.2025).
10. «Настройка его оптики была эксклюзивна»: о методе и наследии Глазычева рассказывают его современники // Портал «Кто твой город». https://ktogorod.ru/glazychev_sovremenniki (доступ: 01.12.2025).

Консенсус Мурунова (консенсус через согласование интересов и запроса на новый опыт)

Святослав Александрович Мурунов
урбанист, участник экспедиции В.Л. Глазычева «Глубинная Россия»
Россия
г. Москва
e-mail: swqt@mail.ru

Аннотация. В 2001 году в экспедиции «Глубинная Россия» я спросил у В.Л. Глазычева: «Что такое город?»; его ответ: «Город — это диалог городских сообществ» — стал императивом моей урбанистической практики. Но на пути к диалогу пришлось разбираться во множестве культурных и социальных нюансов. Настоящая статья — размышление и одновременно технология (городская модерация), которые я сформулировал в процессе развития российской школы урбанистики.

Ключевые слова: консенсусное принятие решений, согласование интересов, городские сообщества, партисипативное планирование, культура принятия решений.

Murunov's Consensus (Consensus Through the Coordination of Interests and the Demand for New Experiences)

Svyatoslav Murunov
urbanist, participant of Glazychev's expedition Glubinnaya Rossiya
Russia
Moscow
e-mail: swqt@mail.ru

Abstract. In 2001, during the Glubinnaya Rossiya expedition, I asked V. L. Glazychev, «What is a city?» His answer, «A city is a dialogue between urban communities» became the imperative of my urban planning practice. But on the path to dialogue, I had to navigate numerous cultural and social nuances. This article is both a reflection and a (urtechnique ban moderation) that I formulated during the development of the Russian school of urban planning.

Keywords: consensus decision making, alignment of interests, urban communities, participatory planning, decision-making culture.

Ключевым инструментом выработки и принятия решений является технология генерации (поиска) и выбора решений.

В крестьянской культуре разработка решений (набор вариантов) закладывалась традицией и внешними факторами (календарь/погода), поэтому чаще всего разработка решений — медленное накопление устойчивых решений, коллективные практики (народный сход) для поиска решений в критических ситуациях — проходила в качестве вскрытия нескольких позиций (в основном лидеров) при эмоциональном (не аргументированном) согласии или несогласии.

Деревня (мало ресурсов и людей) не могла позволить себе несколько противоположных или экспериментальных решений (то есть необходимость согласия была критической для выживания деревни), поэтому народный сход и эмоциональная синхронизация (коллективное переживание как ценность, отсюда в традициях деревни множество практик сопереживания, переклички, обмена, единения прежде всего через песню) шли до тех пор, пока не был найден оптимальный вариант (ответственность за который в итоге касался всех участников, даже тех, кто не предлагал решений и не участвовал в обсуждении). Из крестьянской культуры в постсоветских городах присутствует «всегда так жили/делали», «не надо ничего менять», эмоциональные конфликты и апатия/отключение от процессов (если не понимаю, кто что предлагает, если меня не вовлекают в эмоциональное обсуждение, я начинаю выходить из таких процессов).

В заводской культуре технология принятия решений — это построение иерархии (кто кому подчиняется, кто от кого зависит): кто главный, пусть он и решает. В советское время, на которое пришлась индустриализация, заводская культура принятия решений и советский подход были совмещены — собрания, где резолюции были известны до и требовали голосования (часто в протоколах фигурирует параметр «единогласно»), то есть выбора как такового не было, наоборот, была проверка на соблюдение иерархии, то есть голосующий не выбирал, а показывал свою лояльность начальнику/курсу/партии и т. п. Как только происходил раскол в голосовании (кто-то за, кто-то против), чаще всего большинство объявляло меньшинство «предателями», «врагами» и идущими против. Заводская культура не может вырабатывать новые решения (если завод — это жесткая схема, то какие могут быть изменения в самой схеме), изменения только в параметрах (где размещаем, вопросы с ресурсами и т. п.). То есть не принципиальные, а технологические решения, на которые должны отвечать специалисты (так как требуются аргументы/доказательства), что привело к псевдомеритократии в постсоветский период и искажениям типа «законы должны писать юристы», «экономисты отвечают за экономику», «администрация лучше должна знать, что мы хотим», «органы разберутся», «в кризисе образования виновата школа» и т. п.

Советская культура, где способность генерировать идеи/решения автоматически продвигала человека по социальному лифту, привела к «диктатуре героя» — решение не вырабатывается коллективно, более того, решение не вырабатывается, оно сакрализируется (рождается/ударяет как молния, поражает/снится и т. п.), то есть «лидер-герой» фазу выработки решения замещает своей необычной личностью, а взятие ответственности за решение превращает в формирование социальной иерархии вокруг себя — «ты в моей команде», «будешь моей правой рукой», «мне нужен надежный друг». Сложность решения порождает соответствующую сложность системы/иерархии, команда/движение/корпорация, в которой решения не обсуждаются, не рефлексируются и не отчу-

ждаются от фигуры/личности героя. Причем атрибуты типа «совещание», «встреча», «выборы», «соучастие», «демократические процедуры» имитируются иерархией и маскируются небольшими отклонениями от выработанных ранее решений. Свои истинные цели лидер/группа скрывает (удержание власти, концентрация и контроль за ресурсами, борьба с другими лидерами), но через ценности (как проходят все процедуры) можно легко деконструировать цели и вычислить конечных бенефициаров.

Постсоветская система является комбинацией культурных практик выработки решений, в которой центры принятия решений неизвестны, аргументы для принятия решений не публичны, интересы и опыт участников, которых эти решения касаются, не рассматриваются (подразумевается — «ну людям же это надо», «это насущная потребность», «люди нас просят»; а какие люди? что это? почему именно это? чья потребность и насколько критичная?). Самое печальное, что профессиональные сообщества вместо использования критического мышления и вскрытия программ манипуляций вынужденно и осознанно участвуют в подобных решениях, вкладывая туда свою репутацию в обмен на статус/деньги. Поэтому для реализации выработанных внутри государства решений всегда набирается команда экспертов/профессионалов, согласных не задавать вопросы.

Нынешняя система управления усиливает противоречия, системные исключения целых групп интересов порождают параллельные системы, которые учатся выживать и бороться.

Исходя из текущей ситуации в постсоветском пространстве, где базовые политические технологии (выработка и согласование интересов) находятся в зачаточном состоянии, необходимы новые подходы, новые культуры согласования интересов.

Универсальная технология выработки и принятия решений представлена ниже, автор выработал технологию через модерацию различных коллективных проектов (более 500 за последние 12 лет).

Технология авторская, поэтому называется *Консенсус Мурунова* и предназначена для групповых коммуникаций / разви-

тия сообществ, горизонтально ориентированных проектов/перехода от проектов к процессам.

Суть: консенсус-решение, которое устраивает всех участников коммуникации (не противоречит их интересам).

Модель: каждый субъект (человек/группа с определенной структурой) имеет опыт (в результате предыдущей деятельности накоплены параметры эффективности/устойчивости/уникальности), который можно представить в виде ценностей (что для вас важно? кто вы?).

Важно! В постсоветском культурном пространстве «ценности» имеют разное значение, поэтому нуждаются в подробном описании, например:

- «открытость» может означать готовность к коммуникациям с не такими, как мы, прозрачность внутренних процедур, свободный вход/выход из сообщества и т. п.;
- «экология» — абстрактная ценность, нуждается в подробном объяснении: «что вы под этим понимаете?», «как лично вас это касается?», «как это проявляется в вашей деятельности?» — и как вы поступаете с этой ценностью и как не поступаете;
- «коррупция» — нуждается в личных примерах, — в которой можно будет обнаружить массу противоречий: «я против коррупции, но взятку гаишнику/врачу/учителю могу предложить, если...» — и тут идет ценность другого порядка: дети/близкие люди/критическая личная ситуация.

«Ценности» — это сложное понятие, оно нуждается в переопределении каждый раз, как только собираются разные участники. «Что такое двор?», «Что такое парк?».

Ценности обязательно связаны с опытом субъекта и его стремлением учитывать этот опыт (накапливать собственные изменения). Поэтому каждый раз при выработке решения по какому-либо вопросу/теме формирование понятий — обязательное условие.

Ценности связаны между собой (точно так же, как опыт является связанным потоком изменений), поэтому у людей могут быть разные ценности (у них разный личный опыт),

у разных систем (администрация/бизнес/сообщество) — разные ценности.

У ценностей есть приоритеты (что-то важнее, что-то мерцает (то есть является ценностью в зависимости от ситуации). Поэтому модель ценностей субъекта лучше всего представлять графом (где вершины — пережитый опыт в виде правила/категории, связи — это причины/последствия) — отдельная тема, смотри/спроси: «Модель ценностей».

Ценности и цели связаны напрямую: ваш опыт определяет ваши устремления, закладывает вектор развития. Поэтому уникальные цели рождаются из выявления уникальности в собственном опыте (имеет отношение, например, к стратегиям/брендингу территорий).

Цели (стремление к изменениям / проявление своей уникальности / достижение внутреннего баланса). Цели — это ответ на вопрос, зачем мы собираемся в сообщество? (что такое для вас сообщество? зачем вы здесь? зачем вам сообщество? что вы хотите изменить в своей текущей ситуации?). Постсоветское культурное пространство цели подменяет слоганами, так как является продолжение советской традиции маскировать истинные интересы элиты под набор слов, понятный массам: «все лучшее — детям» (каким детям? что такое лучшее? почему только детям? что значит все? кто это продвигает? зачем ему это?), или замещает цели задачами с параметрами: «в этом году мы сделаем 100 дворов / нам нужны 100 городских лидеров» (кто мы? почему именно 100? почему именно дворы? чьи и какие интересы вы учитываете? зачем и кому эти 100 дворов или 100 лидеров? за чей счет?), или вместо цели ставит процесс: «программа „комфортная городская среда“» (какая цель программы? зачем и кому эта программа? что и как изменится в результате? сколько это стоит? кто и как принимает решения?).

Важно! Субъект, не имеющий опыта собственной/самостоятельной деятельности принятия решений, не имеет опыта формулирования целей, так как вся его деятельность управлялась внешними субъектами, то есть фактически субъектом не является. Таких участников очень легко направить в нужное русло обсуждения — «давайте расставим с вами

лавочки / отметим дорожки / подумаем, где ставить малые архитектурные формы / туалеты / сажать деревья».

К чему приводит манипуляция — концентрация ресурсов и ответственности у тех, кто вырабатывает и пытается навязать собственные решения другим? Каждый этап развития социальной системы — решения все проще и хуже (с точки зрения состояния всей системы), так как имитация и манипуляция лишает «генератора решений» обратной связи и распределения ответственности. Если решение выработано внутри системы, то и вся ответственность на тех, кто эти решения вырабатывал.

Тут я исхожу из собственного понимания «власти», власть — это прежде всего ответственность (за что/за кого принимаешь решения? какой масштаб?).

Что делать здесь и сейчас, когда закрытые форматы выработки решений / имитация обратной связи / старые методы легитимации решений привели к напряжению всех участников постсоветского пространства? Достигать своих целей/интересов становится невозможно без прямых конфликтов / без диктатуры / без манипуляций. В попытке не замечать эти кризисы система ускоряется (искусственно увеличивает количество программ со скрытыми целями) и начинает надувать собственные пузыри ресурсами и репутациями (архитекторы, РФ — чья программа? зачем она? на каких ценностях? кто и как принимал решения? 100 городских лидеров АСИ — мы (кто мы?) будем лоббировать ваши интересы / упакуем ваши проекты (перед кем лоббировать? какие у вас есть рычаги влияния? зачем вы этим занимаетесь? кто вам платит зарплату?)

Здесь и сейчас можно меняться самим, поменять свою деятельность, изменить свой стиль управления, пробовать и учиться по-новому вырабатывать решения и согласовывать интересы.

- Субъект — человек/команда/проект/институт/система, обладающая собственным опытом/свободой действий (хоть в какой-то степени).
- Решение — новое состояние системы (изменения, кото-

рые приводят к новому состоянию всей системы).

- Интерес — проявление собственных целей в текущей ситуации.
- Конфликт — разные ценности / противоположные ценности, разные цели.
- Инициатор — тот, кто инициирует поиск решения (заказчик — на консенсус).
- Оператор — тот, кто собирает/приглашает необходимых в рамках Темы участников (ценности оператора — независимый).
- Модерация — процесс управления коммуникацией (набор вопросов и технологий коммуникаций).
- Схема коммуникации (описание ситуации / набор вопросов / набор вариантов результатов коммуникации).

До начала встречи/коммуникации/переговоров инициатором формируется Тема. Тема — это рамка/ограничение/пространство коммуникации. Для консенсуса важна следующая формула Темы — процесс (генерация/поиск баланс/обсуждение/формирование/диалог), масштаб (парк/город/сообщество/фестиваль), результат коммуникации (при условии, что Инициатор готов к поиску консенсуса) — ТЗ на фестиваль, структура ТЗ, рабочая группа по проекту, список возможных решений и т. п. Тема = Процесс/Масштаб/Результат (формат результата / форма решения).

До начала обсуждения Инициатор озвучивает собственные интересы (цель — зачем нужен консенсус и встреча лично ему?), представляет Модератора или технологию обсуждения. Оператор озвучивает список тех, кто присутствует, и тех, кого приглашали, и объясняет, почему именно эти участники присутствуют (например, часто при проектировании дворов присутствуют только отдельные группы граждан — пенсионеры/мамы с детьми (кто и как представляет интересы пап? подростков? граждан без детей и т. п.?), поэтому манипуляции происходят через формирование списка участников (Минстрой/ДОМ. РФ не привлекают экспертов, которые могут быть не согласны с их видением ситуации, их целями). Процесс коммуникации состоит из следующих раундов/так-

тов/этапов:

- 1-й раунд. *Обсуждение*. Синхронизация понятий — каждый участник высказывает свое определение, что он подразумевает под понятиями, например, что такое проект/разработка/пилотный проект? Если все определения участников находятся в рамках Темы, переходим на раунд 2 если не совпадают, меняют/уточняют тему (так как если мы обсуждаем ТЗ на парк, и участники не понимают, что такое ТЗ или что такое парк, то дальнейшие их высказывания/позиции будут «хотелками», «отсебятками» но не позицией (понятия нужны чтобы на них опираться/к ним относиться при объяснении собственных позиций).
- 2-й раунд. *Определение критериев для выбора решений.* Ценности (личная история, личный набор ценностей/критериев) — список ценностей (если ценности не противоречат друг другу, то дальше / если есть противоречия в ценностях — каждый участник высказывает критическое противоречие (конфликт ценностей).

Ценности (набор ценностей для достижения консенсуса должен разделяться всеми участниками, поэтому, если какую-то ценность не все разделяют, то отказываются от этой ценности или участник фиксирует конфликт (разность ценностей). Общие ценности — это гарантия достижимости консенсуса (для сложных проектов — лучше начинать с небольшого набора ценностей).

На этом этапе нет никого, кто бы мог сказать, что это не важно или не интересно. Каждый участник имеет равные права на описание собственного опыта и собственных ценностей.

Каждым из участников озвучиваются цели:

— общие цели и личные цели/интересы (что хочет изменить каждый из участников? зачем ему? как выглядит его идеальное состояние системы, например сообщества?) — что должно возникнуть/исчезнуть/качественно измениться в результате реализации этих проектов (которых еще нет);

— список целей; если цели противоречат друг другу,

то обсуждение причин (забыли какую-то ценность либо участник сформулировал желание (я хочу), а не цель (что должно измениться в результате)). Разница между целями и желаниями (цель — это изменение всей системы, желание — это изменение только участника — например, моя цель присутствия здесь — это изменение парка, превращение его в новое городское пространство, я лично хочу заработать на этом, пользоваться этим, быть участником процесса изменений.

- 3-й раунд. *Генерация пилотных решений/гипотез*, поиск решения, которое в рамках общих ценностей и общих целей (заранее придуманных или вновь предложенных), и сравнение каждого проекта с ценностями (соответствует? как нужно делать проект, чтобы соответствовал — генерация решений/идей/условий) и с целями (проект помогает достичь целей и как? как измерить достижение цели?), каждый участник высказывает свои предложения/решения. Идеи/решения, которые не соответствуют ценностям/целям, отбрасываются либо остаются как гипотезы для проверки (ни один из участников не берет ответственность за результаты); если проект/идея не набирает решений, то проект/идея отбрасывается либо меняются ценности и цели, возврат на раунд 2. Если обсуждение заходит в тупик, возможно, не хватает какого-то участника (кого это тема тоже может волновать) или участники и их цели/ценности не совпадают с масштабом Темы, на этом этапе не важен творческий метод, так как участники формируют из своих целей (личные интересы) и общих целей (зачем нам изменения в этой теме) и ценностей — пространство возможных изменений, решений, которые не противоречат ценностям/целям.

Можно делать паузы в обсуждении, фиксировать вопрос, который вызвал проблему, и в следующий раз начать с этого вопроса.

Согласование интересов (название этого этапа) — это набор возможных решений и конфликтов, отношение участников

именно к набору (все ли это возможные решения и все ли вскрыты/проявлены конфликты): да, все; нет, не все; есть еще и до тех пор, пока участники не предложат все возможные с их точки зрения варианты.

- 4-й раунд. *Выбор решения* — это не голосование, а распределение ответственности каждого в существующем наборе возможных вариантов («я лично буду участвовать и пользоваться вот этим», «я готов выделить свои ресурсы — вот сюда», «я не против вот этого решения», «вот эти решения идут вразрез моим интересам»).

Личное отношение: каждый высказывает свое решений (с какого проекта и в какой роли он готов начать/лично участвовать? какой проект поддержит? в каком проекте сомневается (не против этого проекта, но есть сомнения)? — и озвучивает свои сомнения). В результате распределения ответственности каждый из участников примеряет на себя самостоятельно озвученную роль и причину изменений («раньше я делал так, теперь так, потому что и для достижения вот этого»).

Консенсус — это решение, в котором учтены общие ценности и цели и найден баланс интересов каждого из участников. Консенсус в сообществе может быть представлен формированием временной иерархии (кто за что отвечает), временными группами, которые начинают действовать параллельно. Консенсус не отменяет конфликты, он переводит их в публичную плоскость, и эти конфликты учитываются всеми участниками при взятии ответственности и при генерации решений. Именно страх перед опубличиванием разных ценностей и целей (особенно в разных поколениях) порождает диктатуру и манипуляции (страх перед опубличиванием различий является следствием моноидеологии «советского» периода, которая наложилась на крестьянскую солидарность выживания и гармонику «заводской культуры», то есть диалог как разность позиций/культур является тем новым/непонятным/непредсказуемым, что и вызывает страх (блок), но и является пространством нового опыта (развитие).

Важно! Так как опыт выработки решений на основании

общих ценностей и общих целей нуждается в аргументах/совместном опыте, все, что связано с рефлексией/историей/культурой, является стратегическим инструментом.

Каждый раунд модерируется, результаты обсуждения фиксируются на бумаге.

- 5-й раунд. *Производство изменений.* Консенсус — это намерение/гипотеза/возможные изменения; он реально достигается только после реализации, то есть производства изменений (именно поэтому все реформы в постсоветском пространстве имитируются — особенно в образовании, где изменения затрагивают наиболее широкий круг участников; реформа в образовании — это усложнение форм отчетности и контроля при неизменности базовых основ образования: мировоззрения, формы обратной связи, целей и ценностей системы образования, роли участников (тут можно вспомнить, как университет потерял право выбора ректора, право свободомыслия, что делало университет университетом).
- 6-й раунд. *Рефлексия совершенных изменений всеми участниками процесса.* Изменения не происходят, так как нет общего опыта/переживания, и участники не фиксируют изменения в собственном опыте. Роль независимых медиа, роль культурных институций (музеи, центры современного искусства, театр, кино, журналистика) именно в проявлении в публичном пространстве общества/сообщества произведенного опыта (что получилось? что не получилось? что и как у кого изменилось? и т. п.).

Консенсус — это не утопия, а технология выработки совместных решений через поиск баланса личных интересов субъектов с интересами других участников в рамках общих/общественных процессов (например, управление, образование, стратегирование, культура, экономика, среда). Почему не получилось реализовать демократические инструменты на постсоветском пространстве? Опыт участников и ценности/цели не соответствовали сложности и ценностям заим-

ствованных форматов выработки решения, более того, привыкшая копировать, «советская» элита скопировала форму и «по-колхозному» приспособила под себя все процедуры (исключение кандидатов, карусели, лишение ответственности органов МСУ, перевод всех форм обратной связи в контролируемое или имитируемое пространство — общественная палата/форумы/интернет/сайты жалоб и предложений).

Именно это является причиной системных кризисов и именно с этого необходимо начинать любые проекты/меняющие процессы.

Первый вопрос: кто вы? ваши ценности? ваши цели? Как вы собираетесь и готовы ли учитывать/согласовывать/совместно искать решения с другими?

Начните со своего сообщества/проекта — обсудите базовые вопросы: кто и как вырабатывает решение (что будем делать?), кто и как контролирует и распределяет ресурсы?

Удачи! Консенсус, собранный из конфликтов мировоззрений, — новая ценность/цель.

Литература

1. *Гелдерлоос П.* Консенсус: принятие решений в свободном обществе. — СПб.: Агенда, 2010.
2. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Новое изд-во, 2003.
3. *Глазычев В.Л.* (ред.). Городская среда: технология развития. — М.: Ладья, 1995.
4. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Избранные труды. Ч. 1 / Г.П. Щедровицкий (ред.) — М.: Школа культурной политики, 1983–1995.
5. *Фурман Д.Е.* Движение по спирали: Политическая система России в ряду политических систем позднего XX — начала XXI века. — М.: Весь Мир, 2010.
6. Arnstein, S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. — 1969. — Vol. 35, no. 4. — Pp. 216–224.
7. Fisher, R., Ury, W., & Patton, B. Getting to Yes: Negotiating

Agreement Without Giving In. — New York: Penguin, 2011.

8. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. — Boston: Beacon Press, 1984.
9. Healey, P. Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. — London: Macmillan, 1997.
10. Innes, J.E., & Booher, D. E. Planning with Complexity: An Introduction to Collaborative Rationality for Public Policy. — London: Routledge, 2010.
11. Kaner, S., Lind, L., Toldi, C., Fisk, S., & Berger, D. Руководство фасилитатора: как привести группу к принятию совместного решения. — М.: Альпина Паблишер, 2013.
12. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. — Berkeley: University of California Press, 1978.

Мифодизайн как инструмент проектирования будущего территорий: развитие идей В. Л. Глазычева в современной урбанистической практике

Андрей Геннадьевич Ивлев
кандидат социологических наук,
директор Концепт-бюро AI Concept
Россия
г. Сочи
e-mail: agivlev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается развитие идей В. Л. Глазычева о территориальной идентичности, системном мышлении и партиципаторном проектировании через призму авторской концепции мифодизайна. Автор предлагает методологию проектирования будущего территорий, основанную на создании целостных мифологических образов как операциональных инструментов трансформации городской среды. Раскрывается пятиэтапный процесс мифодизайна: от идентификации объекта мифологизации до нормирования и внедрения новых социокультурных практик. Особое внимание уделяется роли мифа в формировании территориальной идентичности и вовлечении местных сообществ в процессы городского развития. Статья демонстрирует, как наследие Глазычева может быть интегрировано в современные подходы к устойчивому развитию территорий через создание смысловых рамок проектирования.

Ключевые слова: мифодизайн, территориальная идентичность, В. Л. Глазычев, проектирование будущего, партиципаторное проектирование, устойчивое развитие территорий, городская среда.

Mythodesign as a Tool for Projecting the Future of Territories: Developing V. L. Glazychev's Ideas in Contemporary Urban Practice

Andrey Gennadievich Ivlev
PhD in Sociology, CEO of Concept Bureau AI Concept
Russia
Sochi
e-mail: agivlev@gmail.com

Abstract. The article examines the development of V. L. Glazychev's ideas about territorial identity, systems thinking and participatory design through the prism of the author's concept of mythodesign. The author proposes a methodology for projecting the future of territories based on creating holistic mythological images as operational tools for transforming the urban environment. A five-stage mythodesign process is revealed: from identifying the object of mythologization to standardizing and implementing new sociocultural practices. Special attention is paid to the role of myth in forming territorial identity and involving local communities in urban development processes. The article demonstrates how Glazychev's legacy can be integrated into modern approaches to sustainable territorial development through creating meaningful design frameworks.

Keywords: mythodesign, territorial identity, V. L. Glazychev, future design, participatory design, sustainable territorial development, urban environment.

Наследие Вячеслава Леонидовича Глазычева представляет собой уникальный сплав теоретических концепций и практических подходов к развитию территорий, который становится особенно актуальным в эпоху глобальных вызовов и поиска новых моделей устойчивого развития. Его идеи о территори-

альной идентичности, системном мышлении и этической ответственности проектировщика создают фундамент для современных методологий работы с городской средой.

В данной статье я представляю авторский подход к проектированию будущего территорий через призму мифодизайна — методологии, которая развивает и углубляет ключевые идеи Глазычева, переводя их в операциональные инструменты трансформации городской среды. *Цель* статьи — показать, как философия «мыслящего проектирования» может быть интегрирована с современными подходами к созданию устойчивых и идентичных территорий через работу с коллективными образами будущего.

Теоретические основания: от Глазычева к мифодизайну

Вячеслав Глазычев заложил основы понимания территории как живого организма, обладающего собственной идентичностью и «гениусом места». Эта концепция предполагает, что каждая территория несет в себе уникальный культурный код, выраженный в истории, традициях, ландшафте и социальных практиках. Задача проектировщика, по Глазычеву, состоит не в навязывании внешних решений, а в выявлении и развитии этого внутреннего потенциала.

Развивая эту мысль, я предлагаю рассматривать проектирование территорий через призму мифодизайна — создания целостных образов желаемого будущего, которые становятся драйверами реальных изменений. Миф в данном контексте понимается не как вымысел или заблуждение, а как «виртуальный образ желаемой реальности, который задает направление трансформации настоящего».

Ключевое отличие мифодизайна от традиционных подходов к городскому планированию заключается в том, что он работает не только с материальными параметрами среды, а прежде всего — с коллективными представлениями, ценностями и идентичностями. Это созвучно идеям Глазычева о необходимости «просвечивания» проблемы на разных уровнях — от физического до символического.

Методология мифодизайна: операционализация идей Глазычева

Мифодизайн как методология включает пять основных этапов, каждый из которых интегрирует ключевые принципы подхода Глазычева к территориальному развитию (рис. 1):

1-й этап. *Идентификация объекта мифологизации*. Этап напрямую связан с глазычевской традицией глубокого предпроектного анализа. На этом этапе происходит выявление области, требующей проектного вмешательства, и определение границ проектируемой системы — физических, временных и социальных. Одновременно осуществляется идентификация стейкхолдеров и их интересов, а также анализ исторических слоев развития территории.

Особенность подхода заключается в том, что мы ищем не просто проблемы, требующие решения, а глубинные противоречия между существующим состоянием территории и ее потенциалом, между текущей идентичностью и возможными траекториями развития.

2-й этап. *Формирование ядра мифа.* На втором этапе создается базовый образ будущего территории. Следуя заветам Глазычева о поиске «гениуса места», мы кристаллизуем базовую метафору будущего, резонирующую с историей террито-

Рис. 1. Мифодизайн: ключевые принципы

рии, и формулируем ключевые ценности и смыслы. Важной частью этой работы является определение архетипических мотивов, связывающих локальное с универсальным, а также создание базового нарратива трансформации — истории о том, как территория движется от настоящего к желаемому будущему.

3-й этап. *Параметризация мифа.* Третий этап предполагает перевод абстрактного образа в конкретные параметры развития. Здесь определяются ключевые измерения — экономические, социальные, культурные и экологические — и устанавливаются измеримые показатели для каждого из них. Результатом становится формирование системы индикаторов движения к желаемому образу. Этот этап отражает глазычевский принцип системности — необходимость учета всех аспектов территориального развития в их взаимосвязи.

4-й этап. *Интерпретация мифа.* Четвертый этап, следуя принципу партиципаторности, центральному для Глазычева, предполагает адаптацию базового мифа для различных групп участников. Создаются различные версии мифа для разных стейкхолдеров, разрабатываются визуальные и символические репрезентации, формируется система коммуникации. Особое значение имеет создание «словаря будущего» — новых понятий и практик, которые позволяют участникам осмыслять и обсуждать проектируемую реальность.

5-й этап. *Нормирование мифа.* Финальный этап предполагает институционализацию мифологического образа. Формулируются принципы развития территории, разрабатываются новые социальные конвенции, создается нормативная база. Важной частью этого этапа является внедрение ритуалов и практик, поддерживающих миф и делающих его частью повседневной жизни территории.

Партиципация и формирование субъектности через миф

Одна из центральных идей Глазычева — необходимость вовлечения жителей в процессы территориального развития не как пассивных получателей благ, а как активных соучастников

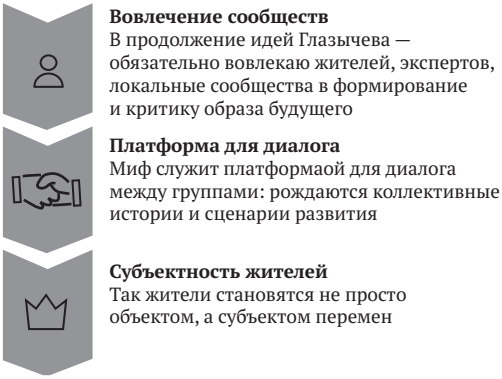


Рис. 2. Партиципация и миф — формирование субъектности

изменений. Мифодизайн развивает эту идею, предлагая миф как платформу для диалога и совместного творчества (рис. 2).

В процессе создания и развития территориального мифа происходит артикуляция коллективных представлений о желаемом будущем и согласование интересов различных групп через общий образ. Формируются новые идентичности, связанные с территорией, и мобилизуются местные сообщества вокруг общих целей.

Миф становится не просто инструментом коммуникации, а механизмом формирования субъектности — способности людей влиять на свою среду обитания. Это полностью соответствует глазычевскому пониманию развития как процесса, идущего изнутри территории, а не навязанного извне.

Системность и устойчивость проектных решений

Глазычев настаивал на необходимости баланса между различными аспектами территориального развития — экономическими, социальными, культурными, экологическими. Мифодизайн обеспечивает этот баланс через создание целостной смысловой рамки, в которую интегрируются все проектные решения (рис. 3).

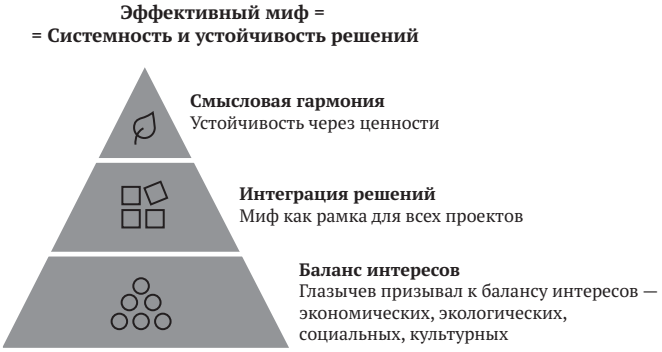


Рис. 3. Системность и устойчивость решений

Системность в мифодизайне проявляется на нескольких уровнях:

- концептуальная системность означает, что все элементы проекта связаны общим мифологическим образом;
- функциональная системность обеспечивает взаимодополнение различных функций территории;
- темпоральная системность предполагает учет различных временных горизонтов развития;
- социальная системность означает вовлечение всех групп стейкхолдеров в процесс проектирования и реализации.

Устойчивость обеспечивается тем, что миф создает долгосрочную мотивацию для поддержания и развития территории. В отличие от чисто функциональных решений, которые могут устареть, мифологический образ обладает способностью к эволюции и адаптации, сохраняя при этом ядро идентичности.

Инструментарий мифодизайна в урбанистической практике

Практическая реализация мифодизайна требует специфического инструментария, который сочетает традиционные

методы территориального планирования с новыми подходами к работе со смыслами и идентичностями:

- мифологическое картирование представляет собой технику визуализации смысловых слоев территории. Она включает выявление исторических нарративов, картирование символических мест, анализ коллективной памяти и идентификацию точек идентичности — мест, с которыми жители связывают свое представление о территории;
- параметрические матрицы служат инструментами перевода качественных характеристик мифа в измеримые параметры. Сюда входят система индикаторов развития, критерии оценки проектных решений и механизмы мониторинга изменений, позволяющие отслеживать движение территории к желаемому образу;
- нарративное прототипирование направлено на создание историй о будущем территории. Это могут быть сценарии использования пространств, истории успеха жителей, а также легенды и мифы нового времени, которые помогают людям представить и прочувствовать проектируемое будущее;
- практики индивидуального и группового самоопределения представляют собой механизмы укрепления территориальной идентичности. К ним относятся новые ритуалы и праздники, символика и брендинг территории, образовательные программы и культурные инициативы, которые делают миф частью повседневной жизни сообщества.

Кейс применения: развитие мифа Большого Сочи

Методология мифодизайна успешно применяется в различных контекстах — от ревитализации исторических центров до создания новых городских районов. В качестве примера рассмотрим работу с мифом Большого Сочи.

Главный миф Большого Сочи *как главного приморского курорта страны* может быть пересмотрен и дополнен в свете

новых инфраструктурных возможностей. Строительство трасс «Джубга—Сочи» и «Красная Поляна—Архыз» создает предпосылки для формирования нескольких взаимодополняющих мифологических слоев.

Миф *о связности* может быть сформулирован как «ворота между морем и горами, между прошлым и будущим». Новые транспортные артерии подчеркивают стратегическую роль Сочи как перекрестка туристических путей, объединяющего разные виды отдыха, природное разнообразие и культурное многообразие. Поляризация северо-западного побережья превращает Сочи в отправную точку для открытия богатств всего Черноморского побережья. Одновременно акцент на горный Кавказ укрепляет имидж города как точки старта для изучения уникальных пейзажей и культурных традиций Северного Кавказа.

Миф *о свободе передвижения* сформулирован как «неограниченные маршруты для путешествий и открытий». Благодаря новым трассам Сочи превращается в пространственно свободный и открытый курорт. Пляжный туризм перестает быть ограничением: туристы получают возможность путешествовать по всему побережью, выбирая гибкие маршруты. Горы становятся доступнее, чем когда-либо: благодаря трассе на Архыз Сочи превращается в крупнейший горный центр активности.

Миф *об активности* звучит как «курорт 365 дней в году—для каждого сезона и формата жизни». Доступность маршрутов для пляжного, горного, этнического и событийного туризма подчеркивает универсальность Сочи. Зимний адреналин и летняя безмятежность, контрастные по сезону и ритму активности становятся доступными через упрощенные транспортные узлы.

Практические уроки мифодизайна для брендинга и стратегии мастер-плана Большого Сочи включают несколько направлений:

- создание мультикурортной концепции—расширение туристических «точек входа» за пределы центрального Сочи с развитием Лазаревского, Дагомыса, Архыза и Адлера под новым зонтичным брендом;

- продвижение трасс как самостоятельных туристических продуктов через организацию «дорожных маршрутов» с тематическими остановками — обзорными площадками, этнодеревнями, культурными памятниками;
- развитие логистического туризма, при котором туристы могут выбирать автоматизированные туры по главной трассе побережья и горного кластера;
- интеграция международной аудитории через укрепление продвижения Сочи для туристов из стран СНГ и Европы, в частности через маршрут от Красной Поляны через Архыз к курортам Северного Кавказа и Приэльбрусья.

Итоговая формулировка нового мифа Большого Сочи может звучать следующим образом: «Сочи — это не просто курорт, а точка единения стихий и культур, место, где дороги приводят к невероятному. Благодаря новым трассам Сочи становится «дорогой к Эльбрусу», объединяя море, горы и культуру в единое пространство захватывающих впечатлений и комфорта».

Этические аспекты мифодизайна

Следуя этической традиции Глазычева, важно подчеркнуть ответственность проектировщика-мифодизайнера. Создание мифов — это мощный инструмент влияния на сознание и поведение людей, который требует честности в отношении целей и методов, уважения к существующим идентичностям и ценностям, открытости процесса для критики и корректировки, а также ответственности за долгосрочные последствия.

Миф не должен становиться инструментом манипуляции или навязывания чуждых ценностей. Напротив, он призван выявлять и усиливать аутентичный потенциал территории и ее жителей.

Применение мифодизайна в урбанистической практике сталкивается с рядом вызовов, которые можно классифицировать по трем основным направлениям:

1. Методологические вызовы связаны со сложностью измерения «мягких» параметров развития, необходимостью меж-

дисциплинарной экспертизы и длительностью процессов формирования идентичности. Мифологические образы не поддаются простой квантификации, а их воздействие проявляется на протяженных временных горизонтах, что затрудняет оценку эффективности проектных решений в краткосрочной перспективе.

2. Институциональные вызовы обусловлены несоответствием существующих нормативных рамок задачам работы с символическими измерениями территории, сложностью интеграции мифодизайна в традиционные процессы планирования и необходимостью формирования новых компетенций у проектировщиков. Современная система градостроительного регулирования ориентирована преимущественно на материальные параметры среды и с трудом учитывает ценностно-смысловые аспекты территориального развития.

3. Социокультурные вызовы включают сопротивление изменениям со стороны части сообщества, конфликты между различными версиями мифа и риски коммерциализации и выхолащивания смыслов. Любой миф существует в поле социальных интересов и может становиться объектом борьбы различных групп, стремящихся использовать его символический капитал в собственных целях.

Преодоление этих вызовов требует развития методологии, создания новых институциональных форм и, главное, формирования профессионального сообщества, разделяющего ценности и принципы подхода.

Мифодизайн представляет собой естественное развитие идей В. Л. Глазычева в условиях современных вызовов территориального развития. Сохраняя верность его принципам — поиску идентичности места, системному мышлению, партисипативности и этической ответственности, — этот подход предлагает новые инструменты для создания устойчивых и аутентичных территорий.

Ключевое достижение мифодизайна заключается в том, что он позволяет работать одновременно с материальными и символическими аспектами территории, создавая целостные образы будущего, которые становятся драйверами реаль-

ных изменений. Миф выступает не просто как коммуникационный инструмент, а как механизм формирования новых идентичностей, мобилизации сообществ и обеспечения устойчивости развития.

Дальнейшее развитие этого подхода видится в углублении методологии, расширении эмпирической базы успешных кейсов и формировании профессионального сообщества проектировщиков будущего, способных работать на стыке урбанистики, социологии, культурологии и философии. Только такой междисциплинарный подход, заложенный в работах Глазычева, может обеспечить создание территорий, достойных человека XXI века.

Литература

1. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Новое издательство, 2005. — 328 с.
2. *Глазычев В.Л.* Городская среда. Технология развития: настольная книга. — М.: Ладья, 1995.
3. *Глазычев В.Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. — М.: Наука, 1984.
4. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. — М.: Европа, 2008.
5. *Линч К.* Образ города. — М.: Стройиздат, 1982.
6. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.
7. *Высоковский А.А.* Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. — Бишкек: Ега-Басма, 2005.

Сравнительный обзор современного подхода к мастер-планированию в России и идей стратегического планирования В. Л. Глазычева

Екатерина Ивановна Шарма
директор АНО «Институт современных городских исследований»
Россия
г. Санкт-Петербург
e-mail: ekaterinasharma.hcc@gmail.com

Арина Юрьевна Жильцова
исследователь АНО «Институт современных городских исследований»
Россия
г. Санкт-Петербург
e-mail: cusinstitute@yandex.ru

Аннотация. Данный обзор посвящен тому, как в разные периоды времени формулировался подход к стратегическому планированию для городов в России. Менялись ли с течением времени ключевые переменные этого процесса — городские, муниципальные власти, горожане, корпорации, федеральные ведомства, консультанты — или менялось значение, которое они имели для городского развития. В рамках данного обзора мы постараемся ответить на ключевые вопросы и отметить сопутствующие, дать оценку тому, что, возможно, не получило должного внимания, но является важной частью разговора о современном этапе городского развитии в России.

Ключевые слова: стратегический план, мастер-план, городское пространственное развитие, метод Глазычева, городская политика, федерализм.

A Comparative Review of the Modern Approach to Master Planning in Russia and the Ideas of Strategic Planning by V. L. Glazychev

Ekaterina Sharma
Director of the Institute of Contemporary Urban Research
Russia
St. Petersburg
e-mail: ekaterinasharma.hcc@gmail.com

Arina Zhiltsova
Researcher at the Institute of Contemporary Urban Research
Russia
St. Petersburg
e-mail: cusinstitute@yandex.ru

Abstract. This review focuses on how the approach to strategic planning for cities in Russia has been formulated in different periods of time. Have the key variables of this process changed over time — city, municipal authorities, citizens, corporations, federal agencies, consultants — or has the significance they have for urban development changed? In this review, we will try to answer the key questions and highlight the related issues, as well as assess what may have received insufficient attention but is an important part of the discussion about the current stage of urban development in Russia.

Keywords: strategic plan, master plan, urban spatial development, Glazychevs' method, urban policy, federalism.

Разумеется, такой разговор невозможен без участия в нем ключевой фигуры отечественной урбанистики — Вячеслава Леонидовича Глазычева. Мы опирались на широкий корпус его работ, статей, интервью, публичных выступлений и книг, чтобы обобщить его точку зрения на стратегическое планиро-

вание для городов в России, с одной стороны; а с другой стороны, активное внедрение и обсуждение профессиональным и академическим сообществом мастер-плана как ключевого инструмента стратегического управления и развития сделали его наилучшим примером для сравнительного анализа.

Чтобы создать репрезентативную картину, использовался метод контент-анализа для оценки работ В. Л. Глазычева. Среди более 50 источников мы выделили только те, где есть упоминания — «муниципальное управление», «стратегический план», «мастер план», «городское управление», «городские сообщества», «городское развитие», «горожане».

Изучив полученные материалы, мы постарались выделить основные тезисы, фиксирующие позицию Вячеслава Леонидовича в отношении темы исследования. В рамках данной статьи будем цитировать наиболее яркие его высказывания и рассуждения. С другой стороны, мы опирались на промежуточную версию документа «Методические рекомендации по разработке мастер-планов развития территорий» — данная методология разрабатывается сегодня совместными усилиями Минстроя России, Минэкономразвития России, ЦСР, а также широким кругом специалистов и организаций, представляющих градостроительное сообщество, в том числе и авторами данной статьи.

Полученные результаты предлагается собрать в пять основных и один сопутствующий пункт, который выходит за рамки сравнительного анализа, но является самоценным для понимания смысла данного обзора.

Первое. Долгое время мы не были аккуратны в значениях — о долгосрочном и комплексном развитии городов в России говорилось с помощью разных терминов, и «стратегический план» прочно вошел в словарный оборот только в Новейшей истории России и, конечно, с уверенной подачи Глазычева. В своих выступлениях и статьях он неоднократно использует это выражение, давая очень точную интерпретацию: стратегический план как глобальный запрос на стратегию для российский городов, причем стратегию не федерального, а локального, местного уровня, самостоятельную, самопонятную и самосозданную (тексты Вячеслава Леонидовича

настолько заразительны словообразованием, что и мы попали под это влияние):

> До сих пор настоящей стратегии в российских городах не было, потому что действительно не было на нее запроса. Мы сейчас пытаемся такую стратегию сделать для Москвы. Понимание дается с большим трудом — в том числе внутри экспертного сообщества. Это очень непросто — гуманитарные подходы соединить с технократическими, экономические с градостроительными и т. д. И непросто даются контакты с нашим заказчиком — государством. Не потому, что кто-то там не хочет развития, а потому, что заказчик живет в логике советской школы: мыслит госпланом, но при отсутствии самого госплана. Его в основном волнует, что в конкретном месте будем строить? Это не уровень ни стратегии, ни генплана.

Как только мы пониманием, что стратегический план действует в определенных административных и экономических условиях, задаемся вопросом, какое место сейчас стратегический план или мастер-план занимает в иерархии политических решений? Каковы его экономические возможности и административная воля?

Обратимся к современным Методическим рекомендациям, разработанным в соответствии с положениями Федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации» и Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в целях методического обеспечения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и иных участников подготовки мастер-планов развития территорий или просто мастер-планов. В данном документе отсутствует формулировка мастер-плана как такового, но из целей и задач ясно, что это инструмент стратегического управления и развития территорий, и довольно комплексный, учитывая широкий перечень направлений городских состояний, которые должны учесть разработчики, чтобы его подготовить и реализовать. Но разве про это стратегия?

Стратегия всегда имеет приоритет, главный вектор. В рамках Методологии предлагается рассмотреть «миссию территории»:

- роль территории, определенная в соответствии с экономическим, пространственным и социокультурным положением территории в системе страны, региона и агломерации (при наличии), основанная на ценностях целевых групп и являющаяся основанием для выбора цели и задач развития города; «специализацию» — отрасль, которую приоритетно развивать в территории ввиду ее особенностей и преимуществ; и даже «стратегическое видение развития»;
- перспективное состояние социально-экономического и пространственного развития территории, которое будет достигнуто по результатам реализации мастер-плана; а также такую немаловажную характеристику, как «функциональная роль» — критерий включения населенного пункта в Единый перечень ОНП, и задачи в реализации приоритетов пространственного развития Российской Федерации, обозначенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации в соответствии с этим критерием (населенные пункты, в которых реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику; стратегические населенные пункты, обеспечивающие национальную безопасность и обслуживающие критическую инфраструктуру; городские агломерации и административные центры, не формирующие агломерацию).

Все вышеперечисленные понятия, используемые авторами современной Методологии, безусловно позволят лучше понять каждую территорию отдельно, но не создают необходимой генерализации для перехода стратегического или мастер-плана от инструмента исключительно градостроительной политики к инструменту инвестиционно-градостроительной политики, то есть имеющему очень конкретную задачу — мобилизацию наиболее перспективных

ресурсов территории для привлечения долгосрочных инвестиций.

Позиция, сформированная еще в 2000-е годы Глазычевым, актуальна как никогда; гибкий и опирающийся на местные возможности метод территориального управления — чрезвычайно важное решение для российских городов. Решение, работающее именно с ресурсами, их эффективным распределением, применением, подачей, а не с задачей увеличения объема застроенных или благоустроенных территорий, — такой подмены понятий он не допускал.

Второе. В ходе управления любым процессом встает вопрос о том, кто и как будет им управлять? Сегодняшнее положение мастер-плана еще не закреплено, но это, будем надеяться, вскоре произойдет. Представляя гипотетическую ситуацию и опираясь на промежуточные версии, можно понять, какой политический статус имеет этот документ сам по себе и какие возможности и кому дает в системе муниципального управления, федеральных программ, госкорпораций и федеральных ведомств, с одной стороны, и рассуждения Вячеслава Леонидовича на данную тему.

Начнем с яркого высказывания Вячеслава Леонидовича:

> Пока задачи управлять развитием возлагаются на те же структуры, которые принимают ежедневные рутинные решения. А это просто совершенно разные типы деятельности. Если сделать какое-то учреждение институтом развития, поставить коробку и назначить в ней начальника — это будет катастрофа. Значит, надо выстроить систему отношений экспертных сообществ, связей с жителями и т. д.

В широком смысле Глазычев говорит о децентрализации инициативы, интересов и полномочий, о том, что у разработки стратегического плана или мастер-плана не может быть одной структуры. Централизация в данном случае предполагает уход всего важного многоакторного диалога о будущем города с местного уровня на иной (возможно, федеральный). То есть исходное положение о том, что стратегия — это запрос того сообщества, чьей она является, той территории — теряет смысл. В Методологии предложено организовать ква-

лификационные комиссии для квалифицированного отсмотра мастер-планов, проверки на соответствие Методологии. Но вопрос о том, кто может инициировать разработку стратегического мастер-плана, остается открытым. Формально это «органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные участники», фактически инициаторами становятся финансово-промышленные корпорации, власти субъекта Федерации. Разработка уходит частным компаниям или госкорпорациям, а реализация становится самым сложным вопросом. Как правило, мероприятия мастер-плана затрагивают самый широкий круг вопросов, связанных с разным уровнем власти, вовлеченности местного бизнеса и горожан, территориальными и правовыми регламентами. Порой самыми эффективными структурами оказываются созданные под задачи реализации мастер-плана НКО. Они выступают как своеобразные медиаторы и менеджеры процессов, указанных в стратегии.

Замечание Вячеслава Леонидовича о необходимости выстраивания системы отношений, формальных и неформальным, между участниками процесса создания и реализации стратегического плана фактически становится решающим фактором успешного развития. По сути, внешний разработчик может придумать позитивный сценарий изменений по-разному. Но если эта процедура не будет предполагать тесной связки с локализованной управленческой структурой, способной юридически и политически представлять и продвигать положения мастер-плана, итоги такой работы кажутся довольно сомнительными. В реальности данная структура еще должна содержать в составе учредителей местную финансово-промышленную корпорацию и иметь высокий уровень доверия со стороны губернатора как главы региона, полностью отвечающего за результаты реализации мастер-плана.

Третье. Мастер-план — это возможность внести баланс в текущую диспропорцию местного, регионального и федерального бюджетов в плане распределения налоговых поступлений, например путем принятия положения о том,

что поступления от инвест-проектов в рамках МП будут идти в местный бюджет. По имеющимся работам очевидно, что Вячеслав Леонидович был крайне обеспокоен экономическим положением российских городов (политическим тоже, но этому посвящен следующий тезис данного обзора). Цитата В. Л. Глазычева может подкрепить наше наблюдение:

> Думается, города и городская среда смогут развиваться успешно только тогда, когда они станут нормальными самостоятельными территориальными субъектами, способными планировать свое будущее. Сейчас перед каждым регионом страны стоит вопрос о штучном выборе городов, которые должны стать точками опоры. Подчеркиваем — о штучном выборе. Штучный выбор — это всегда вопрос конкретного знания и ориентирования на местности. Успешно реализовать его из центра невозможно. А знание — это нынче очень невелико, во многом это проблема подготовки статистики. Давно пора отдать весь налог на прибыль в регион — ведь больше и отдать-то нечего.

Смелое предложение сделать налог на прибыль не федеральным, а региональным отчасти работает. В 2025 году налог на прибыль организаций составил 25% — из них 17% передают в региональный бюджет, 8% — в федеральный. Такое распределение будет действовать до конца 2030 года. Однако далее уже регион самостоятельно перераспределяет между муниципалитетами и городами полученные налоговые поступления. Местный бюджет (бюджет города) практически не имеет самостоятельных налоговых поступлений, и это приводит в рамках мастер-плана к следующей ситуации. Администрация города, которая должна быть больше всех мотивирована в разработке данной стратегии, в привлечении инвестиций, создании новых рабочих мест, то есть всего того, что привлечет деятельность и работников в город и увеличит налогооблагаемую базу, — в этом мало заинтересована, просто потому, что налоги от результатов местной стратегии уйдут в федеральный бюджет и бюджет региона, а уже в какой пропорции они вернутся обратно — сказать довольно сложно. Для полной картины при-

ведем основные налоги, действующие в городе, и текущий баланс перераспределения налоговых поступлений:

- НДФЛ: 85% — в региональные бюджеты, 15% — в местные бюджеты, несмотря на то, что это — федеральный налог;
- НДС и акцизы: 100% — в федеральный бюджет;
- НДПИ: 100% — в федеральный бюджет;
- налог на прибыль организаций: напомним, ставка составляет 25%; она делится на 8% — поступают в федеральный бюджет, 17% — в региональные бюджеты;
- налог на профессиональный доход (самозанятые): 63% — в региональные бюджеты;
- госпошлины: 100% — в региональные бюджеты;
- транспортный налог: 100% — в региональные бюджеты;
- земельный налог: 100% — в местные бюджеты;
- налог на имущество физических лиц: 100% — в местные бюджеты.

Местный бюджет в данном случае встречается только пару раз в отношении земельного налога и налога на имущество физических лиц, что, конечно, существенно ограничивает приток средств в город.

Четвертое. Продолжением экономической стороны в данном обзоре следует политическая сторона стратегического развития города. В работах Глазычева мы также находим интересные замечания по данному вопросу, он много и подробно рассматривает особенности российских городов, например такие:

> Что касается федеральной политики, то она носит ярко выраженный антигородской характер. Просто потому, что существующий объем полномочий, предоставляемых городу, очевидно не соответствует его финансовым возможностям. Даже в теории не соответствует, то есть центральная власть прекрасно знает, что, даже собрав все налоги, город все равно не потянет объем собственных обязательств перед населением. Все это выглядит как попытка сбросить ответственность за происходящее в стране с себя на тех, кто рангом пониже. Ответственность сбрасывают, а средств не дают. Поэтому наши города выглядят чудовищно недокормленными и говорить о развитии здесь можно с трудом.

Конечно, этой цитате почти 14 лет, с тех пор российские города «прибавили вес», выражаясь в терминах автора, это отражают индексы и показатели различного уровня — ВНП, ВГП, индекс качества городской среды и пр. Однако связано ли это с общим ростом уровня экономики в стране или является результатом эффективной политики Министерства строительства и жилищного хозяйства, а также мер политического управления, сказать сложно.

Также как сложно отрицать, что на данный момент полномочия местной администрации крайне ограничены и практически не влияют на масштабные городские проекты — будь то инфраструктурные, связанные с развитие транспортной, инженерной, социальной инфраструктуры, или инвестиционные, связанные с запуском новым производственных, туристических и прочих коммерческих проектов. Как на местном уровне администрация может инициировать или отвечать за принятые решения в рамках масштабных стратегических задач, настоящая Методология не дает прямого ответа. А вот Вячеслав Леонидович предлагает подумать над тем, что будет, если этих полномочий так и не появится:

- власти субъектов Федерации потеряли самостоятельность в выборе целей развития и средств их достижения, их деятельность стала детально регламентироваться на федеральном уровне;
- достигла критического уровня финансовая централизация. Доля консолидированного бюджета РФ, остающаяся в распоряжении субнациональных органов власти для реализации собственных полномочий и решения вопросов местного значения, составила в 2005 году 45%, а в 2010 году — 37%. Доля целевых межбюджетных трансфертов, наоборот, выросла с 24% в 2005 году до 63% в 2010 году;
- сложилась практика осуществления федеральными властями крупных проектов в сфере компетенции субъектов Федерации и органов местного самоуправления, что является искажением принципа разграничения полномочий;

- возложение ответственности на глав регионов за исполнение и региональных, и муниципальных полномочий вкупе с предоставлением им разнообразных возможностей вмешиваться в формирование и деятельность органов местного самоуправления фактически привело к ликвидации самостоятельности муниципальных органов власти. Практически не осталось вопросов местного значения, которые население решало бы самостоятельно.

Все это происходит в условиях, когда повышение конкурентоспособности территорий, их превращение в центры инновационного развития становится ключевым фактором экономического роста.

Коллеги из Центра городской экономики КБ Стрелка, оценивая текущую ситуацию, говорят о том, что сегодня рост ВГП напрямую вносит вклад в муниципальный бюджет только через увеличение НДФЛ (в городской бюджет идет от 15% и более, если регион устанавливает дополнительные отчисления), земельного налога с юридических лиц, доходов от операций с имуществом и налогов по специальным налоговым режимам, которые составляют около половины бюджета города и менее 3% ВГП.

Столь малая степень конверсии ВГП в доходы муниципального бюджета объясняется спецификой бюджетной системы Российской Федерации: местный бюджет практически не получает доходов от локализованного в городе бизнеса. Налог на прибыль и имущество организаций по федеральному законодательству подлежит зачислению в региональный и федеральный бюджет, НДС полностью идет в федеральный бюджет.

Проект Методологии на данный момент не предполагает никаких изменений в отношении перераспределения налоговых поступлений, хотя такое можно было бы допустить в отношении тех инвестиционных проектов, которые реализуются в городах именно в рамках мастер-плана.

Если представить данную ситуацию, то в целом выиграли все участники процесса: федеральные законы не меняются,

так как инициатива касается не всей экономической деятельности, а исключительно инвестпроектов в рамках мастерплана; у местного бюджета появляется преимущество в виде прямых налоговых поступлений от налога на прибыль организаций, у организаций — основание договариваться с администрацией конкретного города.

Пятое. *Горожане как [экономический] ресурс.* Да, народ небогат, но у него гигантские средства, которые не используются экономикой. Я провел ряд исследований в этом отношении на уровне нескольких формально сельских районов Калужской губернии. Три района — и 8,5 млрд лежат на вкладах, подушку не считаем. Это хорошие деньги. Введение этих ресурсов в средний бизнес дает потенциально серьезный инвестиционный толчок. Но где эти программы? И кто, кроме региональной власти вместе с муниципальной, такую задачу будет ставить?

Этот тезис — самая большая слепая зона нашего исследования, потому что подробно изучить тематику того, как личные сбережения и доходы горожан участвуют и влияют в городской экономике, мы не успели, однако обойти стороной это невозможно. Нам удалось пока увидеть очевидную связь между современной Методологией и средствами горожан, а именно расчет Валового городского продукта (ВГП) как сумма первичных доходов — распределительный метод (считаем его наиболее перспективным, к этому же методу склоняются ряд ведущих экономистов).

При расчете ВГП данным способом он складывается из оплаты труда, валовой прибыли и чистых налогов на производство и импорт, что позволяет учесть различия в распределении доходов от создания добавленной стоимости между наемными работниками, компаниями и бюджетом. Однако в текущей версии Методологии в разделе 3.1.3 «Анализ структуры экономики и построение прогноза, систематизация текущих и запланированных инвестиционных проектов» (п. 3.1.3.3) зафиксирован иной метод расчета, так называемый производственный, когда ВГП представляет собой сумму валовой добавленной стоимости (далее — ВДС) всех видов экономической деятельности (отраслей) городского округа

или муниципального района субъекта Российской Федерации в основных ценах.

Глобально разработчики вправе применять любой доказанный метод, но распределительный дает нам возможность разграничить эффекты от доходов горожан, городского бизнеса и бюджета. В перспективе любые колебания экономики и ВГП интереснее будет рассматривать именно с данной позиции.

Шестое. Последний пункт касается очень важной области для осуществления любых стратегических, масштабных и долгосрочных изменений, планов в городе — исторического, культурного и социального локальных контекстов.

К сожалению, в рамках нашего сравнительного обзора они не встраиваются в дихотомию предыдущих пяти тезисов, так как в актуальной Методологии эта часть аналитики, раздел и часть мастер-плана (которая обычно трансформируется в платформу бренда, работает со смыслами, идентичностью, чувством самоуважения и самопонимания горожан и добавленной стоимости продукта, удержанного работника для бизнеса) отсутствует как таковая, соответственно, не с чем провести сравнение. Однако Вячеслав Леонидович никогда не допустил бы подобной ситуации и позволяет нам завершить сравнительный обзор своими исключительными наблюдениями:

> Принципиально важная вещь — признание многоукладности России. Старое слово «многоукладность» хорошо использовали 100 лет назад. Но сейчас повсеместно делается вид, что ее нет. Причем речь идет не только о многоукладности России в целом, но и большинства ее административных регионов, которые на самом деле представляют собой совокупность нескольких в географическом смысле разных стран.
>
> Тойота приходила в Россию на основании предварительного анализа 200 показателей разных регионов. Выиграла Ленинградская область, и выиграла за счет того, что только она могла предоставить школу с преподаванием на японском языке. Мы обычно говорим о площадках, дорогах, электроэнергии, тепле и прочем, но вот это маленькое, но, как выяснилось, ключевое условие никто,

кроме Ленинградской области, выполнить не смог. Поэтому получение такого детализированного знания о самом себе является, на мой взгляд, первостепенным условием успешной стратегической работы.

В ходе данного сравнительного обзора современную методологию мастер-планирования, которая включает в себя целый комплекс статистических, экономических, градостроительных и прочих методов, пока сложно назвать единым подходом, возможно, потому, что в ней практически отсутствует идея, призыв к действию, способный преодолеть множество отчаянных экономических положений и политических диспропорций. Возможно, потому, что этот путь к стратегии, к будущему городов — такой методичный.

Менее 20 лет назад В. Л. Глазычев в своих многочисленных выступлениях, публикациях, книгах отразил множество важных моментов для понимания того, как нужно подходить к развитию российских городов, а самое главное — как не нужно.

Данная статья была подготовлена в рамках исследовательского проекта для конференции «Глазычевские чтения» в 2025 году (секция — Метод Глазычева).

Для нас метод Глазычева — это город, который состоит прежде всего из людей и их решений, потом — из участков и их стоимости, рабочих мест и квадратных метров жилья. Метод Глазычева (и примеры его деятельности) доказывают, что никакой план, особенно стратегический, не может появиться без смысла, идеи и людей, которые в него верят.

Таким образом мы обнаруживаем недостающие положения современной методологии мастер-планирования в России.

Литература

1. Приказ Минэкономразвития России от 06.05.2024 № 273 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы)».

2. «Экономика городов-миллионников: право на развитие». Центр городской экономики КБ Стрелка. https://media.strelka-kb.com/gdpcities (доступ: 01.12.2025).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
4. «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика». https://www.hse.ru/strategy2020 (доступ: 01.12.2025).

Мысль без границ: где следующий фронтир для метода Глазычева

Анна Сергеевна Гусева
архитектор природных рекреаций,
выпускница студии TIArch
Казанского государственного архитектурно-строительного университета
Россия
г. Екатеринбург
e-mail: ann.boltayeva@gmail.com

Аннотация. «Городская среда. Технология развития», написанная в 1990-е годы, остается «настольной книгой» сегодня. В ней предвосхищены практические инструменты мастер-плана. Будучи на периферии практики во время написания книги, теперь эти инструменты стали УТП (уникальное торговое предложение). Автор наблюдает, как методы из книги Глазычева помогают урбанистическим компаниям строить бренд на уникальной географии или уникальной нише в городском развитии или туркодировании. Автор предполагает — какой следующий вектор развития предвосхищен Глазычевым, но пока мало разработан в практике? Из опыта работы с прибрежными и курортными территориями автор выводит для обсуждения понятие «природное программирование» особой территории при городе или поселении. Автор приводит методологические переклички с данной мыслью в книгах В. Л. Глазычева. Оптика наследия Глазычева важна для поисков в профессии, задавая общий методологический контекст нескольким направлениям становления автора.

Ключевые слова: методология проектирования, территориальный менеджмент, программирование территории, синтетическая география, природная территория, рекреация.

Thoughts Without Borders: Next Frontier for the Prof. Glazychev's Method

Anna Guseva
architect of natural recreation spaces, graduate of TIArch Studio at Kazan State University of Architecture and Engineering
Russia
Yekaterinburg
e-mail: ann.boltayeva@gmail.com

Abstract. Prof. Glazychev's 'Urban Environment. Development Technology,' written in the 1990s, remains a 'reference book' today. It anticipates the practical tools of the master plan today. While on the periphery of practice at the time of writing, the tools have now become USPs. The author observes how the methods from Glazychev's books help companies build their brands based on unique geography or a unique niche in urban development or tourism. The author speculates: what is the next vector of urban development anticipated by Glazychev but still underdeveloped in practice? From the experience of working with coastal and resort areas, the author introduces the concept of 'natural programming' of a special territory near a city or a settlement. The author cites methodological references to this idea in the books by Prof. Glazychev. His outlook is important as it provides a common methodological context for the author's several investigations in the profession.

Keywords: design methodology, territorial management, placemaking, environmental engineering, natural area, recreation zone.

Метод Глазычева — «круговидение»

Книги профессора Глазычева полезны выпускным курсам всех специальностей, связанных с городским развитием. В моем случае они стали «арбитром» между несколькими направлениями моего обучения профессии. Получая образование в сильной концептуальной школе, я прошла практику в среде американского нового урбанизма, чьи инструменты основаны на методе проблематизации, то есть «поиске разрывов в практике» [1]. На этот же метод опираются коммерческие и просветительские практики российских компаний, где я апробировала полученные в учебе навыки. В силу разной методологии ведения проектов между подходами концептуализации и проблематизации нередко возникали противоречия в публичном поле. Именно книги Вячеслава Леонидовича Глазычева помогли мне отрефлексировать как конкретные расхождения в методах, так и их взаимосвязь «в живой практике через многочисленные компромиссы, порождаемые сопротивлением материала, в длинной цепи корректировок» [1].

Таким образом, книги Глазычева помогают молодым специалистам настроить собственную многополярную и при этом непротиворечивую картину городского развития и встроить в нее личную практику. Понимая специфику урбанистических процессов, читатели книг В. Л. Глазычева имеют возможность самостоятельно разбираться в будущих изменениях сферы урбанистики. Метод Глазычева помогает разграничить «прозрения будущего состояния городов» и ошибочные прогнозы, которые «были логически безупречным результатом экстраполяции устойчивых трендов… на самом пороге их завершения» [1]. Современные специалисты таким образом могут оценить и привнести в практику по-настоящему визионерские и коммерчески успешные предложения.

Говорят, точное пророчество начинается с ясного понимания порядка вещей вокруг себя. Именно это я ценю в книгах В. Л. Глазычева, которые тридцать лет остаются настольными. Назовем это глазычевским методом «круговидения» и попробуем посмотреть с этой оптикой на современность.

Инструменты, предвосхищенные Глазычевым

В книге «Городская среда. Технология развития» в 1990-е годы описаны инструменты мастер-плана, актуальные сегодня. В. Л. Глазычев подсветил практики, бывшие на периферии внимания. Теперь они — уникальные торговые предложения ведущих фирм в планировании и консалтинге, то есть основа бизнеса в сфере урбанистики.

Так, в книге Глазычева детские рисунки и карты — это прием, который передает честное восприятие пространства [2]. Теперь им пользуются образовательные проекты — и дети даже строят то, что они нарисовали (e. g. проект «АРХИДЕТИ»). Девелоперы используют детский нарратив в рекламе (e. g. «Брусника» — видео «Потому что жизнь можно спроектировать»). В соучаствующем проектировании также работают подобные инструменты: картирование со слов жителей и привлечение местных мастеров (e. g. деятельность «Проектной группы 8»).

У компаний, строящих бренд в родном регионе, например в Сибири, в мастер-планах особое место занимают детальные схемы реорганизации местных производств и дифференцированные источники финансирования — как предвосхищено в книге Глазычева [2]. Сценарии жизни в местном климате — к примеру, летние и зимние активности для города в тундре — компании продумывают в масштабе всего поселения (e. g. проекты «Сибирской лаборатории урбанистики»).

Другие команды строят бренд на успешной работе бизнеса с объектами наследия (e. g. ГК «ДАЛЬ»). У регионов, агломераций и городов появились институты, управляющие их развитием. В частности, они внедряют в городскую ткань познавательные проекты о ностальгии по сельской парадигме жизни (e. g. ГБУ «ИПП РТ» — проект этнодеревни в Адмиралтейской слободе г. Казани), что предвосхищено в книге Глазычева [2].

Это примеры, где реальность «догнала» мысль Глазычева. Однако где ее следующий фронтир? Какие предположения Глазычева сегодня мало внедрены в практику? Так как я работаю с прибрежными и курортными территориями, мы пого-

ворим о природе в глазычевском контексте города и округи, которые «всегда составляли единое целое» [4].

Фронтиры для метода Глазычева

Чаще всего в урбанистике есть задача сформировать среду улицы как череду «городских комнат»: в уютном для человека масштабе, удобную для разных городских акторов, с выстроенными видовыми осями и архитектурными ансамблями. Однако все меняется, когда плоскость проектирования буквально поворачивается на 45°— например на территории горнолыжного курорта, которому нужны концепция развития и стильный визуальный облик. Составить привычные для городской среды средовые ансамбли здесь невозможно— необходимых строений значительно меньше, а их пешая доступность осложняется рельефом. Стейкхолдеры такого проекта также отличаются от привычных для городских объектов.

Здесь хочется опереться на «круговидение» профессора Глазычева и усовершенствовать процессы в программировании территорий, методологии проектирования и территориальном менеджменте. Важно осмыслить, что, по Глазычеву, все места отдыха— это «эманация городской среды в природное царство» [1]. Фермерские хозяйства и поселки при крупных комплексах, нередко соседствующие и существующие в единой системе с рекреационными зонами, по Глазычеву, также имеют пригородный характер среды. Так, сельская парадигма почти не представлена в современной жизни. Значит, к территории курорта мы применяем городской и заповедный подходы [1] в определенной пропорции. Глазычев также предвосхищает развитие комплекса заповедных территорий для экстремального, экологического и историко-познавательного туризма [1].

Фронтир в программировании территорий

Становится более востребованной звучащая у В. Л. Глазычева теория «природы, созданной заново», историческая «идея

новой натуральности, базирующейся на пейзажной живописи: ландшафт тонко продумывается и пересоздается таким образом, чтобы создать как можно более убедительную версию естественности» [1]. Современные междисциплинарные деятели (e. g. участники паблик-тока «Мечта об отдыхе» в рамках проекта «Зотов х Материя. Москва: архитектура отдыха») подчеркивают потребность горожан в ощущении дикой среды, в неорганизованной природе, а также в «ритуале переключения» в пространстве, не перенасыщенном запрограммированными событиями.

Данная мысль созвучна с аспектами разрабатываемой в книге К. Линча (в пер. В. Л. Глазычева) нормативной теории — что такое город и как он функционирует? [4] В городе, естественной для человека среде, важны не только планировка, но и ритуалы — например перемещения по локациям с определенным символическим значением. Эти составляющие воздействуют на нас как части культурного кода [4].

В контексте «новой натуральности» следует разрабатывать буферные зоны в структуре города (по классификации К. Линча). Предлагается соединить буфер с точки зрения программы (пространство «переключения» без событийных аттракторов) и буфер с точки зрения планировки (пространство на стыке, в том числе естественном, ландшафтов). В благоустройстве — как в городе, так и в рекреационных зонах — будет больше пространств, которые усиливают эффект прогулки на природе. Они будут максимально насыщать человека не событиями, а эмпирическими переживаниями природных процессов (звуками, светотенью, необычной чередой пейзажей и др.).

Это означает, что вложения в такие пространства станут приоритетными в коммерческих проектах. Также востребованными станут гротескные сочетания ландшафтных форм, показывающие природные активы места «под увеличительным стеклом». К таким решениям относится, например, масштабная геопластика.

Отдельное внимание следует обратить на изобретение в маркетинге — геобренд, построенный на природных активах территории (e. g. «Кипрея», маркетинговый кейс GMK). В упомянутом примере (рис. 1) пригородная застройка пози-

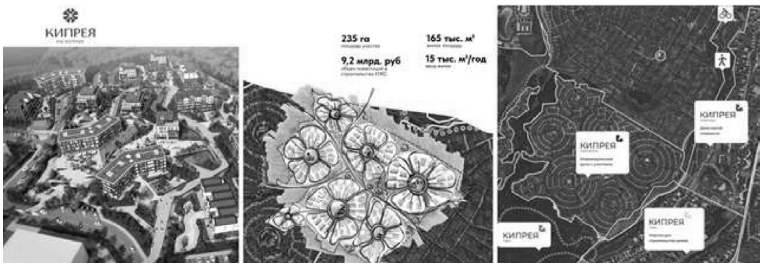


Рис. 1. Геобренд «Кипрея»

Источник: GMK.

ционируется как «город на холмах», что отражает масштаб проекта, его зонтичную инфраструктуру по четырем направлениям: комьюнити, квартиры, бизнес, спорт и отдых,— а также уникальную геопластику с акцентом на живописное природное окружение. Маркетинговое название проекта акцентирует цветок (кипрей, или иван-чай, распространен в данной местности) как культурный код территории и ее визитную карточку. Таким образом, выводя на первый план особенности ландшафта и флоры, бренд становится новатором в ленд-девелопменте, вовлекая конечного потребителя и участников бизнес-сообщества в создание нового качества жизни в пригороде.

Примеры из практики подтверждают тезис о пользе наследия В. Л. Глазычева для широкого круга специальностей, связанных с городским развитием. В частности, в ленд-девелопменте визионерами и основоположниками облика территории становятся маркетологи, формируя в дальнейшем техническое задание для архитекторов. Так, остается открытый вопрос — каковы ключевые акторы в городском развитии, которые оперируют методами прогнозирования, подобными подходу В. Л. Глазычева, и формируют с их помощью коммерчески успешный продукт?

Фронтир в методологии проектирования

С точки зрения зонирования и комплексной концепции территории В. Л. Глазычев обсуждает амбициозный тренд — реста-

Рис. 2. Пример курорта на активном рельефе со скрытыми горными ручьями

Источник: Город Групп.

врацию природных систем городом через его собственное функционирование [1]. Наглядные и эффективные экологические циклы остаются мало разработанными в современных проектах. Так, в финальном архитектурно-планировочном облике курортов нередко не учтены все возможные природные аттракторы, выявленные в проекте планировки территории — градостроительном документе, основанном на топографическом исследовании местности.

Согласно историческому исследованию курортных зон, ливневые стоки в районах с активным рельефом можно направлять «в основные водоемы, пользуясь системой ручьев и оврагов с укреплением последних и подводом к ним атмосферных вод по открытым лоткам с бетонной одеждой» [5]. Так, в курортных зонах на склонах гор и холмов (рис. 2) вместо распространенного скрытого способа дренажа в виде системы бетонных колодцев ключевым решением планировки могут стать настоящие горные ручьи, огибающие здания. Они будут проложены по естественным водотокам на территории и укреплены в соответствии с санитарными нормами.

В итоге ансамбль курорта будет создавать сама природа, становясь видовой доминантой ландшафта, наглядной нави-

гацией и естественным зонированием. Такие планировочные решения будут одновременно диктовать архитектурный код строений курорта: паттерны природы отразятся в дизайн-решениях, а отдельные элементы природы включатся в оболочку зданий. Общая устойчивость курорта (экологическая, маркетинговая) при этом повысится.

Планировочные изобретения, наглядно демонстрирующие экологические циклы, точечно представлены в практике на сегодняшний день. Среди них: функциональный ленд-арт, рукотворный курортный микроклимат на основе селекции растений, съедобный ландшафт, регенеративная геопластика с плодоносным почвенным слоем на скоплениях строительного мусора.

Таким образом, в основе ансамбля проекта комплексным средообразующим фактором станет природный ландшафт местности. Зонирование, инфраструктура и архитектура будут наглядно демонстрировать природные процессы как уникальный аттрактор. В задачи планировщиков будет входить его обоснование: как технологическое, так и маркетинговое. Современные специалисты мастер-плана могут, подобно историческим кейсам в книге В. Л. Глазычева, собрать много источников во впечатляющую цельную форму и найти для нее реалистичные инструменты [1]. Среди финансовых инструментов, подходящих для современных мастер-планов, Глазычев перечисляет [1] государственное софинансирование издержек на модернизацию и дифференцированные ставки для утвержденных в регионе центров развития и периферийных локаций.

Фронтир в территориальном менеджменте

Главная новизна в планировании и межевании территории, почерпнутая в книге В. Л. Глазычева,—вернуться к синтетической географии, то есть осмыслить все большие данные о климате и образе быта на местности. Стандартные программы менеджмента, отмечает Глазычев, основаны на отраслевом, ведомственном подходе [1].

В. Л. Глазычев напоминает, что только природа сущностно объединяет обособленные сферы деятельности на территории [1]. Обращаясь к теории Патрика Геддеса, Глазычев закрепляет в основе аналитики в региональном планировании такие понятия: «естественный регион», «культурный ландшафт», «элементарная схема распределения человеческой деятельности в ландшафте» [1].

«Тщательный и глубокий анализ естественно-искусственной истории хозяйственного ландшафта, открытие наново культуры лесных собирательных промыслов и их поддержание, открытие наново культуры лугового хозяйства и поддержание его гидрогеологии, открытие наново селекционной и технологической культуры», а также распространение «практических сведений о технологии ремесел» [2] являются, по Глазычеву, необходимыми методами развития прилегающих к курортным зонам пригородов и поселений. Так как ленд-девелопмент тяготеет к зонтичному подходу к инфраструктуре, одновременно развивая гастрономические, познавательные, оздоровительные и досуговые направления, социо-экономические связи с округой, производящей локальную продукцию, расширяют возможности бренда.

Ключевой проблемой в администрировании ныне растущей сети курортных проектов является поспешность в планировании, которую Глазычев в контексте любой индустрии называет губительной [2]. Следует понимать это как долгосрочные издержки для имиджа проекта. Например, общее качество среды курорта в оценке конечного потребителя снижается, если при реализации легко возводимой первой очереди рекреационного кластера — эко-деревни с видовыми гостевыми домами (рис. 3) — не сформированы привлекательная пешеходная среда с природным оформлением и резервные площадки вокруг особенностей ландшафта (по всей территории, не только около главного видового аттрактора). На первом этапе пешеходные маршруты и площадки могут быть оборудованы минимально, однако они должны быть встроены в планировку и маркетинговый нарратив объекта.

Рис. 3. Пример несформированной пешеходной среды в экодеревне
Источник: Яндекс.Карты.

Таким образом, разработку программных и инфраструктурных возможностей природного окружения следует включать в процедуру получения государственного софинансирования рекреационных объектов. По Глазычеву, культура управления территорией будет постепенно меняться — «к переходу от разорванного по ведомствам технократического планирования ядро специалистов должно успеть созреть» [1].

Отдельно предположу, что возможны новые модели администрирования курортов. В. Л. Глазычев подчеркивает, что в эксплуатации любого объекта случаются климатические проявления среды, которые нельзя запланировать — и эффективнее всего реагирование на них и регенерация среды происходят в компактных соседствах, союзах общин [1]. В такой модели участники, имея рычаги самоуправления, способны тактически видоизменять инфраструктуру объекта в короткий срок. В данный момент мы наблюдаем рост популярности частных инвестиций в кластеры гостевых домов. В будущем возможны новые формы коллективного девелоперского проекта — подобно тому, как в книгах В. Л. Глазычева описаны развитие дачных поселков времен Пушкина [1] и «непредвиденная оригинальность российского пространства культуры в дачных зонах обеих столиц» [3].

Современные визионерские практики, перечисленные нововведения в программировании территорий, методологии проектирования в территориальном менеджменте я объединяю в понятие «природное программирование». Частично это явление присутствует в зарубежных и российских проек-

тах с моим участием, и я планирую развивать его, опираясь на метод В. Л. Глазычева. Так, управленцы-визионеры, о которых говорит Глазычев, приходят из технологического бизнеса и маркетинга, работы с инвесторами. Они понимают структурную ценность природы — например отмечают уникальные по своим характеристикам, излюбленные горожанами, но мало ухоженные ландшафты — и запускают инициативы. Такие управленцы вкладываются в парки на склонах и набережных, постепенно расчищая лишнее и заново открывая природные места для горожан.

Управленцы-визионеры также обрабатывают массивы данных о малоиспользуемых локациях, где само пространство может оздоровить человека суточными ритмами. Таким образом, они выводят в общественный дискурс необходимость дополнительных изысканий методами синтетической географии — ведь, по Глазычеву, известные санаторно-курортные зоны появлялись вблизи развивающихся железнодорожных направлений благодаря проводившимся для них геологоразведочным работам [1].

Такая работа ведется медленно, и, аналогично кейсам в книге Глазычева, здесь параллельно с природных отдыхом закладываются резервы на модернизацию производства, скоростные автомобильные магистрали, переквалификацию кадров и научные центры для изучения среды. Подобный алгоритм описан В. Л. Глазычевым в кейсе восстановления системы мест отдыха в регионе реки Рур: как иллюстративный результат, в бывшей индустриальной местности снова стало возможным безопасно ловить рыбу [1].

В крупных туристических инвестиционных проектах активно используются упомянутые Глазычевым ландшафтные шоссе [1], которые превращают время в пути в дополнительный аттракцион. Также на крупных территориях есть запрос на градацию степени вмешательства в природу. Для архитектуры и благоустройства формируются дизайн-коды, где участки конкретной территории разграничены на заповедные, природные и урбанизированные: где возможно вынимать горную породу из скалы ради знаковой архитектуры, а где следует минимальными средствами защитить

природный берег от размыва. Одновременно образы и паттерны исследуемого ландшафта переходят в стилистику архитектуры и благоустройства. Таким методом визионеры обходят проблему «излишне рукотворного ландшафта закрытых городов», обозначенную Глазычевым: в гонке амбиций нецелесообразно проектировались лунки под деревья в материковой скале с поливом из резервуара опреснителя при АЭС [3].

Таким образом, в книгах профессора Глазычева есть методологическое подтверждение визионерским проектам и гипотезам современности. Метод В. Л. Глазычева призывает осмыслить феномен тотальной урбанизации, а также симбиоз исторического знания и ценностей, создаваемых настоящим [1].

Литература

1. *Глазычев В.Л.* Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011.
2. *Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. и др.* Городская среда. Технология развития: настольная книга. — М.: Ладья, 1995.
3. *Глазычев В.Л.* Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. — С. 63–68.
4. *Линч К.* Совершенная форма в градостроительстве / пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. — М.: Стройиздат, 1986.
5. «Реконструкция курорта Сочи–Мацеста»: Правительственная комиссия по приему важнейших объектов строительства курорта Сочи–Мацеста, произведенного в 1934–1935 годах уполномоченным ЦИК СССР в Сочинском районе. — М.: Полиграфкнига, 1936.

Деслободизация Карачаровского треугольника в условиях активного редевелопмента: конфликты памяти, идентичности и образов будущего

Иван Николаевич Алов
кандидат географических наук, доцент факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ, доцент кафедры региональной экономики и географии РУДН имени Патриса Лумумбы
Россия
г. Москва
e-mail: ialov@hse.ru
Кир Викторович Ламской
аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, инженер-исследователь Института географии РАН
Россия
г. Москва
e-mail: lamskoy_k@mail.ru
Андрей Александрович Александров
студент факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ
Россия
г. Москва
e-mail: andalealeksandrov@mail.ru
Владислав Игоревич Кияница
студент факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ
Россия
г. Москва
e-mail: vikiianitsa@edu.hse.ru

Дмитрий Сергеевич Матвеев
студент факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ
Россия
Москва
e-mail: dmsematveev@edu.hse.ru
Даниил Михайлович Михеев
студент факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ
Россия
г. Москва
e-mail: mdmkomi11@yandex.ru
Георгий Евгеньевич Попов
студент экономического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы
Россия
Москва
e-mail: Geo2967@yandex.ru

Аннотация. В.Л. Глазычев разработал понятие слободизации — развитие в рабочих районах вокруг заводов особого образа жизни и восприятия пространства, характеризующегося общей неустроенностью и фиксацией на предприятии как основе самости людей. В данной статье рассматривается ситуация деслободизации, когда из типичной слободы, по Глазычеву, района Карачарово, извлечена индустриальная основа идентичности жителей и заменена поначалу ничем, а теперь, постепенно, — новыми жилыми комплексами в ходе активного редевелопмента территории. Для анализа изменения слободского восприятия пространства было проведено 55 полуструктурированных интервью с местными жителями и экспертные интервью с девелоперами. Их образы прошлого и будущего района радикально не сходятся, что приводит к заметным когнитивным конфликтам. Коллективная память старожилов района по-прежнему держится на ощущении связи с уже нефункционирующими предприятиями, девелоперы видят в районе лишь ресурс для капитализации, а новые жители относятся к нему как к месту для сна и стартовой точке по пути на работу в центр Москвы.

Ключевые слова: слободизация, деслободизация, вернакулярный район, Москва, Карачарово, редевелопмент.

De-Slobodization of the Karacharovsky Triangle in the Context of Active Redevelopment: Conflicts of Memory, Identity, and Images of the Future

Ivan Alov
PhD in Geography, associate professor at the Faculty of Urban and Regional Development at HSE University, associate professor at the Department of Regional Economy and Geography at RUDN University
Russia
Moscow
e-mail: ialov@hse.ru
Kir Lamskoy
post-graduate student of the Department of Social and Economic Geography of Foreign Countries at Lomonosov Moscow State University, research assistant at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, research engineer at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
Russia
Moscow
e-mail: lamskoy_k@mail.ru
Andrey Aleksandrov
student at the Faculty at Urban and Regional Development at HSE University
Russia
Moscow
e-mail: andalealeksandrov@mail.ru
Vladislav Kiyanitsa
student at the Faculty of Urban and Regional Development at HSE University

Russia
Moscow
e-mail: vikiianitsa@edu.hse.ru
Dmitry Matveev
student at the Faculty of Urban and Regional Development at HSE University
Russia
Moscow
e-mail: dmsematveev@edu.hse.ru
Danil Mikheev
student at the Faculty of Urban and Regional Development at HSE University
Russia
Moscow
e-mail: mdmkomi11@yandex.ru
Georgy Popov
student at the Department of Regional Economy and Geography at RUDN University
Russia
Moscow
e-mail: Geo2967@yandex.ru

Abstract. V. L. Glazychev developed the concept of slobodization—the development of a special way of life and perception of space, characterized by general disorganization and fixation on the enterprise as the basis of people's selfhood, in working-class areas around factories. This article examines the situation of de-slobodization, when the industrial basis of the identity of residents is extracted from a typical Glazychev's sloboda, the Karacharovo district, and replaced at first with nothing, and now, gradually, with new residential complexes in the course of active redevelopment of the territory. To analyze the change in the slobodian perception of space, 55 semi-structured interviews with local residents and expert interviews with developers were conducted. Their images of the past and future of the district are radically inconsistent, which leads to noticeable cognitive conflicts. The collective memory of the district's old-timers is still based on the feeling of connection with already defunct enterprises, developers see the district only

as a resource for capitalization, and new residents treat it as a place to sleep and a starting point on the way to work in the center of Moscow.

Keywords: slobodization, de-slobodization, vernacular district, Moscow, Karacharovo, redevelopment.

Карачарово как название района отсутствует на официальных картах административно-территориального деления Москвы, но обладает богатой смысловой нагрузкой. Это вернакулярный район [Смирнягин 2013, с. 35–36] — он известен многим жителям территории, но не имеет обоснованных какими-либо нормативными правовыми актами границ. Однако локализовать это нетрудно, даже не проводя исследования: до недавнего времени на Нижегородском направлении пригородных поездов существовала станция Карачарово (ныне именуемая Нижегородской), а между ней и станциями Андроновка (бывшая платформа Фрезер, Казанское направление) и Чухлинка присутствует сразу несколько схожих названий улиц (Карачаровское шоссе, 1-я, 2-я и 3-я Карачаровские улицы).

Поскольку станций три, то и территория представляет собой треугольник (рис. 1) со сторонами в виде путей двух упомянутых железнодорожных линий и Московского центрального кольца (МЦК).

Настоящая статья продолжает цикл работ, проводимых командой исследователей в рамках изучения внутригородских периферий — территорий, лишенных центральных функций и эксплуатируемых центром города, расположенных при этом в относительной близости к нему. Это видение исходит из «городского» прочтения идеи российского географа В. Л. Каганского о внутренней периферии [Каганский 2012, с. 24], и оно хорошо подходит к территории Карачаровского треугольника, расположенного примерно в получасе езды от Красной площади, но при этом лишенного каких-либо признаков центральности (что заметно даже при беглом рассмотрении пользовательского интерфейса «Яндекс. карт» с их слоем зон коммерческой активности).

Параллельно с исследованием Карачаровского треугольника в контексте интеллектуального наследия В. Л. Глазычева

Рис. 1. Расположение территории исследования

Источник: составлено авторами.

также был апробирован подход к изучению данной территории как продукта комплексной изоляции разнородными барьерами — в рамках доклада «Изоляция деиндустриализированной внутренней периферии Москвы: случай Карачаровского треугольника» на Международной научной конференции «Города на пути из настоящего в будущее», организованной лабораторией геополитических исследований Института географии РАН и кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 15–17 мая 2025 года. Различие двух подходов к результатам одного и того же полевого исследования заключается в фокусе внимания: если изоляция понимается нами как следствие возникновения барьеров, ограничения треугольника и отграничения Москвы вокруг него, то деслободизация — результат исчезновения имманентных признаков Карачарова. Анализ социально-когнитивных процессов, сопутствующих предполагаемой деслободизации, нашел отражение в докладе «Деслободизация Карачаровского треугольника в условиях активного девелопмента: кон-

фликты памяти, идентичности и образов будущего», представленном на XIII Всероссийской научно-практической конференции «Глазычевские чтения» 30–31 мая 2025 года в Сергиевом Посаде.

Собственно, главный концепт, вокруг которого строится данное исследование,—слободизация, введенный В. Л. Глазычевым в эссе «Слободизация страны Гардарики» [Глазычев 1995]. Слобода как хаотичное поселение ремесленников или, позднее, рабочих, чья жизнь сконцентрирована вокруг конкретного предприятия, осмысляется В. Л. Глазычевым как философско-культурная категория:

> Слободское есть принципиально неукорененное, свободное от иной исторической мотивированности, кроме собственной, не слишком обремененной деталями памяти «Растеряевой улицы». Слободское непременно означало временное, в любой момент готовое к изгнанию, сносу и перемещению, обустраивающееся кое-как, чтобы день прожить, принципиально чуждое и даже враждебное всякому оттенку стабильности, наследуемости, вкореняемости [Глазычев 1995, с. 68].

Отсылка к циклу рассказов «Нравы Растеряевой улицы» писателя-народника Глеба Успенского характерна: еще в XIX веке, на начальном этапе индустриализации России, проявились свойства промышленных окраин, поселков, городков, которые в период деиндустриализации конца XX—начала XXI веков привели к их низкой адаптивности к новым реалиям.

Главным и наиболее очевидным таким свойством является зависимость всех сфер жизни территории от состояния промышленного предприятия. Карачарово в этом отношении представляет собой несколько более устойчивый пример, чем, например, моногород: на небольшой территории треугольника располагалось два крупных предприятия—«Фрезер» и «Станкоагрегат»—и несколько поменьше. Однако зависимость меньшей не была.

До советской индустриализации Карачарово не входило в состав Москвы и скорее представляло собой не-место, по М. Оже [Оже 2017, с. 18]—огромный пустырь с небольшими

складскими объектами, зажатый между железными дорогами. Даже свое имя эта территория получила по дачному поселку, расположенному с другой стороны путей. Такая топонимическая вольность была распространена в прижелезнодорожных территориях освоения второй половины XIX века: например, подмосковная станция Купавна того же Нижегородского направления расположена в семи километрах по прямой от существовавшего до проложения дороги города Купавна (ныне Старая Купавна).

Слободогенный признак возник в 1932 году с запуском огромного предприятия «Фрезер», выпускавшего одноименные станки для режущей обработки металлических поверхностей. При заводе был построен поселок для рабочих и открыта пассажирская станция (ныне Андроновка). В тот же период рядом, в самом центре треугольника, развивался завод «Стальмост», позднее переименованный в «Станкоагрегат». При нем был создан поселок Новокарачаровский, занявший территорию ближе к станции Чухлинка. Завод «Фрезер» прекратил свое функционирование в 2004 году, а «Станкоагрегат», сокращаясь медленнее, стал банкротом в 2020 году.

Оба заводских поселка прошли схожий путь: от деревянных бараков к кирпичным пятиэтажным хрущевкам, точечно перемежаясь кирпичными домами индивидуальных проектов и 9–11-этажными панельными домами. Из-за маленькой площади и относительно небольшой численности населения Карачарово так и не стало полноценным микрорайоном: не все необходимые объекты социальной инфраструктуры, размещавшиеся нормативно, находятся в пределах барьеров железных дорог. Сильная изрезанность территории заборами и разрыхление пространства пустырями не дали сформироваться полноценному центру, в качестве которых в городах обычно выступают общественные пространства (парки, скверы, площади, прогулочные улицы и бульвары), а в псевдогородах по образцу американских субурбий — торговые моллы [Phelps et al. 2025, с. 1–14]. Из всех этих объектов в треугольнике есть только небольшой сквер, именуемый Народным парком, но он мало доступен для жителей окрестностей «Фрезера».

Как будет показано далее, локальная идентичность жителей до сих пор сильно увязана с промышленным прошлым района. Позитивное отношение жителей к промышленным предприятиям вполне соотносится с представлением В. Л. Глазычева о слободском как о противоречащем городскому. Память о прошлом диктует и отношение к современным городским процессам в Карачарове, которые отражают противоречия между тремя основными группами акторов: старожилами, новыми жителями района и ассамбляжа городских властей и девелоперов. Во многих промышленных районах именно этот конфликт (в который также могут вступать представители арт-сообщества) выступает важным драйвером социальных преобразований [Ваньке, Полухина 2018, с. 5], эмблемой союза которых служит программа комплексного развития территорий (КРТ), реализуемая в Карачарове [Проект КРТ ЮВАО]. Ассамбляж, по М. Деланде, обладает свойством экстериорности, то есть это такая целостность, в которой присутствует определенная автономность составляющих частей по отношению к целому, и каждая из частей может изыматься и вступать в другие ассамбляжи [DeLanda 2006, с. 1–25; Майорова 2017, с. 247]. Так, городские власти могут вступать в конфликт с застройщиками, если последние нарушают градостроительные правила или для минимизации негативной реакции со стороны горожан на тот или иной девелоперский проект. В свою очередь, возможен и ассамбляж девелоперов и жителей, актуализированный в практиках соучаствующего проектирования.

Слобода, по В. Л. Глазычеву, живет сегодняшним днем, ее жители не стремятся к «мещанской» устойчивости и не ностальгируют по «славному прошлому», потому что их жизнь постулируется работающим прямо сейчас предприятием. Исследовательский вопрос, который мы ставим, таков: какова динамика конфликта образов настоящего, прошлого и будущего Карачаровского треугольника в условиях деслободизации? Иными словами, понимая характер социальных процессов и формирования территориальной идентичности как отражения образа района среди местных жителей в условиях слободизации, мы хотели бы проанализировать ситуацию,

когда слободогенный признак исчез, а с ним и ориентир для вышеобозначенных слободских процессов.

Наша оптика также соотносится с другим трудом В. Л. Глазычева — книгой «Глубинная Россия: 2000–2002» [Глазычев 2003] — не в конкретных ссылках, но в общем эпистемологическом и этическом подходе. В этом и других «периферийных» исследованиях мы стремимся найти те локальные сюжеты, которые отразят многообразие и противоречивость городских процессов в России, не разделяя исследовательские вопросы на «важные» и «неважные», «актуальные» и «неактуальные», отдавая эти суждения на откуп горожанам и создаваемой ими культуре бытия. Наиболее интересные для нас сюжеты разворачиваются во внутренних периферии городов — забытых и лишенных голоса, стигматизированных районах, часто промышленных [Wacquant 2008; Wacquant et al. 2014]. Карачарово — экстремальный пример такого района-субалтерна, не обладающего многими признаками города, не имеющего даже экономической центральности около предприятия или станции.

Методика исследования

Основу исследования составляет качественный социологический подход, в центре которого — полуструктурированные интервью как основной инструмент для изучения восприятия жителями редевелопмента, формирования привязанности к месту и конструирования образов прошлого и будущего. Было проведено 55 полуструктурированных интервью с жителями исследуемой территории и два экспертных интервью с представителями девелоперов (Level и «Брусника») [15]; такая комбинация дает возможность сопоставлять повседневные нарративы и институциональные практики редевелопмента. Метод полуструктурированных интервью выбран исходя из специфики исследуемых феноменов: он задает общий каркас вопросов для сопоставимости, но оставляет пространство для углубления в неожиданные, эмоционально насыщенные или локально значимые темы. Это важно при работе с памятью, идентичностью и представлениями о будущем.

В рамках полевых выходов интервьюеры работали по единому гайду с вводной формулировкой согласия, основными тематическими блоками и подсказками по переходам и уточнениям. Перед каждым интервью фиксировалась краткая полевая заметка (место, длительность, контекст), все беседы записывались при согласии и затем транскрибировались дословно. Отбор респондентов сочетал целевой (purposive) и «снежный ком»: мы сформировали выборку на основе представленности разных опытов проживания и вовлеченности в локальную жизнь — старожилы и новоселы, активисты и рядовые жители. Отнесение респондента к тому или иному типу основывалось на его самоидентификации. Распределение респондентов по возрасту выглядит следующим образом: 18–35 лет — 17%, 36–59 лет — 39%, старше 60 лет — 44%.

Анализ записей и транскриптов включал в себя выявление повторяющихся тем и выразительных цитат, затем объединяемых в общие темы — например, память о заводе, отношение к новым жилым комплексам, страхи и надежды по поводу редевелопмента. Дальше эти темы сравнивались между вернакулярными микрорайонами и возрастными группами. Экспертные интервью с девелоперами использовались как второй ракурс: они помогали сопоставить мнение и эмоции жителей с официальными планами и оценками застройщиков.

Выделение вернакулярных, бытующих в сознании местных жителей, микрорайонов (само Карачарово — вернакулярный район, то есть территориальная единица большего размера) также было обязательным элементом полуструктурированных интервью: в начальной фазе общения с респондентами задавался вопрос — как называется территория, на которой мы находимся? В результате были выделены следующие микрорайоны: Фрезер, Перовское, Карачарово, Полянка (рис. 2).

Выделение вернакулярных микрорайонов позволило привести выборку к большей репрезентативности и в пространственном отношении. Так, 55 собранных интервью были распределены по территориям следующим образом: Фрезер — 14 интервью, Перовское — 13, Карачарово — 18, Полянка — 10 интервью.

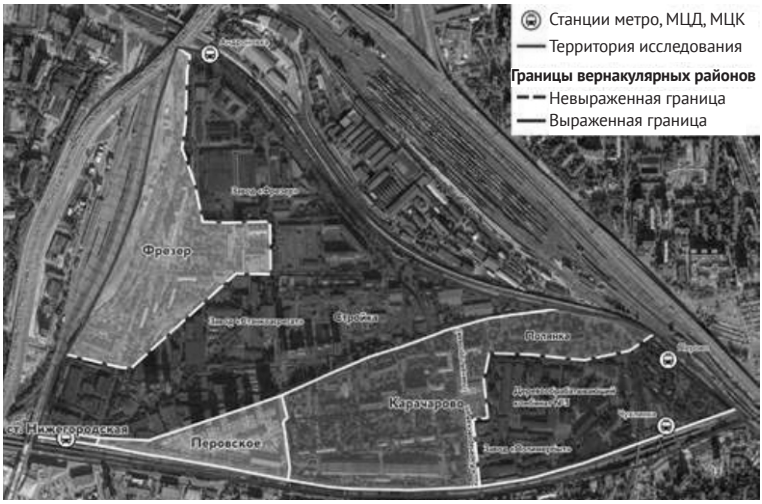


Рис. 2. Вернакулярные микрорайоны Карачаровского треугольника

Источник: составлено авторами.

Градостроительный контекст

Карачаровский треугольник отличается, с одной стороны, высокой внешней транспортной интегрированностью в городскую среду современной Москвы (до его краев легко добраться на метро, МЦД, МЦК), а с другой — сильной изоляцией внутренних составляющих. Эта ситуация обусловлена обилием барьеров: заборов, промзон, теплотрасс и различных других не-мест.

При общей изношенности ряда объектов городской среды (от частично расселенных домов до проржавевших металлических конструкций, отсутствия арборирования старых деревьев, не всегда хорошего состояния асфальта) выделяется благоустроенная территория Народного парка и жилого комплекса «Перовское 2» от застройщика ПИК. В районе реализуются также проекты других девелоперов: Level Group и «Брусники», строительство высотных жилых комплексов можно наблюдать из любой точки района. Резкий редевелопмент, во всех отношениях сильно выделяющийся в карача-

ровском ландшафте, ставит вопрос о том, как сложившаяся среда и замкнутое сообщество людей примут столь сильную трансформацию.

Для ответа на него сначала обратимся к описанию района девелоперскими компаниями. Упоминаются такие характеристики, как центральность, транспортная доступность, историческая значимость, комфортность, развитость и обеспеченность социальной инфраструктурой. По результатам проведенных интервью сегодня можно согласиться лишь с исторической значимостью района и его транспортной доступностью. Относительно близости к центру мнения жителей разделились. Старожилы не считают Карачаровский треугольник близким к центру районом, что противоположно видению жителей нового жилого комплекса «Перовское 2»:

> — Нам уже сказали, что это центр…
> — А кто сказал?
> — Новые, которые приехали в эти большие дома.
> (*Ж., около 50 лет, Карачарово*)

Не слишком высоко оценивается обеспеченность социальной инфраструктурой и разнообразие возможностей для досуга, что находит отражение в рассказах местных жителей о своем районе. Так, родители подчеркивали проблемы нагрузки на поликлинику и отсутствие внеучебных секций для школьников: «Мало какого-то детского досуга и каких-то обучающих развлекательных каких-то кружков. В поликлинике большая нагрузка: всех туда прикрепили. И школ не хватает, школы нету» (*Ж., около 25 лет, Полянка*); «Как минимум хотелось бы еще поликлинику, потому что со школами беда, конечно, не вполне решается. В школах нет никаких секций, приходится вот искать что-то где-то» (*Ж., около 30 лет, Полянка*).

Карачаровский треугольник испытывает нехватку социальной инфраструктуры, он не гарантирует комфортного проживания как старожилам-жителям, так и жильцам новостроек. Это отмечалось в большинстве проведенных интервью с обеими группами жителей.

Несмотря на текущую визуальную и отмечаемую жителями «депрессивность» территории, Карачаровский треугольник пользуется популярностью среди девелоперов. Например, в конце 2024 года ПИК завершил строительство жилого комплекса «Перовское 2» [16]. Кроме того, продолжается строительство жилых комплексов «Level Нижегородская», Квартал «Издание», ЖК «Бестселлер» [14; 15].

Очевидно, что по мере увеличения численности новых жителей района возрастут и запросы к городской среде, что потребует существенных ее преобразований. Таким преобразованием является утвержденный в 2023 году проект комплексного развития территории (КРТ) в районе, ограниченном Басовской улицей, Перовским шоссе, Казанским направлением МЖД и шоссе Фрезер. Проектом планировки территории (ППТ) предусмотрено строительство жилых объектов с встроенно-пристроенными помещениями, используемыми под широкий набор услуг, в том числе торговлю, центр творчества, детскую школу искусств и спорт, детского сада на 250 мест, двух общеобразовательных школ на 1000 мест, торговых, офисных и спортивных пространств, строительство и реконструкцию магистральных улиц и улиц местного значения, устройство велодорожек, благоустройство и озеленение территории, включая строительство футбольного поля. Можно предположить, что проект КРТ направлен в первую очередь на перспективу заселения района новыми жителями и его дальнейшее развитие без учета потребностей старых жителей. Подтверждение этого нам удалось найти в разговорах с жителями Карачаровского микрорайона, которые говорили о том, что не знают о грядущих преобразованиях и не хотели бы, чтобы их район радикально изменялся. Их привязанность связана со значительно более позитивным образом прошлого Карачарова, чем с его будущим.

Образы прошлого и образы будущего

Образы прошлого формируются старожилами района. В их основе лежит заводское наследие, которое продолжает влиять на идентичность жителей, проживающих здесь с 1960–

1980-х годов. Приехав работать на завод «по лимиту», впоследствии они получили квартиры от завода и сформировали социальные связи, сохранившиеся поныне. Соседей по микрорайону объединяет опыт работы на «Фрезере» и «Станкоагрегате». Эта общность характеризуется связями, пронесенными через всю жизнь в формате дружбы, супружества, дружбы детей, а также коллективной памяти о работе заводов как символических, функциональных и социальных центров района. Особенно высока подобная значимость у некогда крупнейшего предприятия района — «Фрезера»: «Да, мы же тут, в основном, все на заводе работали. Все тут квартиры получили. Мы все знаем всю жизнь друг друга. Вот мы с подругой (*указывает на сидящую рядом женщину*) с 18 лет, как на заводе познакомились, так и дружим. Оказалось, еще родом мы обе из Брянской области. А познакомились здесь, на заводе. Так и многие» (*Ж., около 55 лет, Полянка*); «Начнем с того, что вот я, она и вот она знакомы с пеленок» (*Ж., около 60 лет, Фрезер*); «Детки наши выросли в одной песочнице» (*Ж., около 60 лет, Фрезер*); «У нас дом ведомственный. Все работали на одном предприятии. Мы 50 лет с пеленок растем, детский сад, школа, Фрезер» (*Ж., около 50 лет, Фрезер*).

Респонденты ностальгировали о прошлом, а на вопрос об отношении к возведению новых жилых комплексов отвечали с грустью и негативной реакцией на преобразование территории: «Мы на этом заводе работали. Мы приехали по лимиту и работали на заводе станкоагрегатов. Вот от завода и квартиры нам тут дали. Наш заводик разбомбили, очень грустно» (*Ж., около 60 лет, Полянка)*.

На фоне упадка социальной инфраструктуры после деиндустриализации многие старожилы вспоминают о районе в период Советского Союза. Они характеризуют это время спокойствием, наличием товаров, развитой системой медицинских и образовательных услуг. Это ярко характеризует район как промышленную периферию, чье экономическое и социальное благополучие целиком зависело от промышленной либо иной экстрактивирующей инфраструктуры центра. После угасания промышленного производства район не смог избежать кризиса и адаптироваться к переформатированию

экономики Москвы в частности и России в целом: «Все было хорошо. Я имею в виду в каком смысле: универмаг был, потом там осталась у нас почта. Вот. Ну там парикмахерская есть. Но все равно, если так, по-честному, разобраться — универмагов нету, потом нету у нас хозтоваров. Закрыли» *(Ж., около 75 лет, Карачарово);* «Это все сделали неправильно. Я считаю, когда мы в СССР были, все было, а потом все убрали. Я не знаю, что они думают дальше с нами делать. Может быть, вообще все…» *(Ж., около 75 лет, Фрезер);* «Мы испокон веков ходили спокойно. Сейчас уже стало, как бы сказать, нарушена тишина. И потом, как мне сказали старожилы, самый первый дом около „пиковского“ идет вот этот, девятиэтажка… там стали делать закладки наркоманов» *(Ж., около 60 лет, Карачарово);* «Вот это вот поликлиника, которая тоже, извините меня, сколько лет ее ремонтировали, а всех отсылают в другие организации… Вот. Это была бывшая больница. И вся эта территория принадлежала этой больнице. Там был и морг, и лаборатории, и все. Поэтому я сравниваю с тем временем, для меня то время было…» *(Ж., около 60 лет, Карачарово).*

Подытоживая выявленные в ответах жителей образы прошлого района и не столь ясное видение будущего ими, можно выделить несколько ключевых аспектов. Заметна фиксация коллективной идентичности на промышленном производстве. Трудовые биографии старожилов становятся основой для воспроизводства социального капитала и групповой сплоченности. Это достигается за счет эффекта социальной инерции: заводские идентичности сохраняются даже при утрате материальной базы производства, то есть люди идентифицируют себя с заводом после более чем двадцати лет после его закрытия (в случае «Фрезера»). Коллективная память жителей моноцентрична: заводской нарратив вытесняет альтернативные истории района. Сплоченность сообщества вокруг этого нарратива ограничивает гибкость адаптации к постиндустриальной городской среде, поскольку символическое ядро коллективной памяти привязано к утраченной инфраструктуре. Это и есть реакция на деслободизацию: вместо замещения слободской идентичности новой наблюдается ее «окаменение».

Отторжение новой застройки можно интерпретировать как реакцию на разрыв пространственно-временной преемственности: трансформация городской ткани разрушает не только физическое, но и символическое пространство, в котором закреплены повседневные маршруты, социальные роли и локальные ритуалы. Прошлое становится источником своего рода ностальгического социального капитала, который компенсирует дефицит новых связей. Этот механизм особенно свойствен пенсионерам, которые находятся в зоне повышенного риска социальной изоляции [Козырева, Смирнов 2022, с. 46].

Совершенно по-иному происходит когнитивная обработка района со стороны девелоперов. Их образ будущего, что подразумевается самим характером профессиональной деятельности, абсолютно четок, а прошлое выступает лишь в качестве далеко не главной составляющей маркетинга. Чтобы проанализировать образы девелоперов, было проведено экспертное интервью со специалистами из Level Group, а также в ходе одного из полевых выходов были проведены полуструктурированные интервью с представителями «Брусники» в офисе продаж жилого комплекса «Издание».

Сегодняшнее положение района не видится девелоперам благоприятным для жизни, они значительно больше описывают будущее, а именно планируемые к реализации проекты в рамках КРТ. Говоря об особенностях района, эксперты подчеркивают «депрессивность» территории района, обилие «бедных» и «маргинальных» жителей, которые создают образ неблагополучного, а местами и опасного района. Девелоперы также не отрицают возможность возникновения конфликтов у новых жителей района и тех, кто живет там много лет.

Относительно инфраструктуры специалисты отмечают большое количество закрытых старых промышленных зон, на которые у них уже имеются планы, а также неудобные переходы через железную дорогу и, соответственно, слабую интегрированность с соседними территориями (однако, как они считают, этот недостаток нивелируется крупным ТПУ «Нижегородская»). Заметим, что сегодня у девелоперов и городского управления одним из главных векторов разви-

тия московской недвижимости становится застройка бывших промзон и улучшение качества городской среды в окружающих их районах.

Недостатки существующего состояния района для девелоперов компенсируются перспективами его развития в будущем. Например, практически все промышленные территории планируется реорганизовать и построить новую социальную инфраструктуру, например торговый центр и футбольное поле; некоторые действующие промышленные объекты останутся на территории. Кроме того, часть ветхой застройки попадает под реновацию, закрытая сегодня школа будет реконструироваться в крупный образовательный кластер, на территории района появится ландшафтный парк. Представители девелоперов отмечают необходимость строительства новых пешеходных путей, которые будут повышать внутреннюю проницаемость района.

Вместе с опросом девелоперов было проведено интервьюирование жителей по вопросам качества жизни в районе на данный момент, а также о перспективах по развитию территории. Большинство жителей старой застройки считают свой район безопасным, обладающим неплохой инфраструктурой. Важно отметить, что респонденты считают безопасной именно «старую застройку», а новые дома и ЖК считают неблагополучными (несмотря на более высокий уровень социально-экономического благосостояния их жителей), здесь можно отметить некую ментальную изоляцию старых и новых жителей друг от друга.

Респонденты из новой застройки не считают свой район комфортным для проживания и приезжают сюда «лишь чтобы поспать». Их отношение к перспективам по развитию района и планам девелоперов также отличается от позиции старожилов. Жители новых ЖК не слишком интересуются развитием района, поскольку они не интегрированы в него и не чувствуют коллективной ответственности за развитие территории. Старые жители отрицательно относятся к планам девелоперов, считая, что они «испортят» район, они не хотят значительных изменений, допуская лишь точечное благоустройство, открытие новых парков, магазинов и поли-

клиник. Старые жители удовлетворены жизнью на территории, в то время как девелоперы не учитывают их мнение о районе и ориентируются только на мнение будущих новых жителей. При этом парадоксальным образом новые жители не так остро ощущают нехватку разнообразных объектов инфраструктуры по двум причинам: во-первых, их устраивает коммерческое наполнение жилого комплекса, которым старожилы почти не пользуются в силу дороговизны и нежелания взаимодействовать с новыми соседями; во-вторых, жители ЖК «Перовское 2» практически не проводят свободное время на территории Карачаровского треугольника, будучи значительно более мобильными, чем старожилы, а потому готовы жить в районе с нехваткой зеленых зон, детских и спортивных площадок.

Анализ образов Карачаровского треугольника, генерируемых тремя социальными группами (старожилы, новые жители и девелоперы) позволил выявить глубокие расхождения в восприятии района. Оно проявляется как на уровне оценки конкретных характеристик района, так и на уровне общих ценностных ориентаций.

Для старожилов район служит носителем коллективной памяти и символического капитала, в котором индустриальное прошлое играет роль идентификационной доминанты. Для девелоперов это преимущественно функциональная единица городской ткани с (пока что) нереализованным потенциалом капитализации. Для новых жителей район — утилитарная составляющая их повседневной жизни, не вызывающая сильных эмоций.

Интервью также демонстрируют, что между группами де-факто отсутствует коммуникация, что усиливает социальную фрагментацию. Старожилы интерпретируют любые радикальные изменения среды как угрозу укорененным формам социальности, в то время как девелоперы и, в меньшей степени, новые жители рассматривают их как неизбежный этап экономической и инфраструктурной модернизации. Такая разница в восприятии формирует конфликтную динамику, характерную для постиндустриальных городов, где процессы редевелопмента сталкиваются с нежеланием

менять социальные и пространственные практики, составляющие немаловажную часть локальной идентичности.

Состояние деслободизации, когда в течение достаточно долгого времени вырванное из ткани района заводское ядро, по сути, ничем не замещалось, начинает подвергаться сильнейшему воздействию девелопмента, которое может полностью стереть соответствующую идентичность Карачарова. Старожилы с помощью механизмов коллективной памяти сохраняют симуляцию «заводского уклада», лежащего в основе слободского образа жизни. Новые акторы, которых не было в слободской период развития, не просто меняют облик района, но и претендуют на создание новых ядер идентичностной консолидации. Карачарово в их интерпретации — либо «скучный спальник», либо «динамично меняющийся район новой застройки». На данный момент нельзя говорить о триумфе новых ментальных векторов развития района, мы наблюдаем процесс транзита.

В Карачаровском треугольнике накладываются разнонаправленные оптики восприятия — ностальгически ориентированной и проектно-трансформационной. Игнорирование конфликтов, связанных с разными образами района, и невнимание локальной идентичности местных жителей ведут к росту рисков пространственной сегрегации, маргинализации и отчуждения части населения. Поэтому проекты развития территории требуют сложных настроек, способных гармонизировать интересы разных групп населения и культурно-историческую специфику.

Литература

1. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. — London: Continuum, 2006.
2. Phelps N. A., Keil R., Maginn P. J. (eds.) Peripheral Centralities: The Lost and Past of the Urbanity of the Suburbs. — London: Routledge, 2025.
3. Wacquant L. Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. — Cambridge: Polity Press, 2008.
4. Wacquant, L., Slater T., Borges Pereira V. Territorial Stigmatization in Action. Environment and Planning, 2014. — Vol. 46. — Pp. 1270–1280.

5. *Ваньке А.В., Полухина Е.В.* Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2018. — С. 4–34.
6. *Глазычев В.Л.* Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. — С. 63–68.
7. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Новое изд-во, 2003.
8. *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия: География. — 2012. — № 6. — С. 23–34.
9. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. — 2022. — № 4 (40) — С. 46–63.
10. *Майорова К.* Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории // Философско-литературный журнал «Логос». — 2017. — № 27 (1). — С. 245–250.
11. *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
12. *Смирнягин Л.В.* Вернакулярный район // Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 35–36.
13. Жилье с соцобъектами и офисами построят в районе Нижегородский. Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. https://stroi.mos.ru/news/zhil-ie-s-sotsobiektami-i-ofisami-postroiat-v-raionie-nizhieghorodskii (доступ: 08.08.2025).
14. ЖК «Бестселлер». https://baza.bz/projects/bestseller (доступ: 01.12.2025).
15. Квартал «Издание». https://moskva.brusnika.ru/projects/izdanie/ (доступ: 08.08.2025).
16. Перовское 2. https://www.pik.ru/perovo2 (доступ: 08.08.2025).
17. Проект КРТ ЮВАО. Район Нижегородский — Карачарово, тер. 2, район Нижегородский. https://krt.mos.ru/projects/karacarovo-ter-2 (доступ: 08.08.2025).
18. Level Нижегородская — дома в активно развивающемся Нижегородском районе. https://level.ru/projects/nizhegorodskaya/ (доступ: 08.08.2025).

Имитация участия и стандартизация среды: почему малые города теряют голос. Переосмысление идей В. Л. Глазычева

Елена Сергеевна Дьяченко
студентка бакалавриата РУДН
Россия
г. Москва
e-mail: esdya@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к благоустройству малых городов России на примере проектов, реализованных в рамках Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Автор, участвовавшая в разработке и реализации таких проектов, анализирует несоответствие между декларированными принципами участия горожан и практикой проектирования. Особое внимание уделяется сопоставлению этих процессов с идеями В. Л. Глазычева о субъектности города и роли культурной идентичности как основы пространственного развития. На примерах российских малых городов (Кашин, Каргополь, Белозерск) показывается, как формализованное участие, типизация решений и экономические ограничения приводят к потере локальных смыслов и подмене подлинного развития декоративным проектированием. В завершение проводится параллель с субурбией Московской агломерации, где стандартизация среды лишает новые территории перспектив самостоятельного культурного кода.

Ключевые слова: малые города, городская среда, участие, субъектность, идентичность, благоустройство, стандартизация.

Simulated Participation and Standardized Environments: Why Small Towns Lose Their Voice. Rethinking V. L. Glazychev's Ideas

Elena Dyachenko
Undergraduate student at RUDN University
Russia
Moscow
e-mail: esdya@bk.ru

Abstract. This article examines current approaches to public space improvements in small Russian towns through projects delivered under the All-Russian Competition for the Best Projects for Creating a Comfortable Urban Environment run by the Ministry of Construction. Drawing on the author's participation in such projects, it analyzes the mismatch between declared citizen participation and actual design practice. Special attention is given to V. L. Glazychev's ideas about the city's subjectivity and the role of cultural identity as a foundation for spatial development. Case studies from Kashin, Kargopol and Belozersk demonstrate how formalized participation, standardized solutions and budget constraints erode local meanings and substitute genuine development with decorative design. A parallel is drawn with the Moscow suburban fringe, where standardization similarly impedes the emergence of a distinct cultural code.

Keywords: small towns, urban environment, participation, subjectivity, identity, public space, standardization.

Современная повестка развития малых городов в России включает в себя множество стратегических направлений — от пространственного планирования и благоустройства до вовлечения населения в формирование городской иден-

тичности. В последние годы особую роль в этом процессе играют государственные конкурсные программы, направленные на реализацию проектов благоустройства. Участвуя в таких проектах, автор настоящей статьи имела возможность наблюдать, как устроены механизмы принятия решений в малых городах, как строится диалог между архитекторами, администрацией и жителями и какие ограничения оказывают влияние на качество городской среды.

В процессе участия в конкурсных проектах благоустройства в малых городах автору довелось наблюдать, как выстраивается взаимодействие между архитекторами, представителями местной администрации и жителями. Несмотря на наличие предусмотренных форм общественного участия, на практике степень вовлеченности горожан могла варьироваться в зависимости от организационного контекста и этапа проектирования. Эти наблюдения стали поводом обратиться к идеям Вячеслава Леонидовича Глазычева — мыслителя, предлагавшего рассматривать город не только как территорию, но и как культурный субъект с собственной волей, голосом и смыслом.

Цель статьи — рассмотреть, в какой мере современные практики благоустройства соотносятся с идеями Глазычева и какие риски могут возникать при их формализации и стандартизации. На основе реального опыта автор предлагает осторожный анализ системных ограничений, не претендуя на исчерпывающую оценку, но стремясь обозначить поле для дальнейшего обсуждения и совершенствования подходов к развитию малых городов.

Идеи В. Л. Глазычева как основа для анализа участия и субъектности

Вячеслав Леонидович Глазычев рассматривал город не только как пространственную структуру, но как носителя культурного содержания, которое формируется через историю, память, повседневную практику и осмысленную деятельность его жителей. Центральным понятием в его подходе выступала «субъектность города» — способность городской

общности выражать и реализовывать собственную волю, включаясь в процессы преобразования среды не формально, а осмысленно и деятельно.

Особое значение Глазычев придавал участию горожан в принятии решений, подчеркивая, что без этого невозможно развитие подлинной городской культуры. Он видел в участии не просто инструмент согласования интересов, а важнейшее условие формирования идентичности, укорененности и чувства сопричастности к месту. Более того, для малых городов он особенно настаивал на важности локального контекста — исторических, культурных и пространственных смыслов, которые отличают одно место от другого и создают основу для устойчивого и уважающего прошлое развития.

В то же время Глазычев критически относился к унификации и типизации в градостроительной политике, полагая, что они приводят к стиранию различий и ослаблению культурной самобытности территории. Для него важно было не просто «обустроить» город, а услышать его, прочитать как текст — и лишь тогда начинать диалог с пространством. Он был одним из первых в постсоветском урбанистическом поле, кто последовательно отстаивал идею города как субъекта — носителя воли, смыслов, истории и права на развитие. Его размышления о «личности места» и необходимости опоры на локальную идентичность в пространственном планировании созвучны современным дискуссиям о «праве на город» и «пространственной справедливости» [1; 2; 3]. Для Глазычева право на город означало не только физический доступ к пространству, но и возможность влиять на его облик, участвовать в процессе создания среды — не формально, а по существу [4, с. 112–118].

Также ученый подчеркивал, что административные формы участия, внедряемые без связи с контекстом и без доверия, ведут к симуляции процесса: «обсуждение» проводится, но решения принимаются без учета мнений жителей. В эссе «Местное самоуправление как форма сопротивления» Глазычев утверждал, что подлинное участие должно быть не ритуалом согласования, а механизмом защиты идентичности, прав

и интересов местных сообществ, особенно в условиях доминирования бюрократических структур [4, с. 203–210]. Для него местное самоуправление — не просто уровень управления, а способ вернуть городу голос.

Практики участия и культурной субъектности в контексте проектной деятельности

Практический опыт реализации конкурсных проектов благоустройства в малых городах позволяет наблюдать, как заявленные принципы вовлечения и учета локальной специфики соотносятся с реальной организацией процесса. Как правило, участие жителей предполагается на нескольких этапах — от первичных опросов и ментальных карт до общественных обсуждений проектных решений. Тем не менее на практике эти формы участия часто носят ограниченный или формальный характер.

Одной из типичных особенностей становится смещение фокуса участия в сторону административного диалога: обсуждения проходят преимущественно с представителями местной власти, без полноценного присутствия горожан. Даже при наличии качественных исходных данных — запросов, собранных от жителей, или наблюдений на месте, — не всегда удается отразить эти материалы в итоговом проекте. Причиной может быть как бюджетная и регламентная рамка конкурса, так и этапность процесса, при которой поздние возражения или уточнения оказываются не вовремя. Дополнительным фактором служит нормативная среда, регламентирующая процедуры обсуждений и информирования: с одной стороны, она задает необходимый «каркас» участия, а с другой — провоцирует рост формальности, когда выполнение процедур подменяет содержательный диалог [5; 6; 7].

Также важно отметить, что архитектурные решения, предлагаемые в рамках таких проектов, зачастую носят универсальный характер. Это обусловлено как логикой конкурсного механизма, так и стремлением обеспечить реалистичность и эффективность реализации в условиях ограниченного

финансирования. Вместе с тем это ведет к снижению степени выраженности локальных особенностей, несмотря на попытки учесть элементы визуального или символического кода. В результате участие оказывается двусмысленным: оно демонстрирует готовность к диалогу, но нередко ограничивается ритуалом согласования, не затрагивающим глубинные потребности жителей. Эта двойственность отражает системное противоречие между административной логикой и логикой места [8].

Современная практика благоустройства в малых городах часто оказывается в ситуации балансирования между стандартизацией проектных решений и сохранением уникального городского кода. Это противоречие нельзя разрешить только через набор «участнических» инструментов — оно требует переосмысления самой цели вовлечения. Если исходить из того, что участие жителей не сводится к согласованию дизайн-проектов, а является способом воспроизводства культурной и социальной памяти места, то проектирование превращается в процесс формирования общих смыслов.

Именно поэтому ключевой вопрос в работе с малыми городами не «сколько людей пришло на встречу», а «какие представления о будущем города были выработаны и кем они разделяются». На этом уровне показатели результативности нельзя измерить только физическими артефактами благоустройства. Более точным индикатором становится появление устойчивых сообществ, способных самостоятельно инициировать изменения, использовать и поддерживать созданные пространства.

В этом контексте архитектурные решения и планировочные приемы превращаются в материальные носители отношений, доверия и взаимных обязательств. Они фиксируют не только форму, но и историю совместного действия, и именно в этом смысле становятся элементами городской идентичности. Такой подход предполагает более глубокую интеграцию социокультурного анализа в каждый этап проектирования — от диагностики и концепции до эксплуатации объектов.

Кейсы малых городов: Кашин, Каргополь, Белозерск

Опыт программ благоустройства последних лет позволяет проследить типичные сценарии. Так, город Кашин (Тверская область) стал лауреатом Всероссийского конкурса в номинации для малых городов до 20 тысяч человек; проект «Кашин: город русского сердца. Благоустройство набережной реки Кашинка» был отмечен за концептуальное переосмысление набережной [9]. В дальнейшем региональные органы власти сообщали о завершении ряда объектов-победителей и продолжении работ по другим территориям в Тверской области [10; 11].

В Архангельской области город Каргополь неоднократно входил в число победителей/финалистов конкурсных отборов, получая финансирование на общественные пространства, включая проекты «От Потанихи до Полторанихи» и связанные с ревитализацией культурных площадок [12; 13; 14]. Это способствовало запуску строительных работ и обсуждений, но также высветило типичное напряжение между типовыми решениями и локальными смыслами.

Город Белозерск (Вологодская область) — еще один пример города, регулярно упоминаемого среди победителей конкурса: проекты «Моя Белозерская набережная», «Городские бульвары» и другие иллюстрируют, как федеральная рамка поддерживает обновление общественных пространств в исторических поселениях [15; 16; 17]. При этом локальные дискуссии касаются сопряжения туристических сценариев и нужд горожан, качества эксплуатации и участия жителей на последующих этапах.

Во всех трех кейсах можно увидеть повторяющуюся логику: наличие формальных процедур вовлечения (опросов, встреч, общественных обсуждений) сочетается с преобладанием административной повестки и ограничениями, заданными бюджетом и сроками прохождения конкурсного цикла. Это стимулирует стандартизацию решений и снижает вероятность «выслушивания» места в смысле, о котором писал Глазычев [4].

Нормативные рамки участия: возможности и ограничения

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляет право граждан участвовать в осуществлении местного самоуправления, в том числе через публичные обсуждения и собрания. В городском планировании это опирается на стандарты и методические рекомендации Минстроя России: «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», а также «Методические рекомендации по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды» (приказ Минстроя России от 30.12.2020 № 913/пр; изменения — приказ от 02.09.2022 № 723/пр) [5; 6; 7]. На практике эти документы создают базу для институционализации участия (каналы обратной связи, процедуры информирования и т. п.), но при отсутствии ресурсов и компетенций на местах могут приводить к минималистичному исполнению по «чек-листу». С одной стороны, это гарантирует публичность, а с другой — не обеспечивает глубины диалога, если не встроены механизмы совместного принятия решений и постпроектной эксплуатации [18].

Исследования и эмпирические наблюдения: от ВШЭ до международного опыта

Исследования Высшей школы экономики, профильных подразделений Минстроя России и научных журналов подтверждают важность раннего и непрерывного вовлечения, а также наличие системных барьеров — от репрезентативности опросов до конфликта между сроками реализации и качеством процессов [8; 18; 19]. Зарубежный опыт Neighbourhood planning в Великобритании показывает, что институционализация участия на уровне соседских планов может повысить легитимность решений и качество среды при условии доступной экспертизы и прозрачных процедур [20; 21; 22]. Однако

и там подчеркиваются риски «усталости от консультаций» и неравенства голосов (over-representation активных групп), если участие не подкреплено механизмами перераспределения влияния.

Современная академическая литература по партисипаторному планированию отмечает, что консенсус становится достижимым при сочетании процедурных гарантий, качественной фасилитации и опоры на локальную идентичность; иначе участие приводит лишь к воспроизводству конфликтов и стандартных решений [23]. Для российских малых городов это означает необходимость инвестиций не только в объекты, но и в процессы (исследования, модерацию, образовательные программы для администраторов и жителей), а также в последующую эксплуатацию и программирование пространств [8; 18].

Субурбия без лица: новая среда и утрата идентичности

Если в малых городах можно говорить о частично утраченной субъектности, то в новой субурбии Московской агломерации идентичность зачастую еще не возникла. Территории, формирующиеся как продолжение городской экспансии — малоэтажные поселки и многоэтажные жилые комплексы, — часто лишены локальной истории и устойчивых форм сообщества. Типизация планировочных и архитектурных решений, ориентация на скорость застройки и нормативность жилья формируют среду, где человек выступает потребителем услуги, но не участником. В такой ситуации шансы на появление «лица места» возрастают там, где возникают инициативы снизу (соседские практики, временные точки притяжения, горизонтальные формы самоорганизации). Мягкая институциональная поддержка этих инициатив — от микрогрантов до предоставления временных площадок — может стать механизмом «разговоров с местом», формирующим субъектность сообществ без директивного навязывания сценариев [1; 18].

Практические рекомендации для проектных команд и администраций

1. Встраивать этапы участия не как отдельные мероприятия, а как непрерывный цикл: диагностика — со-проектирование — тестирование — реализация — эксплуатация — оценка.
2. Использовать комбинированные методы сбора данных (наблюдения, маршруты, дневники пользователей, поп-ап интервенции) и связывать их с управленческими решениями.
3. Запрашивать у конкурсных организаторов гибкость по срокам и составу работ ради включения итераций и прототипирования.
4. Избегать «иконографического» локального кода (случайных орнаментов), вместо этого опираться на практики повседневности (маршруты, сезонность, сценарии ухода и программирования).
5. Договариваться о модели постпроектной эксплуатации заранее (управляющая организация, договоренности с активистами, календарь событий).

Такая рамка повышает шанс превратить процедуры вовлечения из имитационных в содержательные, а города — из объектов проектирования в субъекты развития.

Подход В. Л. Глазычева напоминает, что город — это не только территория, но и носитель воли и смысла. Современные практики благоустройства малых городов демонстрируют прогресс институционализации участия, но также риски формализации и стандартизации. Интеграция идей Глазычева требует от проектных команд и властей переосмысления роли процедур: от «галочек» к совместной ответственности за решения и эксплуатацию. Это означает инвестиции в процессы, создание условий для «выслушивания» места и поддержки слабых сигналов emerging-идентичности. Только так благоустройство перестает быть декоративным и становится развитием.

Методика участия: от опросов к совместному принятию решений

Многие муниципалитеты ограничиваются онлайн-опросами и разовыми встречами. Между тем международная практика указывает на важность перехода от консультаций к со-проектированию и совместному принятию решений. В британских Neighbourhood Development Plans собрания соседей формируют видение территории и получают право утверждать планировочные решения на уровне микрорайонов, что повышает легитимность и качество проектов [20; 21]. В качестве промежуточного шага российские города могут использовать «быстрые прототипы» — временные установки, сезонные сценарии и поп-ап мероприятия как способ проверять гипотезы до капитальных вложений [18].

Измерение эффектов благоустройства

Оценка успешности проектов часто сводится к освоению средств и срокам. Однако исследования указывают на необходимость вводить показатели использования и удовлетворенности, учитывать сегменты населения (дети, пожилые, маломобильные группы), сезонность и распределение активностей по времени суток [8; 18]. Методические подходы ВШЭ к изучению открытых пространств предлагают инструменты наблюдений и опросов «до/после» — их включение в конкурсные требования позволило бы повысить качество обратной связи и дать городам материалы для коррекции решений [8].

Экономика стандартных решений

Стандартизация снижает транзакционные издержки — упрощает закупки, снижает риски производства и эксплуатации. Но она же уменьшает вариативность и часто приводит к «никому не принадлежащим» пространствам с нейтральной идентичностью. Баланс возможен через каталоги решений с локальными модификациями, а также через обязательные «квоты на уникальность», например 20–30% бюджета

на элементы, со-проектированные с жителями и отражающие сценарии конкретного места (ремесленные мастерские, локальные праздники, малые сцены, игровые маршруты). В городе Кашине проект набережной реализовывал потенциал исторического нарратива «города русского сердца», но его эксплуатационная модель потребовала дополнительных договоренностей между администрацией и местным сообществом, чтобы пространство не «остыло» после ввода [9–11].

Риски имитации участия

Имитация участия проявляется в асимметрии информации и времени: жителей информируют на поздних этапах, когда ключевые решения уже приняты, либо дают на обратную связь два-три дня. Локальные активисты выгорают, если их вклад не приводит к видимым корректировкам. Нормативные акты задают минимальный порог, но не гарантируют смысловой глубины [5–7]. Практика показывает, что «длинные разговоры» — серия малых встреч, совместная постановка задач, участие жителей в монтаже временных решений — уменьшают конфликтность и повышают устойчивость проектов [23].

Параллели с субурбией

В субурбии Московского региона отсутствие исторического кода сочетается с высокой динамикой расселения. Здесь особенно заметны эффекты стандартных дворов и общественных пространств «по умолчанию». Но именно здесь небольшие инициативы — соседские фестивали, «карманные» скверы, сообщества ухода за зелеными насаждениями — запускают формирование субъектности. Институциональная поддержка может включать микрогранты, упрощенные регламенты на временные конструкции и «кураторские» программы муниципалитетов. Так постепенно возникает «личность места», о которой писал Глазычев, — через практики повседневности, а не через героические объекты [1; 4].

Литература

1. Department for Levelling Up, Housing and Communities. Neighbourhood planning: Guidance. GOV.UK, 25.09.2020. https://www.gov.uk/guidance/neighbourhood-planning-2 (доступ: 01.12.2025).
2. Getting involved in plan-making: Participation in neighbourhood planning. Planning Practice & Research, 2017. https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263774X16664518 (доступ: 01.12.2025).
3. Public participation and consensus-building in urban and heritage planning. Cities, 2023. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275123000471 (доступ: 01.12.2025).
4. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. — М.: Европейский университет в СПб., 2008. https://www.glazychev.ru/books/urbanistika/Glaziychev_Urbanistika.pdf (доступ: 01.12.2025).
5. Министерство строительства и ЖКХ РФ. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды. Пресс-релиз, 2021. https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-utverdil-standart-vovlecheniya-grazhdan-v-reshenie-voprosov-razvitiya-gorodskoy-sred/ (доступ: 01.12.2025).
6. Приказ Минстроя России от 30.12.2020 № 913/пр «Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды». https://legalacts.ru/doc/prikaz-minstroja-rossii-ot-30122020-n-913pr-ob-utverzhdenii/ (доступ: 01.12.2025).
7. Приказ Минстроя России от 02.09.2022 № 723/пр «О внесении изменений в приказ Минстроя России от 30.12.2020 № 913/пр „Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды“». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426280/ (доступ: 01.12.2025).
8. Высшая школа экономики. Методика изучения и оценки реализации проектов открытых городских пространств. — М.: ВШЭ, 2022. https://spb.hse.ru/mirror/pubs/share/811600895.pdf (доступ: 01.12.2025).
9. Кашин — победитель V Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. 2021. https://www.kashin.info/sobytiya-2/7684-kashin-pobeditel-v-

vserossijskogo-konkursa-luchshikh-proektov-sozdaniya-komfortnoj-gorodskoj-sredy (доступ: 01.12.2025).

10. Тверская область: завершение благоустройства ряда объектов — победителей конкурса. 2022. https://kashingazeta.ru/kraj-rodnoj/v-tverskoj-oblasti-zavershaetsya-blagoustrojstvo-ryada-obektov-pobeditelej-vserossijskogo-konkursa-sozdaniya-komfortnoj-gorodskoj-sredy-v-malyx-gorodax-i-istoricheskix-poseleniyax.html (доступ: 01.12.2025).
11. ЕИЖ. В Тверской области завершено благоустройство объектов — победителей конкурса. 2022. https://eizh.ru/articles/sotsiosfera/v-tverskoy-oblasti-zaversheno-blagoustroystvo-obektov-pobediteley-vserossiyskogo-konkursa-sozdaniya-/ (доступ: 01.12.2025).
12. Проекты Няндомы, Сольвычегодска и Каргополя — победители. 2023. https://pravdasevera.ru/2023/07/24/64be5e2349173fdbff599b82.html (доступ: 01.12.2025).
13. ER.RU Архангельск: Каргополь готовится к реализации очередного проекта благоустройства. 2024. https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/kargopol-gotovitsya-k-realizacii-ocherednogo-proekta-blagoustrojstva-po-gosprogramme-fkgs (доступ: 01.12.2025).
14. МК в Архангельске: финансирование проектов-победителей в 2025 году. 2025. https://arh.mk.ru/economics/2025/08/05/v-pomore-na-realizaciyu-proektov-pobediteley-vserossiyskogo-konkursa-blagoustroystva-v-2025-godu-predusmotren-391-mln-rubley.html (доступ: 01.12.2025).
15. КраСевер: Белозерск — победитель конкурса. 2024. https://www.krassever.ru/news/cherepovets-belozersk-i-vytegra-stali-pobeditelyami-vserossiyskogo-konkursa-proyektov-sozdaniya-komfortn (доступ: 01.12.2025).
16. Правительство Вологодской области: объекты IX конкурса на особом контроле. 2025. https://vologdaoblast.ru/novosti/na_osobom_kontrole_obekty_ikh_vserossiyskogo_konkursa_po_sozdaniyu_komfortnoy_gorodskoy_sredy (доступ: 01.12.2025).
17. БезФормата: Белозерск, Грязовец и Ферапонтово — преображения в 2025 году. 2025. https://vologda.bezformata.com/listnews/belozersk-gryazovetc-i/149351114/ (доступ: 01.12.2025).
18. АСИ/Минстрой. Методические рекомендации по разработке проектов благоустройства, 2024.https://files-ice-k2.asi.ru/iblock/b02/b021e34157a2459ad49fb542fb691c1d/

Metodrekomendatsii_po_razrabotke_proektov_blagoustroystva_2024.pdf (доступ: 01.12.2025).

19. HSE Field Expedition: Public spaces in Kazan and participatory mechanisms. 2019. https://foi.hse.ru/openrussia/kazan-public (доступ: 01.12.2025).
20. You've got the power: Community rights. GOV.UK, 2017. https://www.gov.uk/government/publications/youve-got-the-power-a-quick-and-simple-guide-to-community-rights/youve-got-the-power-a-quick-and-simple-guide-to-community-rights (доступ: 01.12.2025).
21. All-Russian Competition (IX): Официальная страница и документы. https://gorodsreda.ru/ix (доступ: 01.12.2025).
22. Минстрой России: победители IX Всероссийского конкурса лучших проектов. 2024. https://minstroyrf.gov.ru/docs/377181/ (доступ: 01.12.2025).
23. Assessing the effectiveness of public participation in neighbourhood planning: the Sherwood–Graceville case. Planning Practice & Research, 2014. https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02697459.2013.820037 (доступ: 01.12.2025).
24. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (доступ: 01.12.2025).

Метод Глазычева: город как спонтанный порядок

Александр Александрович Яновский
студент магистратуры «Цифровая урбанистика и аналитика города» НИУ ВШЭ,
эксперт Ассоциации «Самые красивые деревни и городки России»
Россия
г. Москва
e-mail: janovvsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается методологический подход городского исследователя Вячеслава Леонидовича Глазычева к изучению и практическому развитию городов, основанный на междисциплинарности, человекоцентричности и диалоге между городскими акторами. Рассматривается гипотеза, что город в представлении Глазычева — это сложная саморазвивающаяся система, своего рода «спонтанный порядок», формирующийся в результате взаимодействия множества независимых участников, а не только по замыслу планировщиков. В работе раскрываются идеи спонтанного порядка (в том числе в трактовке Ф. Хайека и Дж. Джейкобс) применительно к городской среде, а также рассматривается роль публичной политики и институтов в координации и направлении этого спонтанного развития. Отмечается, что подход Глазычева созвучен современным теориям, признающим необходимость баланса между рыночной самоорганизацией и вмешательством государства для коррекции ее издержек. Кроме того, обосновывается, какие дополнительные концепции, такие как теория спонтанного порядка, институциональный подход, концепты умного регулирования и иные методики современной публичной политики, могут дополнить и развить метод Глазычева. Работа опирается на труды самого В. Л. Глазычева и других отечественных и зарубежных

исследователей, проводит параллели с концепциями Джейн Джейкобс, А. Берто, Ф. А. Хайека и др., а также приводит критический обзор данных идей. Сделаны выводы о значимости метода Глазычева для современной российской урбанистики и о возможности синтеза его идей с экономико-институциональными подходами.

Ключевые слова: Вячеслав Леонидович Глазычев, спонтанный порядок, городское планирование, городская публичная политика, экономика города.

Glazychev's Method: City as a Spontaneous Order

Aleksandr Yanovskiy
Master's student in Digital Urban Analytics program at the National Research University Higher School of Economics, expert of the Association of the Most Beautiful Villages of Russia
Russia
Moscow
e-mail: janovvsky@gmail.com

Abstract. The article examines the methodological approach of urban researcher Vyacheslav Glazychev to the study and practical development of cities, based on interdisciplinarity, human-centeredness, and dialogue between stakeholders. It considers the hypothesis that, in Glazychev's view, a city is a complex self-developing system, a kind of «spontaneous order» formed as a result of the interaction of many independent participants, and not just according to the plans of urban planners. The paper explores the ideas of spontaneous order (including in the interpretations of F. Hayek and J. Jacobs) as applied to the urban environment, and also considers the role of public policy and institutions in coordinating and directing this spontaneous development. It is noted that Glazychev's approach is consistent

with contemporary theories that recognize the need for a balance between market self-organization and state intervention to correct its costs. In addition, it is argued which additional concepts, such as the theory of spontaneous order, the institutional approach, the concepts of smart regulation, and other methods of modern public policy, can complement and develop Glazychev's method. The work is based on the works of V. Glazychev himself and other domestic and foreign researchers, draws parallels with the concepts of Jane Jacobs, Alain Bertaud, F. A. Hayek, and others, and provides a critical review of these ideas. Conclusions are drawn about the significance of Glazychev's method for modern Russian urban studies and about the possibility of synthesizing his ideas with economic and institutional approaches.

Keywords: Glazychev, spontaneous order, urban planning, urban public policy, urban economics.

Вячеслав Леонидович Глазычев — одна из ключевых фигур дисциплины, именуемой обычно в России урбанистикой. Он известен своим междисциплинарным подходом к городскому развитию. Некоторые исследователи отмечают, что его труды и практическая деятельность заложили основы отечественной урбанистической школы: Глазычев возглавлял первую в России кафедру, посвященную территориальному развитию и урбанистике, и воспитал поколение специалистов. Метод Глазычева не был формализован им самим как строгий набор шагов. Скорее, это комплекс ценностей, подходов и «оптики» взгляда на город. Однако некоторые современники и ученики выделяют ряд ключевых черт его метода, которые актуальны и сегодня.

Одна из центральных идей Глазычева — рассмотрение города как целостного социального организма, «города людей», где главной действующей силой выступают сами горожане и их взаимодействие. Еще в статье «Город людей» 1976 года он аргументировал [3], что город — это прежде всего процесс взаимодействия людей в пространстве, а значит, архитектурно-планировочные решения должны быть ориентированы на постоянную переадаптацию городской среды

к меняющимся формам этого взаимодействия. Иными словами, город для Глазычева — не статичный результат единого плана, а динамичный процесс, живая ткань, требующая постоянной «подстройки» под потребности общества. Эта концепция во многом предвосхищает представление о городе как *самоорганизующейся системе*. Более политологическим языком можно сказать, что у Глазычева город мыслится как *спонтанный порядок,* возникающий из множества индивидуальных действий и решений [2].

Настоящая статья преследует *цель* раскрыть метод Глазычева в контексте идей спонтанного порядка и публичной политики. Во-первых, будут систематизированы основные положения метода Глазычева: междисциплинарный подход, человекоцентричность, диалог стейкхолдеров, проектная методология. Во-вторых, планируется сопоставить эти идеи с теорией спонтанного порядка, разработанной в экономике Ф. Хайеком и получившей развитие в урбанистике благодаря Д. Джейкобс и другим исследователям. В-третьих, планируется рассмотреть роль публичной политики, управления и институтов — как совместить естественные процессы саморазвития города с необходимостью целенаправленного планирования, регулирования и учета общественных интересов.

Глазычев акцентировал важность диалога власти, бизнеса, экспертов и жителей при реализации городских проектов, что напрямую относится к задачам публичной политики в городской сфере. Стоит проанализировать, каким образом инструменты публичной политики могут дополнять метод Глазычева.

Таким образом, задача работы — выявить, могут ли быть интегрированы между собой идеи спонтанного порядка и публичной политики в так называемом методе Глазычева.

Метод Глазычева: что он из себя представляет?

Глазычев одним из первых в советской и российской практике стал рассматривать город сквозь призму сразу нескольких дисциплин. Он исходил из ограниченности сугубо архи-

тектурно-градостроительного понимания города, привлекал знания из социологии, культурологии, истории, экономики, экологии — всего спектра «городских» наук — для формирования целостного понимания городского развития [2]. Глазычев перевел на русский язык фундаментальную работу Кевина Линча «Образ города» [5], благодаря чему советские архитекторы переосмыслили свои демиургические позиции и осознали, что восприятие города жителями может расходиться с замыслами проектировщиков. Его метод подразумевал, что городской планировщик должен быть одновременно немного социологом, экологом, экономистом, историком — иначе есть риск видеть в городе лишь «схему улиц и зданий», упуская живое содержание.

В центре методологии Глазычева стоит человек как главный субъект города. В работах Глазычев полагает, что городской успех определяется не параметрами застройки сами по себе, а качеством жизни и активностью жителей. Город, по Глазычеву, — это не столько совокупность зданий, инфраструктуры и планов, сколько система договоренностей и взаимодействий граждан. Он критиковал поиск универсальных моделей города, полагая, что подлинная комфортная среда рождается из местной специфики, культуры, экономики и участия самих жителей.

Конкретным проявлением человекоцентризма Глазычева была его убежденность в ценности *городских сообществ и локальных инициатив*. Он подчеркивал, что вмешательство извне в сложившуюся городскую среду (например, новое строительство) неизбежно вызывает конфликт старого и нового, который невозможно решить без вовлечения местного сообщества. Поэтому еще в 1980–1990-е годы Глазычев отстаивал идеи, которые сегодня назвали бы практиками *партисипативного планирования* и даже *тактического урбанизма*. Он считал важным создавать условия для самодеятельности горожан, для их самоорганизации — будь то совместное благоустройство дворов, создание местных ассоциаций или иные формы активности. В книге «Город без границ» [2] Глазычев приводит характерное наблюдение со ссылкой на Алексиса де Токвиля [9] и указывает

на такую модель поведения горожан, как самоорганизацию для решения некоторых местных проблем. Институты, по его мнению,— ассоциации, инициативные группы,— являются необходимым элементом успешного развития городской среды.

Еще одной фундаментальной составляющей метода Глазычева является требование диалога всех участников городского развития. Город — это всегда множество стейкхолдеров (жители, власть, бизнес, профессионалы, активисты), интересы которых, по его мнению, должны быть согласованы. Как отмечал Глазычев, при любых городских проектах крайне важен открытый диалог, иначе конфликт интересов приведет к провалу затеи. Он продвигал идею «срежиссированного диалога» между жителями и концептуальными планировщиками, когда проводится целенаправленная работа по обсуждению проектов со всеми сторонами. Подобные процессы сейчас называют моделями соучаствующего проектирования [14] (participatory design). Глазычев ссылался на успешные примеры за рубежом: так, он упоминал, что в Денвере (США) и Ванкувере (Канада) удалось организовать диалог горожан и властей при планировании. В идеале же, полагал он, решения о будущем города должны вырабатываться совместно властями, бизнесом, жителями и экспертами. Метод Глазычева, таким образом, требует от городского планировщика или иного специалиста выступать медиатором, фасилитатором общения между разными группами, чтобы на выходе получить разделяемое всеми решение.

Теоретическим вкладом Глазычева в урбанистику и публичную политику стала разработка методологии проектирования, учитывающей разнообразие позиций, которые может занимать специалист при работе над городскими изменениями. Глазычев предлагал модель *четырех методологических позиций,* через призму которых можно осуществлять проектную деятельность. Эти позиции включают 1) научно-аналитическую, 2) социально-техническую, 3) социокультурную и 4) методологическую (метапозицию). Первые три соответствуют разным углам зрения: научный анализ города

(объективное исследование данных, тенденций), техническое проектирование среды (инженерно-планировочные решения с учетом социальных факторов) и социокультурное видение (учет ценностей, исторического и культурного контекста города). Однако в рамках данной работы особенно интересна четвертая позиция — *методологическая координация*. Здесь Глазычев также указывает на необходимость особой роли координатора или модератора проектов, который не столько разрабатывает конкретное решение, сколько увязывает между собой разные проектные инициативы, следит за согласованностью частных проектов с общей стратегией, обеспечивает обмен знаниями между командами. Такой специалист по методологии проектирования выполняет роль связующего звена, добавляя недостающие элементы и устраняя противоречия между различными планами. По сути, это и есть функция системного интегратора в городском развитии. В рамках четырех позиций Глазычев также отмечал необходимость сочетать две логики анализа — *индукцию и дедукцию*, то есть движение от частного к общему и от общего к частному одновременно. Он считал, что урбанист должен уметь как обобщать множество локальных наблюдений в общие принципы, так и проверять любые общие концепции на конкретной городской почве. Подобная интеллектуальная гибкость — важная часть того, что можно назвать его методом.

Наконец, нужно отметить еще одну грань методологии Глазычева — его масштабный исторический взгляд на территориальное развитие. Он предпринял попытку описать историю расселения и градостроительства в России от древности (племенных поселений) до наших дней (2000-х годов) — эти идеи отражены в его книге «Глубинная Россия: 2000–2002». В этом труде Глазычев прослеживал, как культурные, институциональные и экономические факторы разных эпох формировали российскую систему городов [1]. Он обращал внимание, например, на особенности урбанизации советского периода, отмечая появление моногородов и новых районов вокруг производственных объектов. Такой историко-культурный подход вероятно был придуман для того, чтобы показать,

что каждый город несет отпечаток своей истории и глубинных институтов. Поэтому планировать его развитие без учета этих слоев, по Глазычеву, недопустимо. Это перекликается с его требованием учитывать «культурный потенциал» [1] места — способность местного сообщества сохранять и развивать свои условия жизни, включая культурные институты (музеи, библиотеки, клубы и т. д.), которую он рассматривал как ресурс развития.

Подводя итог, условный ***метод Глазычева*** в работе с городами можно свести к следующим пунктам:

- междисциплинарный анализ города (синтез гуманитарного, инженерно-технического и социально-экономического знания);
- человеко-ориентированный подход — фокус на качестве жизни, свободе выбора, активности жителей, развитии сообществ;
- диалог и участие, подразумевающее привлечение граждан и разных стейкхолдеров к выработке решений, роль урбаниста как координатора и модератора;
- проектное мышление на нескольких уровнях — учет научного, технического, социокультурного аспектов и наличие методолога, следящего за цельностью проектов;
- комбинация индукции и дедукции, заключающаяся в необходимости работать как с конкретными локальными данными, так и с общими моделями, постоянно сверяя одно с другим;
- важность учета историко-институционального контекста, то есть понимание города как продукта длительной эволюции институтов и культурных норм, требующее уважения к «коду» места.

Основные идеи в работах, несмотря на всю сложность и многогранность, прослеживаются достаточно четко и дают ценное основание для современных исследований. Далее мы рассмотрим, как эти идеи соотносятся с теорией спонтанного порядка и что нового может привнести их синтез.

Город как спонтанный порядок: самоорганизация в городском контексте

Термин «спонтанный порядок» (или самоорганизация) происходит из социальной и экономической теории, главным образом ассоциируясь с работами австрийского экономиста Фридриха А. Хайека [16]. Спонтанным порядком называется порядок, возникающий стихийно из хаоса в результате нескоординированных целенаправленных действий множества субъектов. Классическое определение, восходящее еще к шотландскому философу Адаму Фергюсону, гласит, что такой порядок — это «результат человеческих действий, но не исполнения какого-либо человеческого замысла». Хайек, развивая эту идею, подчеркивал, что сложные социальные явления (рынок, язык, обычаи) не спланированы единым центром, а эволюционируют сами по себе, когда люди следуют своим частным целям. В экономике наглядным примером спонтанного порядка считается рыночная экономика: множество индивидуальных сделок и решений приводят к возникновению упорядоченной системы цен и распределения ресурсов. Спонтанный порядок — это, по сути, самонастраивающаяся система, которая не требует постоянного управления извне, поскольку каждый участник, преследуя свой интерес, невольно вносит вклад в общий баланс.

В контексте города идея спонтанной самоорганизации находит яркое выражение в трудах городской исследовательницы Джейн Джейкобс [4]. В 1961 году она опубликовала знаковую книгу «Смерть и жизнь больших американских городов», которая стала манифестом против господствовавшего тогда ортодоксального градостроительства. Джейкобс атаковала модернистские планы упорядочивания городов (зонирование, снос «хаотичных» старых кварталов) и доказывала, что настоящая организованная сложность города рождается из разнообразия и спонтанности. Она показывала, что попытки навязать городу чуждый ему «преднамеренный (притворный) порядок» ведут к разрушению той тонкой ткани, которая поддерживает безопасность и живость улиц. Джейкобс фактически применила хайековскую мысль к урба-

нистике [17]. Она утверждала, что в городе должны сосуществовать тысячи небольших планов — планов отдельных людей, семей, бизнесов, — и задача властей не подавлять их единым проектом, а скорее координировать и обеспечивать рамки, в которых эти частные планы могут осуществляться.

Вячеслав Глазычев же отмечал, что «представления создателей новых районов о том, что нужно их обитателям, и представления жителей… как минимум не совпадают». Он подчеркивал, что люди часто не ходят по официально проложенным дорожкам, а протаптывают собственные тропинки через газоны; самовольно остекляют лоджии, расписывают стены и т. д., то есть адаптируют среду к своим реальным потребностям. Здесь можно обнаружить связь с описанной ранее концепцией. Иначе говоря, локальное знание жителей о своих нуждах зачастую превосходит по точности внешние предположения, что согласуется с принципами спонтанного порядка (Хайек называл это рассеянным знанием, доступным «человеку на месте»).

Кроме Джейкобс, идеи самоорганизации города развивали и другие авторы [6; 8; 11; 12]. Современный урбанист и экономист Ален Берто в книге «Order without Design: How Markets Shape Cities» [10] прямо утверждает, что рынки формируют городскую структуру эффективнее, чем детальные генеральные планы и нормативы. Он отмечает, что для сложных систем, к коим относятся мегаполисы, именно рынки, а не планировщики, создают жизнеспособный порядок. Стоит отметить, что Берто не призывает отказаться от планирования вовсе — напротив, он указывает четыре ключевые задачи, которыми должны заниматься городские власти, например обеспечивать развитие транспортной инфраструктуры, предоставлять общественные блага (парки, улицы), предотвращать или минимизировать отрицательные внешние эффекты (negative externalities, например, заторы или загрязнение окружающей среды). Отдельно он предлагает регулярно пересматривать регулирующие нормы. Согласно Берто, успешные города находятся «на грани между эффективностью рынков и ограничением их излишеств или провалов».

Важно отметить недостатки идей спонтанного порядка в урбанистике. Так, критики подобного подхода нередко

утверждают, что предоставление городу полностью стихийного развития чревато хаосом и социальными проблемами. Они указывают, что далеко не все спонтанные процессы приводят к желаемому порядку: например, стихийный рынок жилья может породить трущобы или исключить из центра города малообеспеченных граждан (джентрификация). Подчеркивается, что отсутствие сильного планирования грозит неустойчивостью и конфликтами. Такая позиция частично наследует взгляды модернистских урбанистов середины XX века (таких как Л. Мумфорд или сторонники генеральных планов), считавших существующую городскую ткань «закоснелым хаосом» и стремившихся ее перестроить.

Спонтанный порядок в городе — это возникающая «снизу» организация городской жизни, основанная на локальных инициативах, рынке, индивидуальных планах жителей. Глазычев в своем методе во многом разделял оптимизм относительно таких процессов: он доверял местным сообществам, ценил разнообразие, настаивал, что не нужно стремиться выстроить идеальный город по единому шаблону. Он считал, что «города не должны быть идеальными» и что у каждого своя траектория развития. В этом он выступил российским проводником тех идей, которые обычно ассоциируются с Джейкобс и другими критиками традиционного городского планирования. Осторожно можно сказать, что метод Глазычева гармонично вписывается в концепцию города как спонтанного порядка. Как отмечалось выше, одновременно он ценил роль координатора, методолога, который должен видеть картину целиком и вмешиваться, если спонтанные процессы заходят в тупик. Этот момент говорит о том, что необходимо более детально рассмотреть, какую роль играют публичная политика и институты в методе Глазычева.

Публичная политика, институциональные факторы и координация развития

Публичная политика в городском контексте включает в себя местное управление, градостроительное законодательство, планирование инфраструктуры, жилищную политику, эколо-

гическое регулирование и многое другое. Вячеслав Глазычев сам много работал с органами власти, занимался разработкой стратегий и программ для городов. С современной точки зрения можно заметить, что он выступал за «умное» регулирование, опирающееся на понимание живых процессов в городе. Еще в 1980-х годах Глазычев писал о необходимости перехода от чисто распределительного управления (когда город рассматривается как механизм распределения ресурсов по территории) к средовому подходу, учитывающему органическую жизнь культуры и реальные интересы разных социальных групп. Фактически Глазычев призывал к тому, что сейчас назвали бы качественным управлением [13]: качественные правила, вовлечение стейкхолдеров, учет локальных условий и ориентация на устойчивое развитие.

Современная публичная политика использует инструменты, созвучные идеям Глазычева. Например, с 1980-х годов в зарубежной практике развивается процедура Regulatory Impact Assessment (RIA), оценка регулирующего воздействия [15]. Это механизм, при котором новые правила или проекты оцениваются на предмет возможных последствий и побочных эффектов, прежде чем их внедрять. Такой подход напрямую связан с тем, о чем говорил Глазычев: проекты могут потерпеть неудачу из-за неучтенных косвенных эффектов — экологических, социальных, экономических. Он приводил примеры, когда благоустроенный на бумаге проект на деле вел к ухудшению качества воздуха или финансовым потерям из-за непродуманных последствий. Применение RIA в городском планировании позволяет выявить эти побочные эффекты (externalities) заранее и скорректировать проект. В метод Глазычева органично вписывается подобный аналитический этап. Диалог с жителями можно рассматривать как способ выявления скрытых последствий.

Кроме непосредственной политики, на развитие городов огромнейшее влияние оказывают институты — устойчивые «правила игры» в обществе. Это понятие из экономики и социологии (в частности, из работ Дугласа Норта и новой институциональной экономики) обозначает как формальные правила (законы, постановления, нормативы), так и нефор-

мальные (традиции, нормы поведения, уровень доверия и культуры взаимодействия). Согласно Норту [7; 18], «институты — это созданные людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие», они призваны создавать порядок и снижать неопределенность во взаимообменах. Институты влияют на то, насколько эффективно люди могут координировать свои действия.

Глазычев в своих трудах не использовал термин «институциональная теория», но фактически придавал большое значение институтам [6; 7]. Он часто говорил о «культуре горожанства», то есть о совокупности навыков и норм, позволяющих людям быть квалифицированными пользователями города. В его понимании культура горожан включает умение сотрудничать, соблюдать разумные правила, проявлять инициативу, но в рамках, не ущемляющих других. Все это и есть проявления действенных социальных институтов. Кроме того, указывая на историческую предопределенность развития разных городов, Глазычев де-факто признавал роль долговременных институтов (например, разница между городами, выросшими из торговых центров vs. из административных центров, или между городами с традициями самоуправления и моногородами). Институциональный подход добавляет к методу Глазычева системность: он позволяет объяснить, почему одни территории процветают, а другие при схожих стартовых ресурсах — нет. Многие современные исследования подтверждают, что качество институтов — фундаментальный фактор успеха развития.

В арсенале публичной политики есть различные типы регулирования, что также пересекается с наследием Глазычева. Помимо традиционных методов, вроде законодательного регулирования, нормативов проектирования и т. п., он отмечал важность таких механизмов, как ассоциации, профессиональные сообщества и многие другие. При этом нельзя сказать, что он идеализировал любые инициативы. Он отмечал, что общие и частные интересы должны быть защищены. Например, он настороженно относился к ситуациям, когда активные группы горожан могут, преследуя свои цели, забы-

вать про более слабые или пассивные группы (скажем, обеспеченные жители могут лоббировать свои интересы в ущерб менее обеспеченным). Поэтому Глазычев акцентировал, что решения должны включать ответственность и учет интересов разных слоев.

Если суммировать взгляды Глазычева и соотнести их с политологическими теориями, можно заключить, что публичная политика должна «настраивать» спонтанный порядок города, а не полностью его заменять. Отсюда интерес к механизмам согласований, прозрачности, оценке воздействий, работе с институтами. Вспомним, что Берто в контексте экономики города тоже говорит о «постоянной бдительности» планировщика. Интересно отметить, что взгляды Глазычева во многом совпадают с современным пониманием устойчивого городского развития (sustainable urban development).

Синтез идей Глазычева и их актуальность

Проанализировав метод В. Л. Глазычева через призму теории спонтанного порядка и публичной политики, можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, очевидно концептуальное родство ряда глазычевских идей с принципами, сформулированными Хайеком, Джейкобс и другими исследователями самоорганизующихся систем. Глазычев интуитивно понимал то, что теоретики спонтанного порядка обосновали в общем виде. Можно провести параллель между «локальным знанием» и опросами жителей, вовлеченными наблюдением. Также, подобно Джейкобс, Глазычев указывал на органическую природу городского развития.

Глазычев ввел термин «слободизация» [2] для описания явления, когда рабочий поселок так и остается по сути общежитием при заводе, не становясь полноценным городом с сообществом. Такой анализ перекликается с современной критикой «городов с нуля», которые пытаются строить по единым планам (вроде новых столиц или технополисов). Вячеслав Леонидович описывает, что сложно или невозможно повторить успешные кейсы, что еще раз говорит о важности уникальности каждого города.

Рассмотрение роли публичной политики и институтов подсвечивает [13; 14] то, что метод Глазычева нуждается

в расширении именно этими компонентами, и в то же время уже содержит их зачатки. Глазычев писал скорее языком культурологии; такие понятия, как «внешние эффекты», «провалы рынка», «институты» напрямую у него почти не встречаются. Однако по сути он обращался к этим явлениям, просто иными словами. Например, когда он говорит о «конфликте старого и нового» и поиске справедливых правил, это во многом про регулирование изменений (town planning regulations) и общественный диалог, то есть те же вызовы, что решает публичная политика. Когда он говорит про «культурный потенциал» и необходимость учитывать интересы разных групп, по сути речь об институциональном капитале — о тех самых неформальных нормах и связях, которые позволяют развивать город, описывая идеи соучаствующего проектирования и иные практики.

Наследие Глазычева сохраняет актуальность в урбанистической среде. В российском контексте интерес к его идеям возрос, проходят ежегодные Глазычевские чтения [5]. Многие его находки и рассказанные им идеи активно используются в реальных проектах: проводятся стратегические сессии и семинары, используются механизмы вовлечения, развиваются креативные индустрии и культурные пространства, иначе организуются общественные пространства. И это наследие оставляет за собой широкое пространство для развития и дальнейшего исследования.

Вячеслав Глазычев заложил методологический подход к городскому развитию, базовые принципы которого — междисциплинарность, человекоцентризм, диалог, проектно-аналитическая рефлексия. Город в методе Глазычева предстает сложным саморазвивающимся организмом, чей порядок во многом рождается спонтанно, из множества локальных взаимодействий. В этом смысле можно говорить о городе как о спонтанном порядке — системе, которая возникает из человеческих действий, но не полностью соответствует изначальному замыслу какого-либо конкретного актора.

Однако, признавая несомненную ценность спонтанности, Глазычев одновременно показывал роль *координации и направляющей функции.*

Литература

1. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. — М.: Европа, 2008.
2. *Глазычев В.Л.* Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011.
3. *Глазычев В.Л.* Город людей. Вопросы теории архитектуры. — М., 1976. — С. 77–88.
4. *Джейкобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. — М.: Новое изд-во, 2011.
5. Интервью: Вячеслав Глазычев: Город, где хочется жить. Большие идеи, 2012. https://www.bigideas.ru (доступ: 14.08.2025).
6. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
8. *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. — М.: АспектПресс, 2011.
9. *Токвиль А.* Демократия в Америке. — М.: Весь мир, 2000.
10. Bertaud, A. Order without Design: How Markets Shape Cities. — Cambridge, MA: MIT Press, 2018.
11. Cozzolino, S. Spontaneous order and urban beauty: On the spontaneous beauty of cities / S. Cozzolino. — Urban Design International, 2022. https://link.springer.com/article/10.1057/s41289–021–00170-w (доступ: 14.08.2025).
12. Webster, C. Coupling planning models with models of spontaneous order. Urban Science, 2024. https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/23998083241246594 (доступ: 14.08.2025).
13. Sturzaker, J., Nurse, A. Rescaling Urban Governance: Planning, Localism and Institutional Change. — Bristol: Policy Press, 2020.
14. Foster, S., Iaione, C. Co-Cities: Innovative Transitions to Just and Self Sustaining Communities, 2023.
15. Goodspeed, R. Scenario Planning for Cities and Regions. — Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy, 2021.
16. Hayek, F. A. The Use of Knowledge in Society. The American Economic Review, 1945. — Vol. 35. — No 4. — Pp. 519–530.
17. Maggiulli, N. Who Plans?: Jane Jacobs' Hayekian Critique of Urban Planning. Strong Towns, 2016. https://www.strongtowns.org/journal/2016/1/12/who-plans (доступ: 14.08.2025).
18. North, D. Institutions / D. North // *Journal of Economic Perspectives*, 1991. — Vol. 5. — No 1. — Pp. 97–112.

Авторы

Александров Андрей Александрович
Алов Иван Николаевич
Верещагина Елена Игоревна
Гусева Анна Сергеевна
Дьяченко Елена Сергеевна
Жильцова Арина Юрьевна
Иванов Петр Вадимович
Ивлев Андрей Геннадьевич
Кияница Владислав Игоревич
Ламской Кир Викторович
Марача Вячеслав Геннадьевич
Матвеев Дмитрий Сергеевич
Михеев Даниил Михайлович
Мурунов Святослав Александрович
Попов Георгий Евгеньевич
Соснин Дмитрий Петрович
Шарма Екатерина Ивановна
Шарыгин Александр Ильич
Яновский Александр Александрович

Составители

Соснин Дмитрий Петрович
Верещагина Елена Игоревна
Оганесян Артем Артурович
Яновский Александр Александрович

Научное издание

Заказное издание

Метод Глазычева
Сборник статей

Руководитель проекта *В. В. Кузнецов*
Редактор и корректор *Г. А. Лакеева*
Верстка *Е. В. Немешаевой*
Дизайн обложки *А. К. Золотовой* и *А. М. Петровой*

Подписано в печать 24.03.2026. Формат 60×90/16
Гарнитура PT Serif Pro. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 200 экз. Заказ № 33

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр — тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
www.izdateldelo.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82